Fantasy&ScienceFiction

Сверх новая

3

1995

американская фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantazy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 г.

Номер 9

ЖЕНЩИНА В РЕКЕ ВРЕМЕНИ

- ○ КОЛОНКА РЕДАКТОРА
  - ○ Делия Шерман
  - ○ Пэт Кэдиган
  - ○ Джулия Эклар
  - ○ Чарльз де Линт
  - ○ ДВАДЦАТЬ СВЕТОВЫХ ЛЕТ СПУСТЯ
  - ○ СТО ДВАДЦАТЬ
  - ○ ТЕПЕРЬ ВЫ ЗНАЕТЕ
  - ○ ИНДУСТРИЯ МЛАДЕНЦЕВ
  - ○ БИБЛИОГРАФИЯ
  - ○ ИНВАРИАНТ
  - ○ КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

СВЕРХНОВАЯ

американская фантастика

№ 9

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЖЕНСКАЯ ДУША

В некоторых языках, в частности, в английском, как и в русском, есть способ умолчания, когда в смысловую игру включается подразумеваемая, всем известная вторая половина пословицы, поговорки, стойкого сравнения, фразеологического оборота или летучего злободневного выражения, которое у всех на устах. Намек всегда обогащается за счет жизненного опыта того, кто его воспринимает, поэтому такая манера говорить — это беседа двух посвященных, непонятная тем, кто не знает «шифра» второй половинки, но притягательная возможностью перескакивать через известное, переходя на некий иной уровень. В качестве наиболее распространенных примеров подобной манеры общения назову рифмованный «диалект» (который на самом деле не диалект, а именно специфическая форма контакта) лондонских кокни, сказовую манеру небывальщин разных стран. Недаром они так сложны бывают для перевода, ибо требуют не однократного пересечения границы между двумя языками, а бесконечных поисков приблизительных, большей частью, образных соответствий, социокультурных параллелей и схождений. Вторая половинка словосочетания «женская душа» по-русски существует в виде стереотипа «не больно хороша»…

Вопросы психологии полов порождают бесконечные «альтернативные миры», где неверно найденное соответствие может стать причиной разрушительных конфликтов, а истинное открытие — породить невиданное восхождение к вершинам духа. Способна ли туда вознестись женская душа? Или так и будут вечно тянуть ее в геенну огненную присущие «Евиной внуке» прегрешения? Видимо, если все многообразие женской сферы жизни сводить к греху — то не видать вознесения даже самой доблестной, долготерпеливой и самоотверженной из жен, подобно героине рассказа В. Ф. Одоевского, добытого из-под

спуда времени исследовательницей русской фантастики И. В. Семибратовой. Ибо самая критичная, как бы мы теперь сказали, самооценка сведется насмарку новым подозрением, стремлением найти гордыню даже в смирении. Исход рассказа не столь очевиден, как может показаться — это отнюдь не констатация исконной греховности, неполноценности «Евиного рода», но проникнутный затаенной болью сожаления диалог о пропадающих втуне возможностях развития человеческого существа в женском обличии.

Наш XX век круто взялся за анализ и синтез человеческого облика — пытаясь найти ту неуловимую грань, что определяет принадлежность к женской или мужской половине, осуществляет операции по трансвестизму, ведет опыты по искусственному оплодотворению. Совершенно непропорционально генетическому проценту людей с преимущественной фиксацией интересов на лицах своего пола множится количество психологических, социальных, медицинских, филологических исследований. На уровне обыденного сознания идет активное «анекдототворчество» о гомосексуализме и лесбиянстве, будто каждый второй сосед примеряет на себя подобную роль. Если взглянуть на все это с точки зрения любителя и исследователя фантастики, нельзя не заметить тут желание хотя бы примерить на себя чужую шкуру, если не влезть в нее и не глянуть на мир изнутри чужой оболочки. А тут уже массу интересного можно увидеть и — особо восприимчивым — почувствовать. Почти все авторы нынешнего номера пытаются ощутить и проявить для читателя неуловимые движения женской души. Знаменитая среди почитателей «киберпанка» Пэт Кэдиган мобилизует свои недюжинные языковые ресурсы, чтобы передать силу и боль телепатической связи девочки-героини рассказа «Двое» и шулера Майкла — редкая способность к раскрытию сознания для телепатического общения притягательна настолько, что Сара Джейн до последней минуты держится за своего недостойного во всех отношениях партнера. Однако все же не хочет до безраздельности слиться с этим духовным вампиром.

Женская самоотверженность присуща Тетчи, в коей текла кровь земной женщины и троллеподобного, но справедливого троу из романтической фэнтези Чарлза де Линта, уже знакомого нашим читателям (№ 1 и № 3 за 1994 год). А вот Джулия Эклар рисует героиню, которая не может найти в себе силы пойти наперекор собственным мечтаниям в жестко нарисованном мире «Завещанных жизней». Героиня рассказа Элис Шелдон, неприметная библиотекарша, служащая спецхрана миссис Парсонс совершает вообще из ряда вон выходящий поступок —

покидает родную планету с первыми попавшимися пришельцами. Можно, конечно, иронизировать сколько угодно, но включенный в далеком теперь уже 1974 году почти единогласно в номинацию на премию «Небьюла» рассказ Джеймза Типтри-младшего, лауреата и «Хьюго» и «Небьюла» 1973 года, вызвал настоящую сенсацию в мире фантастики, послужив фокусом оживленных споров относительно того, чего же в женщинах не видят мужчины (буквально название переводится как «Женщины, которых не видят мужчины»), и относительно причин выбора писательницей и психологом-женщиной мужского псевдонима. Шелдон довольно долго удавалось скрывать свое истинное лицо, настолько долго, что некоторые критики-мужчины стали приводить ее творчество в качестве примера исключительно тонкого проникновения писателя-мужчины в духовный мир своих героинь. Думаю, эксперт в области психологической игры, чей муж долгие годы занимал ответственный пост в ЦРУ, Шелдон сознательно пошла на провокацию, чтобы углубить, придать вид более общего случая женскому аспекту в творчестве в целом, и в научной фантастике в частности. Мы впервые предлагаем читателю перевод этого легендарного рассказа, двадцать лет спустя…

Открывает раздел прозы повесть молодой писательницы Делии Шерман «Мисс Карстэрс и Амфибий», придающая номеру в целом морской аромат. Но ведь вода издревле считалась женским элементом.

На Пасху 1992 года я была свидетелем поразительного заплыва, призванного продемонстрировать потенциал акватреннинга И. Б. Чарковского: Вася Разенков, которому тогда был один год восемь месяцев, за 15 часов проплыл в бассейне 33 километра. Причем его результат — показатель не уникальных способностей чудо-ребенка, а скорее доказательство силы желания его родителей изменить жизнь наших детей к лучшему. Ведь мы еще только начинаем постигать все возможности аквакультуры, с некоторыми из них познакомит вас статья о водных родах в рубрике «Теперь вы знаете». Там же новейшая подборка о «репродуктивных технологиях», психологические и юридические сложности которых в полную силу разыгрываются на страницах произведений современных фантастов. Многое изменилось со времен «Прекрасного нового мира» Хаксли.

В библиографическом разделе представляем составленный Татьяной Добрусиной список призведений Эндрю Нортон в русских переводах — самой издаваемой у нас из американских писательниц-фантастов.

И, как заведено, пожелаем с наступлением весны счастья и удачи женщинам нашей планеты и сопредельных миров —

читательницам и писательницам. Ведь если женщина счастлива, она может сделать любой мир фантастически прекрасным!

Лариса Михайлова

Делия Шерман

МИСС КАРСТЭРС И АМФИБИЙ

© Delia Sherman. Miss Carstairs and the Merman.

F&SF, Januaiy. 1989.

Перевела Ольга Федина

Небывалый шторм обрушился на побережье Массачусетса в тот день, когда мисс Карстэрс впервые увидела Амфибия. Там, внизу, в тавернах портового городка, старики попивали горячий ром, прислушивались к завыванию и свисту ветра в трубах каминов и важно кивали головами. «Настоящий норд-ост, что оставляет вдовами жен рыбаков», — говорили они и теснились поближе к дымящемуся очагу. А шторм тем временем терзал город, ветер срывал кровли с крыш, волны разбивали о пирс привязанные там лодки.

От сильных порывов ветра стройный белый дом мисс Карстэрс, отделенный от моря дюнами, раскачивался и скрипел, словно большой корабль.

В этом доме на утесе, высоко над городом, мисс Карстэрс сидела у незанавешенного окна своего кабинета и созерцала отблески молний в морских волнах. Время от времени она поглядывала в длинную подзорную трубу, которую крепко держала своими широкими ладонями. Через трубу мисс Карстэрс видела, как ветер вздымал песок на побережье и бросал его с яростью на деревья в саду.

Словно в кинетоскопе, она наблюдала, как волны протащили мимо берега перевернувшуюся шлюпку, потом как чайка разбилась об утес; и вот, около полуночи, ее объектив поймал на берегу нечто длинное и темное, по форме напоминающее тюленя. Море выбросило это существо на камни, оно затрепыхалось в отступающих волнах, но тут же обмякло и осталось лежать неподвижно.

До необычного существа было не более двух сотен ярдов,

прикинула мисс Карстэрс. Лежало оно в мелкой луже, и пока не начнется прилив, верно, никуда не денется.

Уже отложив подзорную трубу и взявшись за шнурок звонка, мисс Карстэрс все еще колебалась. Ночка выдалась, конечно, премерзкая. Но что если это и в самом деле выкинутый бурей тюлень? Ведь волны могут унести его обратно в море, а она слишком хотела заполучить животное.

Мисс Карстэрс знала, что такое океанский шторм; знакомы ей были и повадки тюленей еще с детства. Когда ей удавалось убежать от няньки, она отправлялась исследовать морское побережье или бродила в соленых болотах за отцовским домом. Возвращалась она из своих экспедиций всегда растрепанная, с кармашками передника, оттопыренными от ракушек, в разорванных мокрых чулках, и благоухающая «как букет морских водорослей», по выражению ее матери. Миссис Карстэрс бранила свою дочь и отправляла в постель без ужина.

Зато отец умудрялся проскользнуть к ней в комнату с куском клюквенного пирога и читал ей на ночь Линнея, сказки Ганса Христиана Андерсена или «Естествознание» Лайеля.

Мистер Карстэрс, сам ихтиолог-любитель, души не чаял в своей умнице-дочери. Она приносила крабов и мидий, и он помещал их в каменном бассейне, который соорудил в оранжерее для экзотических восточных рыбок. На пятнадцатилетие он подарил дочке только что опубликованное «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. Не желая и слышать о томц чтобы отдать ее в местную деревенскую школу, где учились дети рыбаков, он сам обучил ее началам математики, ботаники и логики и говорил жене, что не позволит никакой чопорной гувернантке засорять мозги его маленькой ученой леди всякой ерундой.

Мистер Карстэрс умер; его дочь уже не носила коротких юбочек и научилась красиво причесывать свои длинные волосы. Но она по-прежнему целыми днями бродила по морскому побережью. Тем временем ее мать не уставала расписывать ей прелести семейной жизни, и специально спустила воду из бассейна. Рыбок было жалко, но мисс Карстэрс знала, что нужно набраться терпения, и когда-нибудь она сможет жить, как ей хочется. Пять лет она послушно отвечала «да, мама» и «нет, мама», однако миссис Карстэрс последовала за своим мужем в могилу с горечью в сердце оттого, что ей так и не удалось перевоспитать свою дочь.

После этого мисс Карстэрс заказала удобную сумку специально для собирания моллюсков, набор скальпелей и книгу по анатомии из бостонского издательства Кодмон и Шертлефф.

Она теперь жила одна, чуждаясь общения с женами местных торговцев рыбой, которые в городке составляли «сливки общества». Те, в свою очередь, высмеивали ее. За чашкой индийского чая они шептались, что богатство несправедливо досталось этому синему чулку — ведь мисс Карстэрс жила уединенно и, очевидно, не собиралась выходить замуж.

Да, мисс Карстэрс была синим чулком — но обликом она вовсе не походила на своих любимых рыб и крабов.

Широкий лоб, немного удлиненный подбородок и высокие скулы, унаследованные ею от отца-шотландца, складывались в довольно привлекательную внешность. Однако, ветер и мороз оставили на ее лице морщины, и оно было загорелым, как лицо рыбака, а ее тонкие пепельные волосы выбелил соленый ветер, наподобие серебристой дранки, которой были покрыты здания верфи. Высокая и крепкая, мисс Карстэрс могла похвастаться мужской выносливостью, приобретенной от каждодневных походов по болотам.

Вдобавок к прочим своим достоинствам, мисс Карстэрс была терпелива, как и подобает ученому, и годами прокорпев над работами по классификации и эмбриологии, овладела знаниями и методами научной аргументации в достаточной степени, чтобы писать статьи, публикуемые в журнале «Американский натуралист» и благосклонно принимаемые в Бостонском обществе изучения природы.

К сорока девяти годам Э. Монро Карстэрс «имел» твердую репутацию знатока моллюсков, обитающих на побережье Новой Англии.

Мисс Карстэрс собрала сотни образцов моллюсков: зловещие ряды маленьких баночек с замаринованными в них головоногими и брюхоногими моллюсками стояли на полках в ее кабинете. Кроме того, в бассейне в оранжерее она держала целый океан в миниатюре: морских желудей и полипов, равно как и омаров, крабов и перистых морских червей. Том самом, где отец некогда разводил золотых рыбок.

Мисс Карстэрс отремонтировала бассейн и оборудовала его насосами и фильтрами, которые накачивали туда воду из залива и поддерживали ее свежей.

Этот бассейн овальной формы с каменными бортиками находился в настоящем Эдемском саду, окруженный кудрявым бостонским папоротником и сладковато пахнущей мятной геранью. Водоем, и особенно коллекция его обитателей были гордостью мисс Карстэрс. Для нее было наслаждением запускать в него новые здоровые экземпляры редких видов морской фауны, поэтому и зимой и летом она проводила массу времени в поисках

морских животных, осматривая отмели во время отлива и исследуя черную жижу соленых прибрежных болот.

Но самые необычные образцы приносила ей буря, которая, взбивая океан, как сливки, поднимает С самого дна наидиковиннейшие раковины и крабов.

Итак, мисс Карстэрс в задумчивости держалась за шнурок звонка. По опыту она знала, что если отправляться за тюленем, то немедленно, — иначе останется только наблюдать, как его утащит волнами обратно в море.

Наконец, она решительно дернула за шнурок и приказала заспанной горничной Саре незамедлительно поднять с постели Стефана и Джона, пусть ждут ее у черного хода.

— Скажи им, чтобы захватили фонари и те носилки, на которых тащили найденную в прошлый раз акулу, — сказала она. — А мне принеси плащ и сапоги.

Вскоре двое слуг в клеенчатой одежде, позевывая и прикрывая рот ладонью, поджидали мисс Карстэрс в темной кухне. Впрочем, они не злились, хотя их и подняли с постели посреди ночи для похода по мокрым, скользким камням.

По правде говоря, они втайне гордились эксцентричностью своей хозяйки, которая держала омаров в бассейне вместо того, чтобы съесть их, и мужественно, невзирая на погоду, бродила по болотам и вязла в мокром песке на побережье. И теперь, когда мисс Карстэрс непременно желала идти к морю, когда дул самый страшный за последние десять лет норд-ост, чтобы подобрать какую-то редкую морскую тварь, им оставалось только повиноваться.

Мисс Карстэрс впереди с фонарем, указывая путь, слуги за ней, — вся компания спустилась по скользким деревянным ступеням к морю. Гроза уже отошла, и обманчивое мерцание молний больше не сбивало их с толку. Свет фонаря выхватывал разбросанные по берегу остатки оргии стихий: пуки водорослей, рыб, разбившихся чаек и причудливые раковины. Но это все не привлекало внимания мисс Карстэрс, и она быстрее ветра ринулась к утесам на морской губе, к той самой луже, в которой должна была находиться ее добыча.

Нет, это был явно не тюлень. Тусклый желтый свет фонаря давал только самое общее представление о его форме, но мисс Карстэрс заметила, что туловище его было гораздо тоньше тюленьего, а кожа не покрыта мехом. Передние ласты — необычайно длинные и гибкие, а вдоль спины проходил как будто гребень из костных шипов. Но весь торс, голова что-то напоминали…

Мисс Карстэрс наклонилась было, чтобы получше

рассмотреть свою находку, но нетерпеливое восклицание Стефана: «Ну так что же, мисс?» вернуло ее к реальности. Мисс Карстэрс виновато выпрямилась. Ветер снова набирал силу, пора было спешить домой. Она отошла, чтобы не мешать, пока слуги раскладывали носилки, сделанные из двух палок и куска холста и похожие на матросский гамак. На эти носилки уложили находку, и на случай, если она еще жива, прикрыли одеялом, смоченным в морской воде.

Шатаясь от ветра и тяжести, слуги пересекли побережье, поднялись по деревянным ступеням, проследовали через сад и, наконец, переступив через невысокий порог, оказались у стеклянных дверей оранжереи, смело отстороенной с наветренной стороны и смотревшей на море. Мисс Карстэрс открыла дверь, и порыв ветра мгновенно задул почти все газовые фонари, предусмотрительно зажженные Сарой. Поэтому слугам пришлось поднимать и перекладывать находку на край бассейна в полумраке. Они поместили животное на длинном валуне, на котором когда-то любили греться на солнышке водяные черепахи мистера Карстэрса.

Безжизненное тело тяжело скатилось с носилок на камень; мисс Карстэрс разглядывала его в недоумении, пока слуги переводили дыхание и вытирали пот со лба.

— Думаю, опускать в бассейн его не стоит, — наконец, проговорила она. — Если оно все еще живо, то сможет потерпеть без воды и до утра. А если нет, я не хочу, чтобы омары добрались до него прежде меня.

Слуги поправили существо, чтобы оно не сползло, аккуратно закрутили газовые рожки и, хлюпая мокрыми сапогами, удалились на покой.

Несколько минут мисс Карстэрс, задумчиво прикусив указательный палец, разглядывала новый экземпляр своего зверинца. С гребнем шипов и гладкой кожей, он не походил ни на кого из прочих представителей фауны, которых ей доводилось видеть или о которых она читала у Аллена, Грея или фон Хааста. Но в конце концов в темноте даже знакомые предметы часто приобретают странный облик, поэтому мисс Карстэрс не стала тревожить Сару просьбой зажечь фонари. Кроме того, ей самой пора было ложиться, а завтра будет предостаточно времени, чтобы разглядеть находку.

Но стоило ей подняться по лестнице наверх — ноги сами понесли ее не в спальню, а в кабинет, где она провела остаток ночи, листая «Каталог океанских млекопитающих» доктора Тру.

В шесть утра мисс Карстэрс позвонила Саре, чтобы та принесла ей кофе и булочки. В 6:30 она, поев, приняв ванну и

одевшись, уже шагала в оранжерею.

Существо лежало в том же положении, в каком его оставили вечером — наполовину в воде. Его мускулистый хвост переходил в отлично сложенный торс, не покрытый ни чешуей, ни шерстью, передние его конечности походили на руки с напоминающими человеческие сочленениями, сильные длинные мышцы просматривались под защитным слоем жира. Голова, круглая, уши перепончатые, похожие на плавники.

Мисс Карстэрс отказывалась верить собственным глазам. Возможно, у нее от переутомления и ночного чтения начались галлюцинации. Так или иначе, животное раскроет свой секрет под ее скальпелем — и, скорее всего, окажется какой-нибудь морской свиньей-уродом или подвидом морской коровы.

Она приподняла его голову ладонями. Кожа существа была холодной, податливой и слизкой, как у рыбы, с которой счистили чешую. Оттянув его толстые веки без ресниц, мисс Карстэрс заглянула в мутные закатившиеся глаза.

Нет, все-таки ничего подобного она никогда не встречала. Существо, видимо, относится к совершенно неизвестному виду. Или даже роду?

Все с большим волнением, она пальпировала его череп. Гладкий, без волос, — только колючий гребень проходил вдоль по затылку. Потом мисс Карстэрс ощупала безгубый рот животного и небольшой выступ между его глазами. Этот выступ состоял из хрящей и мягких тканей, как и человеческий нос, и когда мисс Карстэрс осознала это сходство, она вдруг поняла, что черты «лица» этого необычного создания необыкновенно напоминают человеческие глаза, нос, рот и подбородок.

Это существо вряд ли можно было считать диковинным мутантом, причудой природы — по-своему, оно было вполне гармонично сложено и так же прекрасно приспособлено к своей среде обитания, как слон или шимпанзе — к своей.

Мисс Карстэрс вспомнила гравюру в какой-то прочитанной в детстве книге сказок, где был изображен печальный ребенок с торсом человека и рыбьим хвостом.

Она опустилась в плетеное кресло, чтобы совладать с внезапно нахлынувшими эмоциями. Здесь, в уютном отцовском бассейне лежал на камне экземпляр вида, не изученного мистером Дарвином и не вошедшего в классификацию Линнея. Этот экземпляр был биологической аномалией, чем-то невозможным с научной точки зрения. Короче, в бассейне находилась русалка, собственноручно найденная ею, Эдит Карстэрс.

Робко, почти с благоговением, мисс Карстэрс снова

приблизилась к существу. Она повернула к себе безжизненную голову, потом попыталась раскрыть широкий, безгубый рот, чтобы взглянуть на зубы русалки. Ее пальцы ощутили слабое, прохладное дуновение воздуха, и она отдернула руку, как будто животное укусило ее. Неужели оно еще живо?

Мисс Карстэрс положила руку на его грудь — ничего. После минутного колебания, она приложила ухо к груди русалки — и услышала слабое, с большими, чем у человека, паузами биение сердца.

В страхе, что существо придет в себя и не удастся до этого хорошенько его обследовать, мисс Карстэрс схватила записную книжку и толстотный циркуль, чтоб составить подробное описание внешней анатомии.

Ученая леди начала с черепа, который оказался объемом с человеческий; потом принялась за «руки» с четырьмя перепончатыми пальцами. Она сделала наброски всего животного с разных углов и отдельные зарисовки его головы, ушей-«плавников», необычно сложенного торса и ороговевших когтей. Отсутствие наружных половых органов и округлость конечностей навели ее на мысль, что перед ней особь женского пола, несмотря на отсутствие грудей и сказочных золотых длинных волос.

На самом деле, груди и струящиеся золотые волосы были бы в реальном подводном мире только помехой, решила мисс Карстэрс, — настоящие русалки прекрасно обходились бы без этих легендарных атрибутов. С другой стороны, и русалу мужского пола было бы гораздо удобнее плавать без наружных гениталий. Так что мисс Карстэрс решила воздержаться от поспешных выводов относительно пола существа.

Ровно в час Сара принесла обед: отбивную и стакан ячменного отвара. Животное все еще лежало без сознания.

Не оставляя работы, мисс Карстэрс проглотила отбивную в краткий перерыв между снятием восковых слепков когтей чудища и взятием мазков слизи с его кожи, чтобы изучить потом под микроскопом состав. Отобрав в пробирку некоторое количество алой жидкой крови, она с любопытством потрогала причудливую бахрому, окаймлявшую ушное отверстие; уши его не имели аналогов у водных животных, дышащих легкими. Мисс Карстэрс решила, что это, должно быть, жабры.

К семи часам вечера мисс Карстэрс потеряла надежду. Склонившись над существом, она ущипнула ногтями его зеленое предплечье, следя за его лицом: не выразит ли оно боли.

Но широкий рот остался неподвижным, перепончатые уши не шелохнулись. По всей видимости оно все-таки уже мертво.

Кажется, ей придется удовольствоваться вскрытием и пора приниматься за это занятие.

Она разложила свои скальпели, хирургическую пилу, потом позвонила слугам, чтобы те вынули животное из бассейна и перенесли его на хирургический стол.

— Осторожно, ну осторожно же! — в волнении предостерегала мисс Карстэрс Стефана и Джона, которые с трудом справлялись со скользким грузом, и всплеснула руками, когда они уронили его вниз животом на каменный край бассейна. Внезапно существо с шумом выпустило воздух и содрогнулось, словно от электрического разряда. Затем оно откинулось обратно в бассейн, с ловкостью угря перевернулось под водой и уставилось на мисс Карстэрс с дна, быстро помахивая перепончатыми «ушами» и разевая рот. Слуги же, спотыкаясь и оскальзываясь, в панике бросились вон.

Дрожа от волнения, мисс Карстэрс перегнулась через край бассейна, всматриваясь в свое приобретение. В свою очередь, чудище, прогоняя воду через рот, разглядывало ее.

Бахрома перед ушами ритмично колыхалась — мисс Карстэрс ощутила законную гордость естествоиспытателя. Существо имело жабры наряду с легкими, ее гипотеза подтвердилась.

По чудищу прошла волнообразная дрожь, от гребня до хвоста, и оно метнулось из одного конца бассейна в другой, плеснув водой на платье мисс Карстэрс. Ученая леди отскочила и отряхнула юбку, когда она подняла голову, чудище смотрело на нее через борт бассейна своими молочно-голубыми, глубоко посаженными глазами, умными и печальными, как у побитой собаки.

Мисс Карстэрс невольно улыбнулась, но тут же поспешила снова нахмурить брови. Ведь по теории мистера Дарвина, для большинства низших видов улыбка — это лишь оскал зубов, знак агрессивный, а не дружеский. Даже если чудище было антропоморфным, чем-то вроде океанической человекоподобной обезьяны, то оно могло принять ее доброжелательную улыбку за зловещий акулий оскал. Интересно, относится ли чудище к млекопитающим, рыбам или амфибиям? А может быть, к рептилиям? Принадлежит ли оно к уже определенному биологическому роду, или же оно само по себе является отдельным родом?

Надо бы перечитать «Изучение рыб» Гюнтера и труды Дж. И. Грея о тюленях.

Пока мисс Карстэрс пыталась найти для существа место на биологической лестнице, оно, очевидно, тоже делало какие-то выводы относительно мисс Карстэрс, не отрывая взгляда своих

неподвижных перламутровых глаз, и мисс Карстэрс вдруг показалось, что она слышит — нет, даже скорее ощущает — будто волны во время быстрого отлива шуршат песком по дну подводной пещеры.

Перед глазами поплыли круги. Она встряхнула головой, чтобы прогнать наваждение. Взглянув на брошь с часами, приколотую к груди, она обнаружила, что уже девять часов вечера. У нее и крошки не было во рту после обеда — неудивительно, что у нее кружилась голова, тем более после бессонной ночи и целого дня работы. Она снова взглянула на чудище и передумала кормить его сама — с этим могли справиться слуги, а ей тоже пора было поужинать и отправляться спать.

На следующее утро, после освежающего сна мисс Карстэрс снова вошла в оранжерею — на этот раз в брезентовом фартуке и резиновых сапогах.

Чудище восседало на самой вершине камня, обвив его своим длинным рыбьим хвостом, и глядело вдаль, туда, где за клумбами роз виднелось море.

При появлении мисс Карстэрс, чудище даже не шелохнулось, продолжая безотрывно смотреть на блеск волн и каменистый берег. Оно сидело удивительно прямо, как бы с презрением игнорируя силу земного притяжения, хотя наверняка для него это было очень неудобно. Его колючий гребень был полностью развернут. Одна когтистая лапа опиралась на скалу, другая покоилась на бедре.

Широкие плавники его бронзового хвоста шлейфом свешивались в воду. Впоследствии, по прошествии месяцев, эта поза вошедшего в ее жизнь существа, его облик стали такими знакомыми и родными для мисс Карстэрс; но в тот первый день она была поражена сочетанием в нем человеческого и чуждого, трогательного и комичного. Она испытывала те же эмоции, что при виде циркового шимпанзе в брюках за рулем велосипеда.

Мисс Карстэрс еще вчера зарисовала существо под всеми углами — сегодня она ждала от него какого-нибудь действия. Теперь, когда оно пришло в сознание, она не решалась до него дотронуться — гладкая кожа и высокий лоб делали его удивительно похожим на человека, а повадка удерживала от фамильярности. Интересно, услышит ли он, если его позвать? Но ведь его уши, кажется, лишь придатки к жабрам, и не более того?

Стоя у края бассейна, мисс Карстэрс хлопнула в ладоши. Один плавник, вроде бы, шевельнулся в воде… — может, простое совпадение? Она кашлянула. Никакой реакции. Тогда она встала на низкую табуретку, чтобы оказаться прямо в поле его зрения, и

вежливо спросила: «Как поживаете? Будем знакомы!» Опять ничего, кроме едва заметного подергивания кожи, а может быть, и это было лишь игрой воображения мисс Карстэрс.

— Фу, какой ты! — завопила тогда мисс Карстэрс, махая на него руками и чувствуя себя полной дурой. — Фу, фу!

Неторопливо существо перевело на мисс Карстэрс взгляд и некоторое время мрачно и без интереса изучало ее лицо.

Мисс Карстэрс слезла с табуретки и сплела руки за спиной. Итак, ей удалось привлечь внимание — но что делать дальше? К тому же, мисс Карстэрс чувствовала неподобающую ученому застенчивость.

Преодолевая себя, мисс Карстэрс протянула руку вперед, ладонью вверх, как поступают при знакомстве с собакой.

Чудище немедленно, переменило свое положение — минуту назад оно сидело прямо, но тут небрежно развалилось и, к ужасу и изумлению мисс Карстэрс, выпустило из утолщения на животе белесого цвета орган, который не мог быть ни чем другим, как только мужской гениталией.

Чувствуя, как ее щеки горят от стыда, и стараясь скрыть смущение, мисс Карстэрс отвернулась и стала разглядывать бостонский папоротник, молясь, чтобы русал поскорее убрал свой срам или хотя бы скрыл его в воде. Однако, когда она снова обернулась, русал продолжал нахально — намеренно дерзко, по наблюдению мисс Карстэрс — демонстрировать его во всю длину. При этом он улыбался. Его улыбка не была приятной, располагающей, дружелюбной или хотя бы немного похожей на человеческую. Просто его рот был раскрыт так, что видны были мелкие зубы-иголки, бугристое небо и пульсирующая глотка. Языка у чудища не было.

Будучи девственницей в свои пятьдесят лет, мисс Карстэрс все же не была чувствительной старой девой. Ведь в первую очередь она была исследователем, а потом уж женщиной, поэтому она мигом забыла про грозную демонстрацию сексуальности русала, заинтересовавшись его зубами. Рот у амфибия был, несомненно, рыбий. Широкая его улыбка открывала взору нижний ряд зубов, пластинки по бокам его глотки и отверстия жабр.

Мисс Карстэрс вынула записную книжку, лизнула кончик карандаша и усердно принялась за рисование. Амфибий все еще ухмылялся, когда она взглянула на него, чтобы убедиться еще раз в наличии второго нижнего ряда зубов.

Минуту спустя она снова подняла глаза — чудище исчезло. Мисс Карстэрс торопливо вскочила, отложила блокнот и подбежала к бассейну. А, вон он где, на самой глубине, лежит,

прижавшись животом к гальке на дне.

В задумчивости ученая леди присела на бортик бассейна. Если амфибий заметил, как шокировал ее показ интимных частей его тела, значит, он выставил их напоказ намеренно, чтобы смутить свою тюремщицу. С другой стороны, эта демонстрация могла быть и всего лишь инстинктивным жестом агрессии — как самец-мандрил, бросая вызов, поворачивается к сопернику своим ярко-красным задом. Разум ли руководил поведением амфибия или инстинкт?

Легкое прикосновение к ее руке вернуло мисс Карстэрс в реальность. Хотя от неожиданности она вздрогнула, но ей все же хватило самообладания не отдернуть руку. Она медленно повернула голову и склонилась над водой. Русал находился прямо под ней, из воды высовывалась только его лапа. Взгляд его радужных глаз поймал взгляд мисс Карстэрс. Она вдруг услышала — или ей почудилось? — шум волн, набегающих на песчаный берег; увидела — вернее, представила себе — лучи солнца, преломляющиеся в чистой воде.

Внезапно русал крутанул сальто, нырнул и исчез в углублении под камнем.

Мисс Карстэрс поднялась в кабинет и взялась за дневник, чтобы описать свои наблюдения. Чем больше деталей происшедшего заносила она на бумагу, тем больше крепла уверенность, что действие русала были намеренными. Ни один хищник — а чудище, судя по его зубам, было животным хищным — не стал бы инстинктивно выпускать свои самые уязвимые органы вместо того, чтобы наоборот спрятать их. А значит, эта демонстрация была продуманным жестом вызова и презрения. Однако, сколь ни обоснована эта аргументация, она не давала никаких доказательств в пользу того, что Амфибий способен рассуждать. Нужно было найти эмпирический способ проверить наличие у него разума.

Оторвавшись от своей записной книжки, мисс Карстэрс рассеянно взглянула на сверкающий, по-осеннему яркий океан вдали. Герцог Ардонилли писал, что человек единственный в животном мире использует орудия. Но мистер Дарвин приводил убедительные доводы против этого утверждения, приводя в пример шимпанзе и орангутанга, которые часто используют палки и камни, раскалывая твердые орехи или сбивая с дерева фрукты. Однако животное, менее высокоорганизованное, чем обезьяна, вряд ли догадается использовать какие-либо инструменты, кроме собственных высокоспециализированных органов, данных им природой, не так ли?

Русал находился в бассейне, полном рыбы, и не клюнул бы на

приманку просто из-за голода; мисс Карстэрс рассчитывала на его любопытство. Хорошей идеей показалась ей клетка с плавающей внутри рыбой — настоящей живой рыбой, а не муляжом. Почему бы не использовать одну из крысиных ловушек, что свалены в груду в саду под навесом? И предложить Амфибию набор инструментов: ломик и, возможно, кусачки. Да, решила мисс Карстэрс, надо опустить в бассейн клетку с рыбой внутри и посмотреть, как будет вести себя русал.

На следующее утро русал опять встретил мисс Карстэрс, восседая на камне. Но теперь он выглядел более удрученным, чем вчера.

Не вполне уверенная в правильности избранной тактики, мисс Карстэрс ступила в оранжерею, неся ведро с водой, где плавала живая макрель. Ее сопровождал Стефан, нагруженный крысиной ловушкой, ломиком, кусачками и небольшой ножовкой. С его помощью, мисс Карстэрс поместила макрель в клетку и опустила ее на дно бассейна. Затем она отпустила Стефана, устроилась поудобнее в плетеном кресле, достала из кармана «Происхождение человека» и притворилась, что читает.

В течение четверти часа картина не менялась.

Мисс Карстэрс читала в кресле, русал сидел на камне, клетка с макрелью виднелась на песчаном дне бассейна, а инструменты оставались разложенными на краю бассейна, повернутые ручками к тому, для кого были предназначены.

Наконец недовольная мисс Карстэрс, раздраженно хмыкнув, перевернула очередную страницу — и вдруг русал соскользнул со своего камня в бассейн.

По воде прошли волны, поднялся водяной столб. Когда шум улегся, на поверхности показалась голова русала — он свирепо оскалился. Ясно было, что обман разъярил его, и, несмотря на комичность ситуации, смеяться мисс Карстэрс почему-то не хотелось.

Чудище закрыло рот (слышно было, как лязгнули челюсти), вытащило клетку на камень, само подтянулось туда же и внимательно изучило разложенные перед его носом инструменты.

Кусачки он отверг сразу. Он дотронулся до ножовки и торопливо отдернул лапу, уколов палец о ее острый зуб. Тут же он засунул пораненный палец в рот, как это сделал бы человек или обезьяна.

«Любопытно», — заметила про себя мисс Карстэрс.

Затем он схватил ломик и, просвистев что-то, опустил его на клетку — та перекосилась, русал заметил, что она сделана не из единого куска.

Придавив клетку рукой, русал просунул ломик в щель и

одним усилием взломал ее, затем мгновенно запустил в клетку руку и схватил бьющуюся макрель.

Некоторое время Амфибий держал рыбу в руке, словно раздумывая, что с ней делать. Он переводил взгляд с рыбы на мисс Карстэрс и обратно, и она услышала тихий звук, похожий на вздох, сопровождавшийся шевелением плавников у жабр.

Этот вздох и постоянное меланхолическое выражение «лица» делали его настолько похожим на пожилого джентльмена, нерешительно приступающего к незнакомому блюду, что мисс Карстэрс невольно улыбнулась. Русал помрачнел; он не спускал с нее пристального взгляда. Так продолжалось довольно долго, и, наконец, мисс Карстэрс опять услышала тихий шепот волн, перед ее глазами снова заплясали серебристо-голубые отблески.

А ведь мисс Карстэрс вовсе не имела склонности к галлюцинациям и не обладала особенно пылким воображением. Ее радовали бури, что пугали до дрожи особ более чувствительных, и ее не тошнило от вида внутренностей и костей. К тому же она отличалась прекрасным здоровьем и не знала, что такое головная боль. Поэтому, когда в ушах у нее зашумело и перед глазами замерцали и закружились непонятно откуда появившиеся светлячки, мисс Карстэрс просто закрыла глаза, ожидая, пока ее состояние придет в норму.

Шум моря чуть отступил, пульсирующие удары в голове превратились в тупую боль.

Мисс Карстэрс открыла глаза — и встретилась взглядом с радужными глазами русала. Снова возникли удары, шум и блики перед глазами.

Самым разумным для мисс Карстэрс было бы отвести взгляд. Но ведь тогда она никогда не узнает, зачем Амфибий старается загипнотизировать ее и почему от его взгляда у нее так болит голова. На секунду ей пришло на ум, что, парализовав ее своим взглядом, он переползет через бортик и вцепится ей в горло зубами-иглами. Но мисс Карстэрс отогнала это предположение и подчинилась его взгляду.

И сразу очутилась в море. Она плыла в зелено-серой прохладной глубине, временами в поле зрения мелькали силуэты рыб. Ее несло течением в неизвестном направлении. Океан вокруг был полон скал и прочих опасностей, таил в себе зародыш шторма и внушал страх. Она понимала, что ее относит к чужому берегу, все ближе и ближе. Она была напугана, хотя и чувствовала себя сильной в своей стихии. Вот ее хвост уже вильнул по песчаному дну, волны, поднятые ветром, вмешались в течение, схватили ее, словно бандиты, сговорившиеся погубить ее, и выбросили на берег. Вся в ушибах, раненая, хватая ртом

воздух, мисс Карстэрс потеряла сознание.

Она пришла в себя через несколько минут. Кровь приливала к ее глазам, пульсируя в артериях, в ушах звенело. Русала не было видно. Медленно, мисс Карстэрс добралась до кресла и позвонила Саре. Надо выпить чаю, может, даже немного бренди — она не в силах была даже подняться по лестнице в свою комнату. Ее тошнило, как после качки.

Войдя в оранжерею и увидев свою хозяйку в таком состоянии, Сара вскрикнула.

— У меня закружилась голова, — объяснила мисс Карстэрс. — Несомненно, я слишком долго читала вчера ночью. Принеси мне немного бренди, будь добра, и приготовь постель — я, пожалуй лягу. Нет, — ответила она на вопросительный взгляд Сары. — Не надо звонить доктору Бланду. У меня просто немного болит голова, вот и все.

Спустя немного времени, мисс Карстэрс лежала в спальне с занавешенными окнами, прижимая ко лбу платок, пропитанный одеколоном.

Если ее видение — лишь необузданный бред воображения, вызванный эмоциональным возбуждением — тогда стоит опасаться, что неуемные занятия и одинокая жизнь в конце концов сведут ее с ума, как ее предупреждала матушка. Но что, если это на самом деле попытка русала заговорить с ней? Тогда она на пороге потрясающего открытия.

От волнения мисс Карстэрс заворочалась на своих подушках.

Итак, допустим, что галлюцинация была внушена ей русалом. Из этого следует, что где-то в неизведанных глубинах океана существует русалочий народ, и все его представители могут телепатически передавать друг другу образы, эмоции и даже звуки. Эта версия, как бы фантастически она не звучала, могла быть истинной. Ведь в первом издании «Происхождения видов» мистер Дарвин написал, что в случае, если бы медведю пришлось для выживания питаться планктоном, он по прошествии веков превратился бы в этакого шерстистого кита с усами, хвостом и плавниками. Так почему не предположить, что у некоей доисторической, но честолюбивой рыбы не могли развиться руки и большой, сложный мозг? Или наоборот, обезьяна, живущая на острове, не могла переселиться в море и отрастить жабры и рыбий хвост?

В результате эволюции антропоидное существо, приспособленное к жизни в воде, вполне могло появиться на свет. Кроме того, в процессе эволюции вполне могла возникнуть и способность к телепатии — точно так же, как у людей появилась речь. Самой сложной загадкой для мисс Карстэрс было, как она-

то сама могла принимать и понимать телепатическое послание? Русал, по-видимому, обладал каким-то высокоорганизованным органом-«передатчиком», каким-то особым отделом в мозге, с помощью которого он передавал мысли. Но ей-то, сухопутной, без жабр, когтей, и с ногами вместо хвоста, — ей-то как удавалось принимать эти мысли?

Внезапный приступ боли заставил мисс Карстэрс прижать платок ко лбу. Ей решительно необходимо отдохнуть. Налив в стакан немного опиумного настоя, она залпом выпила его и заснула.

На следующее утро, прихватив нюхательные соли и темные очки, мисс Карстэрс все же чувствовала себя неуютно, подходя к двери в оранжерею. Ее мозг, казалось, весь болел, будто нетренированные мышцы, которым вдруг дали тяжелую нагрузку. Через застекленные двери оранжереи виднелся Амфибий, — оседлав свой камень, он как обычно, вглядывался в морскую гладь.

Мисс Карстэрс была полна решимости противостоять гипнозу своего пленника. Она отвела взгляд, пересекла оранжерею, села в кресло и, прежде чем взглянуть на русала, водрузила на нос темные очки. То ли подействовали темные очки, то ли мисс Карстэрс была внутренне зажата, но эффект на этот раз был слабее.

Словно картинки на прозрачном шелке, перед взором мисс Карстэрс возникли коралловые рифы; рыбки, сверкающие как драгоценные камни, скользили между ними, легко порхая над морским дном. Эта картинка озвучивалась писком, свистом и отдельными похрюкиваниями — но при этом леди-исследователь не ощущала давления океана. Она чувствовала лишь удивление и любопытство.

— Так это, значит, твой дом? — спросила мисс Карстэрс, хотя разговаривать с русалом на человечьем языке было абсурдно. Видение исчезло, русал не изменил выражения своего лица — он не был способен на выразительную мимику, — но его скошенный подбородок выдвинулся вперед и он пошевелил своими перепончатыми пальцами перед грудью.

Ты растерялся, я понимаю, — мягко сказала мисс Карстэрс. — Но если ты на самом деле разумен, ты поймешь, что я пытаюсь говорить с тобой на человеческом языке, так же как ты обращаешься ко мне по-своему.

После речи мисс Карстэрс последовала пауза; потом русал обрушил на нее целую смесь образов: морской окунь с длинной вытянутой головой таращил на нее огромные мутноватые глаза; существо, похожее на самого русала, с вонзившимся в него

гарпуном; облака темной крови, подхватываемые и относимые куда-то подводным течением. Задыхаясь от боли, почувствовав, что почти теряет сознание, мисс Карстэрс отбросила бесполезные темные очки и закрыла глаза ладонями. Боль прошла, осталась только тупая тяжесть в голове.

— Мне просто необходимо найти способ общения с тобой, громко произнесла она.

Русал задвигал когтистыми пальцами, как и прежде он ничего не понял.

Когда ты кричишь, как только что, мне больно!

Ей на глаза попалась ножовка, которая по-прежнему лежала возле бассейна. Наклонившись, она подобрала ее и, держа за ручку, протянула лезвием вперед русалу. Тот отпрянул и машинально поднес ко рту палец, вспомнив, как он укололся об инструмент. Тогда мисс Карстэрс уколола свой палец о зуб пилы, затем вдохнула судорожно воздух, как когда он «кричал» на нее, и демонстративно зажав свой кровоточащий палец, закрыла глаза и повалилась в кресло.

Прошла минута. Мисс Карстэрс медленно выпрямилась в кресле: знак, что представление окончено.

Русал закрыл лицо лапами, растопырив пальцы и спрятав глаза за перепонками.

Это, несомненно, был жест покорности и раскаяния — чудно, но мисс Карстэрс была тронута. Она поднялась, осторожно наклонилась через бортик и ласково погладила его запястье. Он весь напрягся, но не убегал.

— Я принимаю твои извинения, русал, — сказала она, сохраняя на лице такое же бесстрастное выражение, как и у него. — Думаю, на сегодня довольно. Завтра мы снова поговорим.

Прошла неделя-другая, и мисс Карстэрс научилась общаться с русалом. Она придумала несколько немых шоу, означавших: «слишком громко!», «да» и «нет». А если она хотела сказать что-то большее, она, как и русал, использовала образы.

В первый день она показала ему сирен, изображенных на гравюре в иллюстрированном издании Одиссеи. На ней три женщины с хвостами и пышными грудями грациозно расположились на прибрежных скалах, расчесывая длинные, струящиеся волосы. Русал внимательно изучил рисунок. Затем он пошевелил пальцами в знак непонимания и вздохнул.

— Да, ты прав, — согласилась мисс Карстэрс. — Они выглядят неправдоподобно, и на самом деле им было бы ужасно неудобно сидеть на жестких скалах, да еще и распевать при этом. И, конечно, они не созданы для того, чтобы плавать.

Она отложила «Одиссею» и вынула цветную гравюру рыбы-попугая. Русал понюхал картинку — потом выхватил лист из рук мисс Карстэрс и повертел так и сяк. Снова встретившись глазами с мисс Карстэрс, он передал ей образ такой же рыбы. В чистой воде тропического моря она искрилась красным и ярко-голубым. Своим твердым клювом она собирала полипов с «веток» коралла, меж колышущихся щетинок морских червей. Неожиданно, один из колючих коралловых «кустов» вытянулся — и это оказалась рука русала, которая схватила рыбу и тут же отправила ее в зубастый рот…

— Ой, — невольно выдохнула мисс Карстэрс, почуяв раздражающий запах меди и одновременно ощутив незнакомый вкус во рту. — О, Боже!

Она закрыла глаза, и видение растворилось.

Проглотив слюну, слегка дрожащей рукой она взяла карандаш, чтобы описать свое состояние. Русал уловил ее ощущение — и когда она снова подняла глаза, он передал ей видение легкое и прозрачное, как осенняя паутинка: мисс Карстэрс увидела стайку рыбешек с блестящими плавниками. Уже потом, с течением времени, она стала понимать, что этот образ означал у русала улыбку, и научилась распознавать другие повторяющиеся картинки-эмоции: солнечный свет сквозь прозрачную воду — смех; отвратительная мурена с острыми зубами — плач.

Осень подходила к концу, наступала зима. Мисс Карстэрс все лучше и лучше училась принимать от своего русала информацию и расшифровывать ее. Каждое утро она спускалась в оранжерею с кипой рисунков и фотографий — с их помощью она отправлялась вместе с русалом в путешествие по его воспоминаниям.

Затем, если погода позволяла, она бродила по болотам и по *берегу* моря, приводя в порядок свои мысли. Пообедав пораньше, она усаживалась за письменный стол и работала над «Набросками к изучению вида Homo Oceanus Telepathicans, с некоторыми заметками относительно устройства их сообщества».

Этот документ должен был войти в анналы морской биологии отдельной главой и, конечно, занести туда навсегда имя «Э. Монро Карстэрса». Ученая леди начала с подробного внешнего описания русала и выводов, которые она успела сделать касательно его анатомии. Второй раздел был посвящен его психическим возможностям; еще один назывался «Общение и сообщество».

«Как мы уже убедились, — писала мисс Карстэрс, — интеллектуально развитые русалы способны на общение высокого уровня. Образы, которые они передают телепатически, всегда

конкретны — но правильно прочитанные и интерпретированные, они могут содержать и некоторые весьма сложные абстрактные идеи, доступные для восприятия, правда, только другому русалу. Выделениями (химический сигнал vide supra) обозначаются лишь самые простые эмоции: беспокойство, вожделение, страх, гнев, нежеление общаться. Гудением и свистом русалы привлекают внимание собеседника или организуют совместный охотничий маневр. А все мельчайшие оттенки смысла, свою философию, поэзию они передают друг другу только посредством телепатии, глядя при этом собеседнику в глаза.

Принимая во внимание последний факт, а так же инстинктивное стремление русалов к уединению, в чем их поведение похоже на поведение пестрого окуня (S. Tigrinus) и рифовой акулы (C. Melanopterus), становится ясно — все в совокупности не дало возможности H. Oceanus создать цивилизованное общество в понимании H. Sapiens. Примерно к шести годам дети русалов уже могут постоять за себя и покидают своих родителей, чтобы охотиться в одиночестве, часто переплывая из одного океана в другой в своих странствиях. Если такой русал-подросток встречает другую особь своего возраста, неважно, своего или противоположного пола, они могут объединиться в пару. Подобное объединение, по-видимому, инстинктивное, является единственным у русалов проявлением общественного поведения.

Такие пары держатся вместе от одного сезона до нескольких лет — и если появляется ребенок, то родители обычно не разделяются до тех пор, пока он не способен позаботиться о себе сам. Существуют легенды о партнерах, сохранявших верность друг другу десятилетиями, но, как правило, необычайная интимность телепатического метода общения начинает все больше и больше подавлять одного или обоих партнеров, и они вынуждены в конце концов расстаться.

Как долго затем русал плавает в одиночестве, зависит от обстоятельств и его собственной воли. Наконец, он встречает другого русала, восприимчивого к его сигналам, и весь цикл начинается сначала.

Из-за этой особенности поведения, русалочий народ не может иметь ни правительства, ни религии, ни общества — короче, никакой цивилизации, даже такой примитивной, как у племени дикарей.

Однако у русалов существует творчество: легенды (смотри приложение А), необыкновенной красоты поэмы из образов, которые запоминаются и передаются от одной пары к другой веками.

Но любое открытие, сделанное одинокой русалочьей особью мужского или женского пола, может очень просто умереть вместе с ней либо передается от одной пары к другой во все более искаженном виде. Ведь, не считая создания пар, русалы не имеют влечения к совместной жизни в «обществе».

Чем больше мисс Карстэрс узнавала об обычаях русалочьего народа, тем больше радовалась, насколько ей повезло, что русал вообще «заговорил» с ней. Ведь одинокие русалы — народ вздорный, они могут и напасть на случайно встретившегося им собрата или просто уклониться от встречи.

Мисс Карстэрс сделала вывод, что русал воспринимает ее как своего компаньона на тот неопределенный срок, который им предстояло пробыть вместе. Она только никак не могла установить, что ему-то приносят их отношения? Рассуждая о его эмоциях и чувствах, она считала, что Амфибий просто изучает ее, как и она его, с таким же доброжелательным любопытством, как-то не задумываясь, что, собственно, такого рода любопытство и стремление к познанию типично человеческая черта.

Кризис наступил в начале декабря, когда, по мнению мисс Карстэрс, настало время перейти к наиболее щекотливой теме — репродуктивной функции русалов. Как ученый, мисс Карстэрс не могла обойти этот вопрос, каким бы пикантным он не был, так как процесс «ухаживания» и спаривания — в центре изучения любого нового вида. В сундуке со старыми игрушками на чердаке она откопала фарфорового пупса, а также достала свой семейный альбом, и с помощью популярного издания по анатомии человека преподала русалу урок о том, как размножаются люди.

Поначалу, как ей показалось, русал вел себя весьма рассеянно. Но долгое наблюдение научило мисс Карстэрс разбираться в его настроениях, и она скоро поняла, что его постукивание пальцами, подергивание гребнем и нежелание встречаться с ней взглядом говорили о его небывалом смущении. Это заинтересовало мисс Карстэрс.

Она дотронулась до его запястья, привлекая внимание, затем покачала головой и на мгновение закрыла глаза. Это означало: «Извини». Затем она показала ему коричневой сепии дагерротип, где она — серьезная, упитанная малышка — стояла на диване, поддерживаемая хмурыми родителями с двух сторон. «Будь добр, расскажи мне то, о чем я тебя спрашиваю».

В ответ русал распустил свой гребень, свирепо раскрыл рот, и нырнул в самую глубину бассейна, где выместил свое раздражение на самом большом омаре мисс Карстэрс, обезглавив его. Это было отвратительно. Мисс Карстэрс швырнула в бассейн куклу и прошествовала вон из комнаты. Она была в ярости. Ведь

без раздела о размножении ее статья останется незаконченной, а ей так не терпелось скорее отослать ее. И это после того, как в первый же день он продемонстрировал ей всего себя во всей красе, а затем позволил ей путешествовать по океанам вместе с ним в его воображении? Откуда вдруг такая застенчивость?

Весь остаток дня мисс Карстэрс размышляла над реакцией русала на ее вопрос и к вечеру пришла к выводу, что на все, касающееся размножения, в сознании русала наложено какое-то необъяснимое табу — но, по здравому размышлению, он мог уже понять, что не должен стыдиться открыть тайны размножения русалов ей, движимой исключительно объективным научным интересом.

Ей никогда не приходило в голову, что этот разговор о физическом слиянии мог смущать и расстраивать русала, находящегося по воле судьбы целиком во власти особы женского пола, с которой он никогда не мог бы слиться.

На следующее утро мисс Карстэрс вошла в оранжерею — русал сидел лицом к двери, а не к океану, как обычно. Несомненно, он ждал ее. А она, когда уселась и подняла на него глаза, чувствовала себя девчонкой, пойманной с поличным за какие-то детские проступки и теперь приглашенная, чтобы ее отчитали.

Без предисловия, русал послал ей целую серию образов. Парочка русалов — мужского и женского пола — плавала вместе, охотилась, совокуплялась. Вскоре они разделились, она уплыла к коралловым рифам, он — в арктические моря. Женская особь плавала, охотилась, исследовала новые края. Прошло какое-то время — не так долго, показалось мисс Карстэрс.

Русалка встретила особу своего пола, прогнала ее, потом повстречалась с русалом и влюбленно сплелась с ним. Это слияние было более сложным, чем предыдущие совокупления; но вот все закончилось, и русал уплыл.

Потом у русала появился необычайный аппетит. Он стал искать себе компаньона, наткнулся на другую мужскую особь. Они плавали вместе, и второй русал охотился за двоих, когда первый был уже не в силах этого делать. Чем тяжелее становился первый русал, с тем большей жадностью он набрасывался на еду, набивая рыбой свой карман на животе, словно стремясь накопить еду про запас. «Как нелепо», — подумала мисс Карстэрс. И, вдруг, в один момент, малюсенькая головка с гребешком просунулась из мешка русала, и покрывавшие ее чешуйки вздыбились. Вода загонялась в крошечные жабры, маленькие ручки работали, вытаскивая все тельце из сумки. Поймав блуждающий взгляд малыша и гипнотизируя его своими радужными глазами,

компаньон русала словно бы одобряющими словами помог ему окончательно выбраться из живой колыбели и нежно принял его на руки.

Три дня спустя мисс Карстэрс послала Джона со своей статьей в деревню на почту. И затем она приказала себе на время выкинуть мысли об этом труде из головы. Ведь лишние волнения, сказала она сама себе, ей не помогут — статья не попадет быстрее на стол редактору, и тот не отнесется к ней благосклоннее от этого. Не стоит даром терять времени — ведь Амфибий может еще столько рассказать ей. Груды записей росли.

В конце января «Предварительное изучение вида Homo Oceanus Telepathicans» вернули, сопроводив вежливым письмом благодарности. Как обычно, редактор «Американского натуралиста» хвалил изящный стиль мистера Карстэрса и ясность изложения, но сделал замечание, что данное эссе является скорее фантастической повестью, а не научным трактатом. Не лучше было бы предложить его литературному журналу?

Мисс Карстэрс разорвала письмо на мелкие клочки и спустилась в оранжерею. Войдя, она встретилась взглядом с русалом — тот сжался и сердито оскалился на нее. Мисс Карстэрс в ответ тоже злобно ухмыльнулась. У нее было такое чувство, что он виноват в ее унижении, обманув ее, подкинув ей неправильную информацию. У нее возникло желание препарировать его мозг и послать его заспиртованным в банке редактору «Американского натуралиста»; ей захотелось также донести до русала, что именно произошло по его вине. Но возможности передать ему весь смысл случившегося у нее не было, и поэтому она развернулась, выскочила из дому и направилась в болота, где гулял ветер. Там она топтала хлюпающую грязь, пока вконец не обессилела. Человеческое общество ее никогда не интересовало, думала она, а теперь и наука предала ее. Больше у нее не оставалось ничего.

Стоя по щиколотку в грязной луже, мисс Карстэрс обернулась на свой дом, видневшийся за болотами. Небо было покрыто перистыми облаками, солнце стояло низко, и солнечные блики плясали на воде повсюду вокруг нее, и на стеклах оранжереи. Русал сейчас, наверное, сидит на своем камне, как та маленькая русалочка в сказке, прочитанной ей когда-то отцом, и смотрит на недоступный ему океан. Ей представились ученые мужи, толпящиеся у бассейна. Они качают головами, пощипывают усы и дискутируют на предмет наличия или отсутствия у Амфибия бессмертной души. А может, это и к лучшему, что «Американский натуралист» не принял ее статью? Поделиться с другими своими

знаниями о русалочьем народе — одно дело, но делить с кем-либо самого русала мисс Карстэрс не собиралась. Он стал ей необходим, ее компаньон и единственное утешение.

На следующее утро она снова пришла в оранжерею, и не выходила до вечера.

День за днем, она погружалась в глаза Амфибия, и он становился для нее живой батисферой: они замечали мелькание пестрой чешуи рыб-бабочек и барракуды в зеленых кораллах, напоминающих по форме оленьи рога; видели, как лениво помахивают гигантские крылья мант и колышутся бледные щупальца голодных анемон. Во власти воображения русала мисс Карстэрс воспринимала не только зрительные образы и звуки, но и ощущения, запахи, даже вкус его ностальгических воспоминаний. Ей уже стали знакомы отдельные мелодии слитной симфонии океана: она различала, как зубы рыбы-попугая со скрежетом обдирают моллюсков с кораллов, и тихое похрюкивание дельфинов.

Она теперь знала, какой запах и вкус имеют страх, любовь, кровь, гнев. Иногда, проведя день в одолженном русалом мире, она лежала в постели без сна и тосковала оттого, что воздух вокруг был недостаточно плотным, а тихая зимняя ночь казалась ей слишком пресной.

Мисс Карстэрс даже не заметила, как выпал снег, и как потом растаял и сменился дождем, как лужи затем снова замерзли, а ближе к весне земля потеплела и размокла. В кабинете мисс Карстэрс, куда она больше не заглядывала, чернила высохли в чернильнице, а книги и бумаги так и лежали разбросанными по столу, как обломки после кораблекрушения. Плавая вместе с русалом в открытом океане, мисс Карстэрс презирала землю. Совершая свои прогулки, она уже отправлялась не в болота, а на отмель, забиралась на скользкие от водорослей камни, и стояла, дрожа от ветра и холодных брызг, всматриваясь в волны, разбивающиеся у ее ног. Но большинство дней она проводила в оранжерее, жадно вглядываясь в жемчужные глаза русала.

А в его монологе исступленно и нестерпимо повторялась мольба о свободе, выраженная на особый лад. Он показал ей, как русалы попадают в рыболовные сети и бьются в них, пытаясь выбраться на свободу и прекращают эти попытки, только теряя сознание, израненные до неузнаваемости. Как компаньоны набрасываются друг на друга, и один пожирает другого, когда их совместная жизнь становится для них невыносимой.

Но мисс Карстэрс относилась к этим ужасающим сценам лишь как еще к одной из глав его бесконечного рассказа о жизни под водой, скажем, наряду с показом, как кормятся акулы или как

груперы выедают глаза утонувшим матросам.

В конце концов, русал надулся и спрятался под камнем. Мисс Карстэрс осталась сидеть в кресле качалке, словно кальмар, засевший в ожидании добычи среди кораллов, и терпеливо ждала, когда он выплывет. Бассейн был тесен ему, она знала это, — и чувствовала, что воспоминания о безграничной океанской свободе становятся для него более реальными тогда, когда он делится ими с ней. Поэтому, рассудила мисс Карстэрс, несмотря на растущие осложнения в их взаимоотношениях, русал непременно всплывет на поверхность и они продолжат «беседы», без которых ей жизнь стала не в жизнь.

Время от времени ей приходила в голову мысль: а не окончит ли он ее тиранию однажды, вцепившись ей в горло? Но отмахивалась досадливо от своих опасений. Разве Амфибий не был абсолютно в ее власти? Только когда она изучит океан так же досконально, как и он, научится распознавать всех рыб по их песням — только тогда она позволит ему уплыть.

Однажды рано утром, едва проснувшись, Амфибий подплыл к бортику своей тюрьмы и перелез через него. Потом по-тюленьи он подполз к двери, приподнял туловище, нажал на ручку и, немного повозившись, открыл дверь. Он перелез через порог в сад и по тропинке стал пробираться к ступенькам, спускающимся к морю. Чешуя его обдиралась о камни, кожа тускнела и морщилась, так как защитная слизь высыхала на солнце. Достигнув клумбы с часами в центре сада, он с трудом приподнялся на хвосте, чтобы еще раз увидеть море. Потом он потерял сознание.

Спустившись в оранжерею, мисс Карстэрс обнаружила, что скала пуста. Сначала она подумала, что Амфибий прячется; только подойдя к самому краю бассейна, заметила мокрый след на полу и раскрытую дверь в сад. Невероятно, но ее русал сбежал.

Машинально мисс Карстэрс опустилась в кресло-качалку, полная горечи утраты — как никогда со времени смерти своего отца. Она снова взглянула на открытую дверь и заметила в мокрых следах примесь крови. И сразу поспешно вскочила, побежала по следу через сад и наконец нашла Амфибия, лежащего без движения на посыпанной гравием дорожке. С волнением, нежно, она дотронулась сначала до его губ, потом положила руку ему на грудь и с облегчением убедилась, что воздух выходит у него изо рта, и сердце слабо бьется. Хвост его был покрыт порезами, кожа свисала клочьями там, где чешуя была повреждена.

В глубине души мисс Карстэрс испытывала страх за Амфибия и нежность к нему. Но в это мгновение ее гнев затмил все хорошие чувства. А она-то кормила его, думала она, подружилась

с ним, открыла свой разум его влиянию. Как он смел пытаться покинуть ее? Она сильно встряхнула его, схватив за плечи:

— Проснись! — закричала она. — Проснись и посмотри на меня.

Покорно, русал раскрыл свои перламутровые глаза и передал ей образ: человеческое лицо, вернее, лицо женщины средних лет. Оно было обезьяноподобное, со вздернутым носом и скошенной челюстью, коричневое и покрытое морщинами.

Женщина-обезьяна открыла рот и заговорила, демонстрируя большие, плоские зубы. Ее визжащий голос резал слух, значение слов было непонятно. Каким-то образом мисс Карстэрс ощутила, что этот голос ассоциируется с голодом, нуждой, завистью.

Делая страшные гримасы, обезьяноподобное существо подступило к мисс Карстэрс, схватило ее за плечи своими длинными пальцами, которые обожгли ее, как щупальцы анемон. Мисс Карстэрс вырвалась из ядовитых объятий и закрыла лицо руками.

Толстый коготь легонько тронул ее руку, привлекая внимание.

Медленно, мисс Карстэрс убрала руки от лица и увидела перед собой русала, заглядывающего ей в глаза снизу, неподвижного, грустного. «Как ему только не противно смотреть на нее», — с горечью подумала она. Русал отрицательно покачал головой (этому жесту он научился от нее) и ответил ей чем-то вроде детского рисунка: выполненный несколькими штрихами портрет женщины строгой, неземной красоты. Рисунок чуть изменялся, и на лице промелькнули будто стайки рыбок, сменяясь, выражения любопытства, удивления, радости открытия. От нее, как и от свободного русала, исходил дух одиночества.

Мучимая угрызениями совести, мисс Карстэрс поняла, что оба портрета были верны.

«Чудовище и ангел», — прошептала она, вспомнив старую сказку, и русал кивнул. «Но ведь я не русалка, хотя меня так тянет в море. И мне нужен не ты, а твой опыт, то что ты видел и знаешь».

Амфибий показал ей коралловый риф, яркий, причудливый, который рос и приближался, становясь все более заманчивым, более прекрасным. Потом мисс Карстэрс увидела себя, уже по колено в воде — она провожала русала, который уплывал от нее. Ее одухотворенный вид выражал покорность, самоотречение; она источала запах русалки, прощающейся с возлюбленным.

Мисс Карстэрс устало потерла лоб — голова раскалывалась, кровь пульсировала в висках, в голове роилось множество мыслей. Действительно, пора было заканчивать романтическую

сказку — ее дневники, занятие, кабинет, куда она так давно не заглядывала — все звало ее к себе.

Одновременно, она обратила внимание, что русал дал прямой ответ на ее фразу. Неужели она обучилась телепатии? Или он сам стал понимать слова? И, за всем этим, мисс Карстэрс вдруг с особенной силой ощутила, как греет сегодня весеннее солнышко, какой густой пар поднимается от сырой почвы; услышала, как с шуршанием раскрываются листья из почек.

Мисс Карстэрс с трудом поднялась на ноги и дрожащими руками отряхнула юбку.

— Да, тебе давно пора уйти, — сказала она. — Сейчас я позову Стефана и Джона, они принесут носилки.

Одновременно она отыскала вчерашний слабый запах недовольства, смешанный с запахом, обычно сопровождавшим присутствие Джона.

К тому же, она совершенно отчетливо перед своим «мысленным взором» увидела Стефана, закутанного в ветхую куртку, бредущего с корзиной и удочкой через сад к ограде, заслонявшей от морского ветра. Стефан представился ей как бы сверху, как если бы она наблюдала за ним из окна спальни. Значит, это были ее собственные видения, а не внушенные русалом. Она отметила этот факт, а также то, что сразу после того головная боль утихла, только чувствовалось пульсирование в висках, несильное, как биение сердца, когда прислушиваешься к нему.

Перед глазами мисс Карстэрс пронеслась стайка рыб — это смеялся русал. Ему показалось забавным то, что мисс Карстэрс заговорила на его языке.

Но тут же мисс Карстэрс почувствовала обжигающую боль — боль пораненного русала — и побежала к дому, крича Джона. Тот появился на пороге кухни.

— Принесите ведро и одеяло и полейте русала водой, — распорядилась она. — Он в саду, возле солнечных часов. И захватите носилки.

Джон стоял с раскрытым ртом, недоуменно уставившись на нее.

— Поторапливайтесь! — отрезала она, и отправилась на дамбу искать Стефана.

Почуяв запах табака, она скоро нашла его — он сидел, сгорбившись, с удочкой в руках и трубкой во рту. От него шел дух мокрой шерсти, табака и — одиночества.

— Стефан, — сказала мисс Карстэрс, — я узнала от русала все, что он мог мне передать.

Стефан повернулся, вопросительно поглядел на нее и вынул

трубку изо рта.

— Я решила отпустить его.

— Хорошо, мисс, — произнес он.

Было время отлива, и слугам пришлось тащить свою ношу на большее расстояние, чем в первый раз, когда они нашли его. Ноги их увязали в мокром песке; русал был тяжел. Наконец, они добрались до воды — мисс Карстэрс стояла и наблюдала, как они отпустили русала в море на мелководье, затем зашла в воду сама по колено, чтобы в последний раз побыть рядом с ним. Солнце отражалось от воды отблесками, и ей пришлось отвернуться, так они слепили глаза. Она увидела, как Стефан и Джон брели к берегу, а над ними вдали, как хрустальная шкатулка, сверкала оранжерея. Резкий запах морских водорослей и соли ударил ей в нос. Украдкой скосив глаза, она увидела, что русал держится на плаву против течения, одной перепончатой лапой зацепив намокший край ее юбки. Его торс был приподнят, а рот немного раскрыт. Он повернул голову к ней, и в его перламутровых глазах она прочла радость и вместе с тем — что-то вроде сожаления.

— Я не забуду то, что ты показал мне, — сказала мисс Карстэрс. Хотя слова были не нужны. В своем мозгу она вызвала образ обезьяноподобной женщины, а потом прекрасной леди-ученой и перемешала их. Этот сложный портрет человека, женщины, чудовища и одновременно ангела, она передала русалу как дар, объяснение, слово прощания. Затем он уплыл, а мисс Карстэрс побрела обратно к берегу.

Пэт Кэдиган

ДВОЕ

© Pat Cadigan. Two.

F&SF, January 1988.

Перевёл Алексей Безуглый

Он редко прикасался к ней.

Сара Джейн без устали размышляла об этом, лежа на левом боку. Когда он перелистывал страницы газеты, до нее доносился хруст бумаги. Если бы Сара Джейн перевернулась на другой бок, то увидела бы его сидящим за маленьким столом, прямо под лампочкой — черная тень на фоне светлой шторы, которая отгораживала их от яркого блеска полдня. Привычная картинка — еще одна вариация на тему их существования.

Как все переменилось бы, прикоснись он к ней.

В журналах, которые он постоянно покупал для нее, говорилось, что людям необходимо ощущать чье-то прикосновение. Детям нужны крепкие объятия чтобы они хорошели, а самыми счастливыми были мужья и жены, обнимавшие друг друга. Иногда она просто до боли желала, чтобы он прикоснулся к ней.

— Майкл? — в этой комнате ее голос звучал кротко, негромко. Ответа не последовало, но она знала, что Майкл оторвался от газеты. — Мы сможем пожениться?

Он усмехнулся без тени веселья.

— Нет, не сможем.

Она так не думала. Вскоре она вылезла из кровати и побрела в стерильно чистую ванную, чтобы выпить воды. Ее отражение в зеркале, занимающем всю стену, выглядело осунувшимся. Странные лампы дневного света, которые использовали в ванных отеля, убивали все цвета, и отражение походило на старую цветную фотографию, что, выцветая, превращается в черно-белую. Сара Джейн провела рукой по своим длинным каштановым волосам, намотала их кончики на пальцы. Ее лицо было худым, как и все тело, на грани изможденья. Именно из-за худобы, она и

выглядит иногда намного старше, а иногда намного младше своих двенадцати лет.

За занавесками была стеклянная дверь, ведущая на балкон. Майкл продолжил читать газету, а Сара Джейн вышла туда и стала на солнце, заложив руки за спину, расставив ноги. Легкий ветер трепал полы ее рубашки. Далеко не леди, подумала она. Но она никогда и не рассчитывала стать леди. Куда там. Ни малейшего шанса. У настоящих леди изящные, точеные фигуры, не то что у нее — все куда-то тянется, кожа да кости; они не носят рубашек, купленных в дешевых магазинах и вытертых джинсов; леди никогда не стоят, широко расставив ноги. И не странствуют по отелям с такими мужчинами, как Майкл.

Сара Джейн оперлась на металлические перила и посмотрела вниз, на автостоянку рядом с отелем, которая начинала заполняться автомобилями. В основном они принадлежали супружеским парам среднего возраста, которые приехали сюда на выходные, провести Мини-Медовый Месяц, организованный отелем. Об этом говорилось на открыточке рядом с телефоном. Три дня, две ночи, в первый вечер — шампанское в подарок, праздничный завтрак в воскресенье утром, девяносто долларов с пары за все удовольствие. Она гадала, как бы повели себя эти люди, если бы они с Майклом появились в разгар их чинного веселья, и живо представила, как они с Майклом идут через переполненный зал, а жены и мужья, оторвавшись от праздничного завтрака, пялят на них глаза. Она могла бы сказать им: «Все в порядке, он никогда даже не прикасается ко мне. Мне двенадцать, а ему почти что тридцать, мы всего лишь хорошие друзья». Но Майкл, конечно, отшлепает ее, если она скажет кому-нибудь, что ему скоро будет тридцать. Ему могли дать двадцать два или двадцать три. Но шлепок — это все-же прикосновение.

В номере зазвонил телефон. Она закрыла глаза. Майкл поднял трубку после третьего звонка. Сара Джейн и не пыталась проникнуть в мысли Майкла. Это было одно из правил, которые Майкл изложил ей в самом начале, объяснив, когда можно было делать это, а когда нет, и еще он сказал, что если она не будет слушаться, он оставит ее одну. Ветер забросил прядь волос на лицо, она не спеша отправила локон обратно за плечо. Даже не проникая в его сознание, она почувствовала, когда он положил трубку и подошел к открытой двери.

— Сара Джейн?

Она обернулась. Майкл улыбался. В тысячный раз она подумала: как же, все-таки, он красив.

— Я договорился, игра сегодня вечером. Все безопасно, это

куча бабок!

Она улыбнулась в ответ, одними уголками губ, без особой радости.

— Все будет, как прежде. Чистая прибыль.

Он пристально посмотрел на нее и, так и не дождавшись ответа, вызывающе ухмыльнулся.

— Сейчас я собираюсь вздремнуть. Разбуди меня в половине седьмого. Я приму душ, потом мы поужинаем перед игрой, ладно?

— Хорошо, Майкл.

Его улыбку исказила досада.

— Привыкай звать меня дядя Майкл, иначе могут заподозрить.

— Ладно, дядюшка Майкл.

— Договорились. — Он глубоко вздохнул, на солнце его темные волосы отливали цветом красного дерева. — Только никаких этих штучек, пока я сплю, понятно?

Она с достоинством опустила веки в знак согласия.

— Я не шучу, — продолжал он, наставив на нее палец из-за дверей. — Я говорю очень серьезно, Сара Джейн. Ты знаешь, как я не люблю твоих выкрутасов.

Словно зачарованная, она не могла оторвать от него глаз. Почти одного с ней роста, Майкл был строен, крепко сложен, без капли жира.

— Эй, почему бы тебе не надеть купальник и не спуститься в бассейн? — Его голос стал мягче. — Побудь немного на солнце. Тебе пойдет на пользу.

Она пожала плечами.

— Не знаю, может быть. Ты же знаешь, я не люблю быть на людях в купальнике.

— Боже мой, с чего ты взяла, что ты слишком тощая? Я знаю уйму девиц, которые специально сидят на отваре петрушки, чтобы заиметь такую же фигуру, как у тебя.

— У меня нет фигуры. — Она отвернулась и посмотрела на стоянку. — Если бы и была, не думаю, чтобы мне захотелось выйти на люди в купальнике.

— Господи, но тебе же нужно хоть чуть-чуть побыть на солнце. Ты ведь ребенок. Иногда тебе надо выйти на улицу и поиграть.

Она обиженно глянула на него через плечо. Это что, шуточки?

Ему пришлось опустить глаза.

— Ну, ладно. Хорошо. Черт побери, делай что хочешь, возьми деньги и купи себе мороженого. Или что-нибудь еще, мне все

равно. Только разбуди меня в шесть тридцать. И *никаких выкрутасов.*

— Хорошо, дядюшка Майкл, — без выражения ответила она.

Сара Джейн не вернулась в комнату, пока не убедилась, что он заснул. Занавесив окно плотной шторой, он теперь лежал одетый, одной рукой заслонив глаза.

Изо всех, кого она знала, Майкл был единственным, кто мог уснуть по собственному желанию. Если уж решал, что ему нужно поспать, чтобы всю ночь быть в порядке, он ложился и через несколько минут отключался. Еще одна из его выдающихся способностей. Вот только всегда ей доставалось будить его.

Она стала рядом, желая, чтобы он убрал руку, — так хотелось увидеть его лицо. Лицо Майкла неодолимо притягивало.

«Ты ребенок.» Двенадцать лет и безнадежная любовь? Любой рассмеялся бы ей в лицо, произнеси она это вслух. Майкл и сам расхохотался бы, но нервно, — он-то знает, что все так и есть. Ничего тут не поделаешь. Майкл был единственным в целом свете. Всю свою жизнь она хотела найти такого, как он. И долго боялась, что отыскать не удастся, что таких вовсе нет, а если отыщется кто, вдруг она ему окажется не нужна вовсе.

Майкл перевернулся во сне на живот. Сара Джейн замерла, но он крепко спал, совсем не чуя ее присутствия. Саре Джейн хотелось лечь рядышком, чтобы остаться возле него, — но тогда она бы точно не удержалась от прикосновения, а она хорошо знала, что произошло бы потом. В этом Майкл был непреклонен. «Никаких выкрутасов.»

Но ведь могло быть и хуже, окажись он женатым кассиром из банка с тремя детьми. Тогда, наверно, она не смогла бы быть рядом с ним. Или, например, если бы он был женщиной — хотя тогда, наверное, все сложилось бы по-другому. Доброй женщиной, которая захотела бы стать ей матерью или старшей сестрой. Это было бы лучше всего. Но ей достался именно Майкл.

— Майкл, — негромко окликнула она, — повернись ко мне лицом.

Невольно она чуть прикоснулась к его сознанию, и он повиновался во сне. Мирное лицо, все дела были забыты пока он набирался сил перед вечерней игрой. По быстрым движениям глаз под закрытыми веками она догадалась, что ему что-то снится. *«Майкл,* — умоляла она его про себя, — *поделись со мной своими снами.»* Теперь она не могла сдержать себя. Глаза закрыты, и она медленно двигается сквозь неподвижный воздух, плывет в страну тумана и теней. При приближении там сгустились краски, а потом что-то засверкало, словно молнии пронзали облака.

И вот она уже с Майклом вместе. Череда образов окружила ее — Майкл сломленный, Майкл покрасневший, Майкл униженный наказанием за мелкое нарушение школьных правил. Майкл, который первый раз встретил ее в прачечной-автомате. Майкл и женщина — она не стала смотреть на это. Майкл, когда она впервые попыталась установить контакт. Когда он ударил ее. А вот когда он понял, что она говорит правду…

— Ну хорошо, сестричка, если ты действительно способна на это, скажи мне, что думает этот парень.

Стоя рядом с закусочной, Майкл мотнул головой в сторону стоящего перед светофором типа с плоским бумажным пакетом под мышкой.

— Он ждет, когда загорится этот чертов зеленый свет.

Майкл засмеялся.

— Отлично, Шерлок Холмс. Даже я, не телепат, смог понять это.

Она спокойно посмотрела на него.

— Я не закончила.

А потом выдала, прямо в лоб: «Он *думает… когда же загорится этот чертов зеленый… мне надо в офис… сейчас там никого… обед… тихо… хотим… достать бы этот журнальчик… смачные бабенки изнемогают… хотят…»*

Майкл замер и не шелохнулся, пока она транслировала ему мысли мужчины. Потом загорелся зеленый, мужчина быстро зашагал через дорогу, коричневый пакет в правой руке ритмично закачался, словно маятник.

— Куда он полетел? — спросил Майкл.

— В офис.

— Где он?

— Не знаю.

— Не знаешь?!

— Я улавливаю только то, о чем люди активно думают. Я не могу читать все их мысли. А они не слышат меня. Никто не слышит. Только ты.

Он не дал ей рассказать об одиночестве, о том как она убежала из дома полтора месяца назад, о том, как мало ей удавалось получить, используя свою способность, и о том, как она еще более безуспешно пыталась не прибегать к ней. Но отвел Сару Джейн к себе, в однокомнатный номер обшарпанной гостиницы «Космо» (плата за день, неделю или месяц вперед).

Что-то шевельнулось в его сознании. Она слишком долго была в контакте с ним; если задержаться больше, — он поймет и проснется. Но ей был нужен этот контакт. Боже, как он был ей нужен. Майкл знал это. Он держал ее впроголодь, пуская всего

лишь на несколько минут. Ему не нравилось, когда она копошилась у него в голове; он считал это мерзким. Но не тогда, когда из этого можно было извлечь пользу.

Как, например, при карточной игре.

Они могли заняться чем угодно. В двенадцать лет она знала о людях больше, чем кто бы то ни было; они могли бы совершить что-то великое, даже если бы Майкл и продолжал держать ее почти всегда на расстоянии. Вместо этого…

Перед глазами вспыхнул невообразимо яркий свет, она закружилась, потеряв ориентацию. Ей казалось, она стремительно падает, проносясь меж множества массивных предметов, ударяясь о каждый из них…

Открыв глаза, она обнаружила, что лежит на полу. Майкл ударил ее телефонным справочником.

— Что я говорил тебе, сестренка? — Он швырнул в нее тонкую книжку, та, отскочив от грудины, острым углом врезалась в живот. — Я же говорил тебе, никаких проделок, — Наклонившись к ней, он намотал ее волосы на руку. Касаясь волос, он чувствовал себя в безопасности, ведь они не были живыми. — Я говорил тебе, никаких выкрутасов? Отвечай!

Он дернул за волосы, поворачивая ее голову назад.

— Майкл, я ничего не могу с собой поделать, — вырвалось у нее жалобным шёпотом. — Ты же знаешь, мне надо…

— Ты должна *ждать,* и ты понимаешь это, ты можешь ждать, пока я не скажу тебе…

Он рывком поднял ее на ноги и толкнул в сторону кровати. Волосы все еще были зажаты в кулаке, от боли она вскрикнула. Потом он еще раз пихнул ее, разжав кулак, пихнул так грубо, что она упала на матрас. Приподнявшись, она потянулась к нему, но он отбил ее руку тем же справочником.

— Майкл…

— Прочь! Прочь, девчонка! Чтобы сделать тебе больно, мне не нужно касаться тебя!

Он сделал шаг вперед; защищаясь, она вскинула руку. На секунду она подумала, что он ударит ее. Но он свернул тонкий справочник в плотную трубку.

— Ладно. Великолепно. Вот так и сиди на кровати, и не шевелись.

Глядя на нее, он неторопливо обошел кровать. Она попыталась опустить руку, но он изо всех сил ударил по ней.

— Я же сказал, не двигайся.

— Хорошо, Майкл. Хорошо, не буду.

Глаза горели от слез, но она старалась сдержаться. Все прошло бы, если бы она только смогла коснуться его. Контакт

устанавливался моментально, стоило лишь дотронуться до кончика пальца, но Майкл был осторожен, не желая попасть в ее волю.

— Я предупреждал тебя насчет этих выходок? Отвечай!

— Да, Майкл, предупреждал.

— Но все же ты сделала это. Почему?

— Я ничего не могла поделать…

— Ты можешь! — Он хлопнул справочником рядом с ее рукой, на которую она опиралась. — Ты можешь справиться, ты можешь это контролировать, мы с тобой знаем это. Ты вполне можешь не слушать то, о чем думаю я или кто-то другой. Почему же ты сделала то, что я запретил тебе?

Казалось, ее горло сжалось в такую же тугую трубку, как справочник в руке у Майкла.

— Я хотела… — слезы хлынули из глаз. — Ты не знаешь, как я одинока…

Он снова хлопнул книгой по кровати, прямо перед ней, едва не задев щеку.

— Не смей, — сказал он низким, скрипучим голосом, в котором сквозила угроза. — Никогда не смей проникать в мое сознание, пока я не скажу тебе. *Никогда.* Никогда, потому что, клянусь, я отлуплю тебя изо всех сил. А потом ты уже никогда меня не увидишь. Ну, теперь ты сможешь это запомнить?

Она кивнула.

— Тебе чертовски повезет, если я позволю тебе это сегодня вечером, после игры. Только тогда ты получишь свое, девчонка, когда я позволю тебе это. Я же могу и не делать этого, ты знаешь.

— Пожалуйста, — прошептала она.

— Заткнись. Ты бы лучше вечером сделала все как надо. Если же что-то будет не так, я могу решить, что прежние приятели мне дороже. Понимаешь?

— Да, Майкл. Мне можно опустить руку?

Он шагнул назад.

— Убирайся.

Сара Джейн торопливо слезла с кровати и, настороженно глядя на него, стала пятиться к двери.

— Мне… Мне нужно немного денег, Майкл.

Он бросил ей смятую десятидолларовую бумажку.

— Уноси отсюда свой тощий зад.

Она быстро нагнулась и подняла деньги с ковра, не сводя с него широко открытых глаз.

— Сестренка.

Она остановилась, почти уже выйдя из комнаты, и теперь держала дверь перед собой, словно щит.

— Приходи разбудить меня в половине седьмого, или вообще не возвращайся.

Она кивнула и выскользнула из комнаты.

Почти что час она провела в заставленном стеллажами магазине сувениров в вестибюле и бродила между полок, в то время как продавец за прилавком пытался понять, не воровка ли она, и сам удивлялся, почему при его зарплате это должно было его еще волновать.

Со скуки она купила на свои смятые десять долларов журнал «Вот», маленький пакетик фисташек, вышла во внутренний дворик рядом с бассейном и села под зонт за один из столиков.

Людей здесь было немного. Она была предоставлена сама себе и могла разгрызать каждый орех зубами, высасывая мякоть, пачкая зеленью пальцы и губы, пока она рассматривала фотомоделей, которые отплясывали со свирепыми лицами в самых невообразимых местах и в еще более невообразимых одеяниях. Ореховая скорлупа громоздилась на металлическом столе неопрятной горкой, и ветер норовил сдуть ее на пол. Она специально не настраивалась на мысли тех, кто, проходя мимо, бросал на нее любопытные взгляды. Она не хотела знать, что они думают, она вообще больше не желала знать, о чем думает кто бы то ни было. Может, ей было бы лучше сейчас уйти из отеля, оставить Майкла спать и постараться забыть его. Родители не жаждали ее видеть, но, может быть, удастся найти семью, где ее примут. Она могла бы попытаться жить как обычные люди, подавить свою способность (она никогда не говорила — дар), и, может быть, тогда она атрофируется и исчезнет.

Женщина, рекламирующая лиловую губную помаду, тянулась к ней с поцелуем с глянцевой страницы журнала. Перевернув страницу, Сара Джейн разгрызла еще один орех. Да, с таким же успехом она могла попытаться вмешаться в работу собственного сердца или на долгое время заклеить глаза. Способность эта все же была полезной и, прожив с ней так долго, она уже не могла обходиться без нее.

Жить без Майкла? Вернуться к тому, что было раньше, когда у нее не было никого, с кем бы она могла полностью сблизиться? Без второй половины, способной услышать ее, некому будет слиться с ней в союзе, объединяющем два разума в одном теле.

Но Майкл никогда не даст делам зайти так далеко. Он едва приоткрывался, но стоило ему только почувствовать начало процесса слияния, он заставлял ее покинуть его разум.

Сначала она пыталась убедить его, что это было бы правильно — довести процесс до конца. «Неужели ты не

понимаешь, Майкл? Так и задумано. Может быть, мы вовсе не два человека, а один, как две половинки…»

Но он ничего не хотел слышать об этом. Если она и не знала, что она такое, он-то уж знал — он не был наполовину мужчиной, наполовину — двенадцатилетней девчонкой. И если ей не нравится, как идут дела, она может уходить, он не будет удерживать ее.

Она не знала, в действительности ли он собирается отпустить ее на все четыре стороны. Даже когда она была в его сознании, ему удавалось спрятать от нее многое. Иногда она думала, что стоило ей убежать, он устремится за ней; иногда она боялась, что он приведет в исполнение свою угрозу оставить ее.

А между тем, нравилось это Майклу или нет, они становились ближе. Каждый раз, когда она проникала к нему, во время игры или после нее, они становились чуть ближе. Когда-нибудь ему придется полностью впустить ее к себе. Или так, или никогда больше не впускать ее.

Она поглядела на свои покрасневшие пальцы и постаралась вытереть их о подол рубашки. Пятно отойдет. Она хотела, чтобы Майкл тоже исчез, чтобы он каким-то образом потерял возможность слышать ее. Тогда бы ее так отчаянно не тянуло к нему; ее непреодолимая, безнадежная любовь поблекла бы и она смогла бы искать еще кого-то. А если бы никого не нашлось, не было бы ничего хуже той жизни, которую она вела до встречи с ним. Не так ли?

Последний орех не раскалывался. Она осмотрела его со всех сторон. Он был абсолютно гладким. Облизнув испачканные губы, она сжала его между зубами что было сил, раздавив скорлупу и мякоть.

Она сидела около бассейна, снова и снова просматривая «Вог», пока не пришло время идти наверх, будить Майкла. Он велел ей переодеться, казалось, его гнев исчез. Она продолжала листать журнал, пока он принимал душ, и взяла журнал с собой, когда они спустились в ресторан.

— Зачем тебе тут журнал? — спросил Майкл, когда они сели за столик в угловом кабинете.

Она повела плечом.

— Не знаю.

Читать здесь — только глаза портить. А всё эти свечи. — Он обвел взглядом тускло освещенный зал ресторана. — Мистер и миссис Америка выбрались на выходные отдохнуть от детей, которые им в принципе вовсе ни к чему. Не так ли, сестренка?

— Я не знаю, — снова сказала она.

— Ты да не знаешь? — Он отхлебнул пиво. — Будто ты

бродила целый день и не пыталась подслушать чужие мысли.

— Мне не хотелось.

— Ты просто читала журнал и ела… эти, как их… орехи.

— Фисташки.

Она опустила глаза.

— Ты чертовски плохо выглядишь. Вся перемазалась. В твоем возрасте девочки заботятся от том, как они выглядят, а ты бродишь вот так, да еще с журналом. — Он фыркнул с отвращением. — Я даю тебе деньги на одежду, а ты идешь в Армию Спасания и возвращаешься домой со старым тряпьем, которое уже никому не нужно.

Она не поднимала глаз. Ведь не могла же она объяснить ему, что ходит на благотворительные распродажи только потому, что мысли работающих там людей полны теплоты и спокойствия, пропитаны чем-то таким, что на зыбкой грани между нежностью и любовью. У людей, которых она встречала с Майклом, мысли были совсем иного сорта.

— Ну хорошо, но что ты будешь есть? Ты даже не посмотрела на меню.

— Чизбургер.

— Господи, чизбургер. Ну давай, для разнообразия, съешь что-нибудь настоящее. Чизбургер ей подавай. Тут приличное место, а не забегаловка.

— Я хочу чизбургер, — упрямо сказала она.

— Чиз… Возьми бифштекс.

Она упрямо покачала головой. Теперь Майкл старался быть добрым к ней, хотя и не знал, как выказать свое расположение. Крепко сжав зубы, она старалась сдержать себя, чтобы не ринуться к нему и попробовать то, о чем он думает, попробовать его «я», показать ему, что это значит — любить.

— Ты съешь бифштекс. Чтобы сохранить силы, тебе надо хорошо питаться. И кофе. Я не хочу, чтобы ты там у меня свалилась и заснула. Все же стоило тебя уложить поспать.

— Я не могу спать днем.

— Да, да, да, — в его голосе слышалось отвращение. — Ты не хочешь делать одно, не можешь делать другое, тебе не нравится третье. Ты как большая заноза у меня в заднице, Сара Джейн. Черт возьми, ты совершенно не ценишь ничего, что я делаю для тебя. Если бы не я, ты бы по-прежнему ночевала в прачечных и гаражах, питалась бы тем, что смогла украсть. У тебя не было бы никого, над кем вытворять все эти штучки, без которых ты жить не можешь. А что получаю я взамен? Приходится глядеть на кислую рожу да слушать дурацкие вопросы, сможем ли мы пожениться. Сделай перерыв, сестренка.

— Что ты от меня хочешь? — жалобно спросила она, наматывая кончики волос на пальцы.

Майкл нагнулся к ней с гаденькой усмешкой.

— Расскажи мне про ту вот пару, — он мотнул головой на столик слева. Она повернулась и увидела хмурую пару среднего возраста.

— Что ты хочешь о них узнать?

— Скажи мне, что у них приключилось.

«И вот таким образом, — подумала она, — Майкл хочет показать свое расположение». Она вздохнула.

— Это просто супруги, которые приехали на выходные.

— Ну да, но посмотри на них. Я хочу сказать, посмотри на них внимательно. Послушай.

Ее лицо исказила гримаса боли.

— Послушай, и, может быть, после игры я разрешу тебе побыть со мной больше, чем обычно.

— Ты всегда так говоришь, но никогда не выполняешь обещание.

— Не утомляй меня, сестренка, — его улыбка была натянутой и фальшивой. — Чем сильнее ты пакостишь мне, тем сильнее я могу дать тебе сдачи.

Она не ответила.

— Ну, давай. Назовем это разминкой перед тем, что нам предстоит.

— Мне не нужна разминка.

— Ты продолжаешь трепать мне нервы? — Майкл подался вперед. — Ну и что с того, если мы узнаем, о чем они думают? Их-то не убудет. Давай.

Ее глаза сузились. Майкл напряженно ждал, что она скажет. Выдержав несколько секунд, пока не увидела на его лице тень нетерпения, Сара Джейн вместо того, чтобы объяснить все вслух, послала ему поток мыслей напрямую: *«Телефонный звонок от няни… заболел один из детей… она хочет рассчитаться с гостиницей и уехать домой… а он не хочет, и…»*

Поставив блок, Майкл откинулся к обитой кожей задней-стенке кабинета. Его лицо покраснело от натуги. Неожиданно она почувствовала, что будь она понастойчивей, то вполне смогла бы преодолеть барьер и быть в его сознании независимо от того, нравится ли ему это или нет. Но она позволила ему прервать контакт.

— Ах ты, маленькая… — Майкл сидел прямо, направив на нее указательный палец. — Вот я…

— Извини, — холодно произнесла она. — Просто тренируюсь перед игрой.

Он взял свое пиво.

— Тебе бы лучше сделать все, как надо, сестренка. Все как надо.

— Я все сделаю.

Она снова посмотрела на ту супружескую пару, сидевшую по-прежнему за соседним столиком с несчастным видом. На самом деле она так и не знала, что их заботило, выдумав всю эту историю.

Она настояла на том, чтобы Майкл купил еще один пакетик фисташек, прежде чем они поехали в темный, нищий район, к бару, вход в который напоминал дыру в стене. Майкл припарковал машину, велел не отпирать дверцы и не опускать окон, и вошел внутрь. Минуту спустя он появился снова и повел ее за угол, к боковому входу.

— Они играют на складе, — сообщил он ей.

Но она уже успела настроиться, мысли нескольких людей мешались в ее голове. По тускло освещенному коридору она прошла за Майклом в небольшую комнату, заставленную ящиками и контейнерами. Под голой, без абажура, лампочкой стоял круглый стол, за которым сидело четверо мужчин. Дым сигарет и сигар змеился над их головами. Они оторвались от карт, и один из них, мужчина с жёлтыми волосами песочного оттенка и нездоровым цветом лица произнес:

— Вы опоздали, мистер… э-э… Джонс.

Потом все поглядели на нее.

— Черт возьми, что это такое? — спросил мужчина с песочными волосами. — Вы что, думаете, мы собрались здесь чайку попить?

Майкл развел руками.

— Ну что я мог поделать? В последнюю минуту появляется сестра и бросает ребенка у порога. Едет там на неделю в Озаркс с приятелем, а кому-то надо присмотреть за Сарой Джейн.

Майкл оглядел окаменевшие лица мужчин. Стоя за ним, Сара Джейн прижала журнал и пакет фисташек к груди. Мысли игроков толклись у нее в голове, превратившейся прямо в телефонный коммутатор.

«Парень рехнулся… черт возьми, привезти ребенка сюда… о чем он только думает… сколько ей лет…»

Потом к ней пробились мысли Майкла.

«Они верят мне, Сара Джейн? Отвечай! Они на это купились?»

Девочка вздрогнула.

«Они думают, ты рехнулся, если привез меня сюда.»

Казалось, Майкл расслабился.

— Эй, ребята. Что я, действительно, мог поделать?

Желтоволосый обошел Майкла, чтобы взглянуть на нее.

Она сгорбилась, стараясь выглядеть пониже.

— А я думал, ты недавно появился в этом городе, — сказал он Майклу, не отрывая глаз от Сары Джейн.

— Так и есть. Но здесь живет моя сестра. Пребралась сюда к приятелю.

— Девица выглядит достаточно взрослой, вполне могла бы посидеть дома одна.

— В общем, да, но она боится, — Майкл пожал плечами. — Такой вот большой ребенок, ну вы знаете, о чем я говорю.

Мужчина с отвращением посмотрел на Майла.

«Дерьмо… притащить ребенка в такое место… есть же непорядочные люди…»

Она не сдержалась и улыбнулась.

— Ну и что здесь веселого? — спросил он ее.

Когда Майкл повернулся к ней, она прикрыла рот ладонью.

— Эй, ведь Сара Джейн немного… того. Иногда она улыбается без причины, иногда смеется, ну, вы знаете.

— Ну и что ты хочешь сказать? Она будет нам мешать?

— Нет, нет. Все в порядке. Будет сидеть тише воды, ниже травы, не издаст ни звука. Вот там, на ящиках; будет смотреть свой журнал и есть орехи. Она никому не станет мешать. Правда, Сара Джейн? Ты ведь не будешь мешать дядюшке Майку, пока он поиграет в карты со своими друзьями?

В ответ она по-идиотски уставилась на него, «позабыв» закрыть рот, и побрела к дальней стене склада, где и устроилась на каких-то ящиках, стоявших вдоль стены.

Мысли мужчин шумели в голове, в то время, как они следили за ее движениями. «*… продули сто фунтов… чокнутая или немая… надо бы завтра позвонить дочке… вышвырнуть его вместе с девчонкой вон… Боже, мы что, няньки… какая худющая… большая девица…*»

— Она разве читает журналы? — подозрительно спросил Майкла все тот же мужчина с песочными волосами.

— Всего лишь смотрит картинки, экая важность. Послушайте, если вы не хотите меня принимать, — отлично, я уйду. Но я проделал долгий путь ради хорошей игры, к тому же в этом городе у меня есть добрые друзья. Им бы хотелось, чтобы я хорошо провел время.

Мужчина коротко рассмеялся.

— Ну так садитесь, кто вам мешает?

Прежде чем самому сесть за стол, Майкл едва заметно кивнул Саре Джейн. Теперь начиналось самое худшее, что было у нее в

жизни с Майклом. Она открыла пакетик с фисташками, притворяясь, что полностью поглощена фотографиями невероятных моделей. Она уже знала их всех наизусть. Мысли мужчин вертелись и рокотали в ее голове, перекрывая негромкое шуршание тасуемых карт. Надо было разобрать — где чьи. Мужчина справа от Майкла был каким-то ремонтником; Майкл ему не нравился, он не доверял ему и жалел, что тот пришел. Его мысли были похожи на тяжелые, безостановочные Удары барабана. Сосед ремонтника никак не мог сосредоточиться. Воспоминания о каких-то незначительных вещах постоянно крутились у него в голове, то перебивая мысли, то рождая их, как будто он не мог избавиться от посторонних ассоциаций. Его меньше всего беспокоило то, что Майкл привел ее, именно он собирался завтра позвонить своей дочери. Теперь он думал о еде.

Игроку, сидевшему к ней спиной, не нравилось то, что она сидит прямо позади него. Это означало, он не будет знать, когда она будет смотреть на него.

Оставался еще тот первый мужчина с песочными волосами и красными лицом. У него появлялись вспышки жалости к ней, но сродни беспокойству о бессловесной и не особенно полезной твари: бить, конечно, не стоит, но лучше держаться на всякий случай подальше.

Круг завершал Майкл, который ухмылялся, глядя на лежащие перед ним карты. Резкий верхний свет отбрасывал странные тени на его лицо. Она взяла в рот орех и, чуть напрягшись, прикоснулась к сознанию Майкла.

«Поехали, сестричка. Как дела?»

Она вздохнула. Существовала тысяча способов использовать их совместные усилия, но Майкл спускал их на шулерство при игре в покер. Она направила свое внимание на происходящее за столом, слушала, как каждый из мужчин оценивает свои карты, и покорно сообщала все Майклу.

«Три девятки; пара восьмерок, почти полный флеш-рояль, от семерки до десятки; семерка и тоже почти флеш-рояль — от туза до четверки; пара пятерок, туз, дама и валет.» Майкл упорно натаскивал ее, пока Сара Джейн не овладела карточной терминологией так же хорошо, как, в ее понимании, владел ею крупье из Лас Вегаса. У Майкла была только пара троек. *«Пока не так уж хорошо»*, — передала она ему.

«Сообщай мне только их карты, сестренка.»

Игроки просили одну, две, три карты, она пристально следила за тем, что им приходило. Майкл закончил с парой королей и парой троек, но банк сорвал тот, у кого были три девятки. Прогорклый вкус разочарования сочился из Майкла.

«Видишь, Майкл? Даже шулерские проделки иногда не помогают.»

«Делай лишь то, что тебе положено, и не мешай мне играть. Я начинаю чувствовать их.»

Чудом во время третьего кона у него оказался полный флеш-рояль. Он сидел спокойно, пока другие брали по две-три карты у желтоволосого — они называли его Харви — и потом начал повышать ставки. Радость Майкла отозвалась в ней так, что у нее задрожали руки, когда она полезла в пакет за орехом. Кучка денег в центре стола росла.

«Великолепно, сестренка. Теперь они поверят любому блефу, который я им выдам.»

Она поежилась. *«Майкл, полный мужчина напротив тебя не верит, что у тебя что-нибудь есть. Он не верит тебе. Он считает, ты жульничаешь.»*

«Остынь, сестренка. Дай мне играть.»

Взволнованная, она разгрызла орех зубами. Полный мужчина, тот, который думал, что Майкл блефует, резко повернулся к ней.

— Разве ей позволено шуметь? Это меня бесит!

Он повернулся к Майклу, но его гнев, словно отбойный молоток, бил в ее мозг, и она тоже передала это Майклу. Уголки его рта дернулись.

— Прекрати это, Сара Джейн. Больше никаких орехов. Мы не можем сосредоточиться.

Она спокойно отложила пакет и слушала, как делались ставки. У сердитого мужчины была пара королей, у остальных не было ничего интересного. Только Харви попытался продержаться еще немного. Потом и он бросил карты, откинулся на спинку стула и стал наблюдать за дуэлью между Майклом и тем, кто сидел напротив него. Голова Сары Джейн начала пульсировать от напряжения.

— Десять баксов, — произнес мажчина.

— Десять и пять сверху. *«Черт его побери. Как далеко он он зайдет, Сара Джейн?»*

«Он *подумывает о том, чтобы перерезать тебе горло.»*

«Именно поэтому они называют это опасной бритвой, бэби.»

«На самом деле, Майкл. Ножом.»

Этот самый мужчина, по фамилии Клеммер (собственное имя — Альберт — ему почему-то не нравилось) сложил пятидолларовую банкноту пополам, а потом домиком поставил ее над остальными.

— Открывайте карты, — произнес он.

— Сначала вы, — сказал Майкл.

Мужчина покачал седеющей головой.

— Я сделал ставку и я смотрю первым.

«Не надо рисоваться, Майкл», — умоляла она. Но он нарочно открыл свои карты по одной, в нисходящем порядке пока не дошел до семерки. Казалось, он сомневается, а затем он положил ее на стол вверх рубашкой.

— Сколько поставите на то, что это семерка, Клеммер?

Приступ страха пронзил Сару Джейн до печенок. «*Ты не мог знать, как его зовут! Он тебе не говорил!*»

Майкл вызывающе улыбнулся мужчине, чьи мысли чуть стихли, хотя негромкий гул подозрений не исчез. К счастью, он не заметил, что Майкл назвал его по имени.

«Не время привлекать к себе внимание, Майкл! Остановись!»

— Так сколько? — подначивал его Майкл.

Партнер уже собирался сказать «двадцать», когда Харви нагнулся и перевернул семерку. В мыслях Майкла вспыхнул гнев, но прежде чем он смог что-нибудь сказать, желтоволосый рассмеялся.

— Ты даже меня заставил усомниться на секунду, Проныра; но я знал, что это должна быть семерка. Забудь, банк и так достаточно велик, верно?

Гнев Майкла утих, банкнота за банкнотой он собрал свой выигрыш.

— Да. Конечно. Вполне приличный. Я играю честно.

«Не пузырься, Майкл. Этот человек только что спас тебя.»

«Уймись, сестричка. Если бы они могли, они за минуту ободрали бы меня, как липку.»

«Ты чужой здесь, они не доверяют тебе.»

— Эй, Сара Джейн, — произнес Майкл вслух. — Давай, съешь несколько орешков. Все отлично сосредотачивается, не так ли?

Гнев грузного игрока ожег ее мозг так, что слезы навернулись на глаза. Она склонила голову набок и притворилась, что дремлет.

Несколько следующих конов к Майклу карта вовсе не шла, но напряжение между ним и грузным типом постоянно росло. Желтоволосый Харви также неотступно следил за Майклом, так и не определив, честно ли тот играл.

Странное спокойствие опустилось на Сару Джейн. Майкл заказал всем игрокам по пиву, которое принес им толстый, скучающий бармен, чье сознание, казалось, было на автопилоте. Ее вид не вызвал у него никаких новых мыслей, прошел неким размытым изображением.

Игра продолжалась, но ни у кого дела не ладились. Достали новую колоду, ее осмотрели и признали годной. Но и это не произвело никакого эффекта. Сара Джейн перестала обращать

внимание на что-либо, кроме карт на руках у каждого, механически передавая информацию Майклу. Иногда это помогало, иногда — нет. Гнев грузного мужчины утих, но тлел, не угасая. Мысли остальных были нечеткими, мысли бесцветных существ, которые не выигрывали и не проигрывали большие суммы, мысли игроков, которых Майкл называл «грелками для кресел», предназначенных для того, чтобы делать ставки.

Время ползло, Сара Джейн чувствовала, как тяжелеет от усталости. Застоявшийся в воздухе табачный дым разъедал глаза и вызывал тошноту. Куча денег, лежащая перед Майклом то увеличивалась, то уменьшалась, но он продолжал играть без оглядки, консультируясь с ней, как будто она была всего лишь еще одной частью его сознания. Похоже, что она действительно включилась в его существо. Своим внутренним зрением она видела карты, которые он держит, чувствовала солодовый вкус пива, ощущала, как воздух проникает в его легкие и покидает их. Она скользнула еще глубже и вздрогнула от боли у него в пояснице от долгого сидения на жестком стуле. Взгляд Майкла коснулся ее, и Сара Джейн увидела себя, сидящую на ящиках со склоненной головой, свисающие волосы заслоняли лицо. Затем она полностью погрузилась в него и увидела, как ее собственное тело обмякло. В ушах ее и Майкла раздался гул, пришло ощущение расступающегося пред ней пространства. Она начала падать.

— Сара Джейн!

Лица всех игроков вспыхнули перед ней хороводом, потом пол стремительно ринулся к ней навстречу.

Мгновение спустя, щурясь, она увидела перед собой лицо Майкла, побелевшее от ярости.

— Я бы сказал, твоему маленькому талисману давно пора в постельку, — произнес желтоволосый. — Иначе она шлепнется в обморок. Ну, так что же?

— Вставай, — прорычал ей Майкл, — и не устраивай это дерьмо снова, Сара Джейн.

— Ты немного суров с ней, не так ли? — насмешливо проговорил грузный игрок.

Майкл посмотрел на него.

— Какое тебе дело? Она всего лишь недоразвитый ребенок.

— Ах, да. Конечно. Вроде, ребенок твоей сестры, так?

Сара Джейн села прислонившись спиной к ящикам.

«*Майкл, давай уберемся отсюда.*»

— Именно это я сказал, — Майкл медленно выпрямился, — ну и что?

«Майкл, пожалуйста! Что-то должно случиться!»

— Она всегда падает в обморок когда ты на грани большого проигрыша?

— Что ты хочешь сказать? — спросил Майкл.

— Тут явно что-то нечисто. Может быть, вы как-то сигналите друг другу?

— Эй, ну-ка… — произнес желтоволосый, но громила отпихнул его.

«Майкл, мы должны бежать. Немедленно.»

— Я попал в точку, верно? Твой талисманчик сигналит тебе, а ты передаешь ей, какие у тебя карты, да?

— Что за дерьмо, она всю ночь сидит тут на ящиках, читает этот чертов журнал, ест свои орехи.

— Ест *мои* орехи, приятель, глядит мне через плечо и говорит тебе, какие у меня карты.

Сара Джейн начала потихоньку отползать от них в угол.

— Она не могла видеть твоих карт со своего места, — сказал Майкл, — и, черт возьми, конечно же не могла видеть, что было на руках у остальных. Ты просто псих.

— Не смей называть меня так, парень.

— О, прошу прощения, Клеммер, — насмешливо ухмыльнулся Майкл.

«Майкл, нет! Я же говорила тебе, его имени ты не должен был знать!», — в отчаянии подумала Сара Джейн, а он повернулся к ней и завопил:

— Да заткнись, ты, сучка!

Мужчины посмотрели на Сару Джейн, затем на Майкла.

— Нет, это ты псих, — вмешался желтоволосый, — ребенок не сказала ни слова.

— Вот, это их сигнальная система! — яростно сказал Клеммер. — Именно так они и общаются, не говоря ни слова. Верно, девчонка?

Он бросился к ней, но двое других схватили его и оттащили назад.

— Эй, полегче, — сказал тот, кто собирался позвонить дочке. — Ты же не хочешь ударить ее.

— Да я хочу *убить* ее, — сказал толстяк. — Я просадил три сотни из-за нее.

— Забудь об этом, она всего лишь ребенок, — сказал желтоволосый. — Кто знает, где он подобрал ее? Бьюсь об заклад, если мы отпустим ее прямо сейчас, то, возможно, никогда ее больше не увидим. Не так ли, детка?

Майкл обвел глазами всех троих, когда желтоволосый взял его за предплечье.

«Сара Джейн? Что происходит? Они ведь не могли всерьез

поверить во всю эту чушь? Сара Джейн? Черт побери, ответь мне!»

Сара Джейн поднялась на ноги и стояла теперь лицом ко всем, судорожно обхватив себя руками. *«Слишком поздно, Майкл. Я старалась предупредить тебя. Они уверены — что-то происходит, только не могут понять — что именно. Ты им не совсем нравишься, ты выиграл все их деньги, и теперь…»*

Желтоволосый мотнул головой в сторону двери.

— Убирайся сию минуту. И не останавливайся.

Она открыла было рот, чтобы возразить.

— Я сказал «сию минуту», детка! — сказал желтоволосый. — Живо. И забудь сюда дорогу.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Майкл, пока она пятилась от стола к двери. — Эй, что вы, мы же не жульничали…

— Ах, вы не жульничали, да? — сказал громила. — Ну, конечно, приятель.

«О, *Майкл…»*

«Зови полицию, Сара Джейн. Немедленно!»

— Вон! — рявкнул желтоволосый, и она выскочила со склада в коридор.

— Эй, Клеммер, Харви, вы что… — донесся голос Майкла из-за двери.

— И откуда, черт возьми, ты знаешь наши имена? — спросил громила. — Мы тебе их не сообщали!

— Эй, ну что вы, — отчаянно воззвал Майкл, — вы же не собираетесь…

— Мы всего лишь собираемся немного проверить твою честность, — сказал желтоволосый. — Убедимся, на месте ли она еще.

В ее голове мысли игроков слились в неразличимый рев, сквозь который пробивался крик Майкла о помощи. Потом пришла боль, раскаленная добела, такая сильная, что Сара Джейн уже не слышала ударов.

Она пришла в себя в каком-то закоулке за мусорным баком, сжавшись в комочек, и прижавшись лбом к коленкам. Ужасный рев в ее сознании утих уже давно, образовавшуюся пустоту заполнил смутный фоновый шум. Она напоминала себе микрофон, который бросили включенным и забыли. В ее сознании невнятно смешивались чьи-то далекие мысли.

Медленно она подняла голову, отстраняя от себя шум чужих мыслей. Похоже, как если бы Сара Джейн пыталась закрыть огромную тяжелую стальную дверь, которую заело. Она сосредоточилась, вытесняя чужие мысли своими собственными,

наполняя сознание своим мироощущением до тех пор, пока там не осталось места ни для чего постороннего.

Покой. На несколько мгновений. А потом она вспомнила о Майкле.

«Майкл?»

Впервые на протяжении месяцев ответа не было.

Нетвердо держась на ногах, Сара Джейн выбралась из-за мусорного бака и направилась к выходу из переулка. Улица была незнакомой, неярко освещенной желтоватым светом фонарей. Не имея ни малейшего представления ни где бар, ни где отель, Сара Джейн совсем не могла почувствовать Майкла. Неожиданно ощутив себя одновременной и выжатой, и легкой, она прислонилась к кирпичной стене какого-то здания и посмотрела в ночное небо. Ну, вот. Свободна. С тех пор, как она встретила Майкла, она ни разу не уходила за пределы его влияния, а сейчас вышла. Сейчас можно было бы просто уйти, если бы ей захотелось, просто уйти и не оглядываться назад.

А затем послышалось, так зыбко, что она подумала — это ей кажется: *«Сара Джейн. Сара Джейн…»*

Она провела руками по лицу. Нет, она никогда не будет недоступной для Майкла. До тех пор, пока он жив.

Его выбросили из машины в тени заброшенного склада на другой стороне шоссе, возможно, в миле от того места, где она пришла в себя. Сара Джейн нашла его, не осознавая, куда она идет, чувствуя только одно — она идет к нему. Сначала слабые, отыскав ее, его мысли становились все сильнее, неотступно притягивая к себе. Как ни странно, она воспринимала его боль как-бы издалека: она смогла поставить барьер, чтобы эта боль не терзала ее. Облегчение и радость Майкла, который нашел ее, доносились до ее сознания, но тоже из-за барьера, вместе с болью. Это было странно. Прежде от Майкла она не загораживалась.

«Сара Джейн.»

Он лежал на растрескавшемся асфальте брошенной автомобильной стоянки. Сара Джейн закрыла глаза, не желая видеть влажных отблесков крови в неярком свете фонаря, стоящего у соседнего квартала. И сразу же восприняла: они не хотели убивать его, только избить, проучить как следует. Но вот только перестарались, и теперь он умирал.

«Как же они будут дергаться, когда услышат в новостях, что мое тело нашли здесь. *Они обгадятся со страха.»*

Все еще не глядя на него, она присела в нескольких футах от его головы.

«Да, Майкл. Конечно же они будут дергаться. Просто обгадятся».

«Они будут беспокоиться о тебе, Сара Джейн. Они будут бояться, что ты расскажешь все в полиции.»

«Да, Майкл. Конечно, они будут бояться.»

«Нам придется спрятаться ненадолго. А потом, когда они будут думать, что уже в безопасности, мы пойдем в полицию и пригвоздим их задницы.»

На секунду ее сознание помертвело.

«Мы?»

«Да. Мы. Ты и я, Сара Джейн. Так, как ты всегда хотела.»

«Но ты же…»

Теперь она ясно, словно на киноэкране, увидела в своем сознании то, чего хотел Майкл. Он будто наяву стоял перед ней, раскинув руки, готовый заключить ее в свои нескончаемые объятия.

«Подойди ко мне, Сара Джейн. Другого выхода нет. Ты можешь спасти меня, а я останусь с тобой навсегда, ты же всегда хотела этого.»

Она почувствовала, как своим сознанием устремляется к нему.

«Только нагнись, положи руку мне на голову, Сара Джейн. Только прикоснись ко мне. Ты всегда хотела прикоснуться ко мне. Коснись меня, Сара Джейн. Я знаю, ты все еще хочешь этого.»

Перед умственным взором предстало как Майкл окутывает *ее,* покидает терзаемое болью, умирающее тело, проникает в ее, молодое, живет с ней, сливается с ней, как ему и было суждено. Или слиться, или… нет.

«Не медли, Сара Джейн. Прикоснись ко мне, и все. У меня уже не хватает сил, ты должна взять меня к себе. Спаси меня, Сара Джейн, спаси меня ради себя самой. Помнишь, ты говорила, что, может быть, мы, на самом деле, две половинки одного человека! Именно так это всегда будет для нас, если ты сейчас прикоснешься ко мне.»

Ее рука задрожала в воздухе. Ужаснувшись, она отдернула руку и прижала ее к груди. В ее сознании образ Майкла немного отдалился.

«Сара Джейн?» За болью и замешательством она могла почувствовать тень прежней ярости. — *«В чем дело?»*

«Дело в тебе, Майкл, — устало подумала она. — *«Как мы можем быть уверены, что вместо этого я не перейду в тебя и мы не умрем вместе?»*

Не медля ни секунды, он ответил: *«Потому что только ты одна обладаешь даром, Сара Джейн — реальной силой. Я всегда*

принимал то, что передавала мне ты. Правда? Это ты одарена. Ты можешь продлить жизнь нам обоим.» Из последних сил он теперь старался захватить ее сознание. Тогда она представила себе, что барьер, который закрыл ее от боли, стал выше. Она представила себе мелкую проволочную сетку, не раз приходилось наталкиваться на такие заборы. Мелкая проволочная сетка и колючая проволока.

«Сара Джейн? Что ты делаешь?»

«Я не могу, Майкл.»

«Что не можешь?»

«Не могу принять тебя.»

«Но ты всегда хотела именно этого!»

«Когда ты был жив.» Барьер становился плотнее, колючая проволока ложилась поверх мелкой сетки. *«Когда не было другого выхода.»*

«Это теперь нет иного выхода!»

«Не для тебя.»

Барьер полностью скрыл его из вида.

«Сара Джейн, я думал, ты любишь меня.»

«Я люблю тебя, Майкл, — горестно подумала она. — *Но не хочу становиться тобой.»*

От ощущения предательства его мысли превратились в яростно ревущий поток: *«Если я смогу, я найду тебя, сестренка. Клянусь, я буду гнаться за тобой, клянусь, я достану тебя. Ты будешь мучаться всю свою жизнь, а я буду ждать тебя после смерти…»*

Самым удивительным было то, что он в конце концов назвал ее «сестренкой», а не какой-нибудь «сучкой».

Из гостиничного номера она взяла лишь сумку с вещами и деньги, которые Майкл хранил на черный день. Портье, сидевший за конторкой в холле проводил ее взглядом. Понятно — слишком поздний час. Так поздно, что даже гостиничный магазинчик уже был закрыт. Сегодня вечером не будет больше ни журналов мод, ни фисташек.

С удивлением она обнаружила, что рядом со входом в гостиницу стоит такси, и водитель дремлет за рулем. Она села и попросила его отвезти себя в аэропорт, не обращая внимание на сонное любопытство, которое появилось в его сознании. Денег хватало на билет до побережья Ну а там… Там она будет прислушиваться к чужим мыслям, чтобы можно было прихватить чей-нибудь кошелек или какой-нибудь еды. Она выкрутится. Как и прежде.

Дорога в аэропорт занимала много времени. Она откинулась

на спинку сидения и перестала контролировать свое сознание. Она даже не почувствовала, как он умирал Так странно ей казалось, она обязательно почувствует нечто, извещающее ее о конце жизни Майкла, но — нет. Значит — все!

— А? Вы что-то сказали?

От удивления Сара Джейн выпрямилась.

— Что?

— Вы что-то мне сказали? — спросил водитель.

Она сглотнула, стараясь восстановить дыхание.

— Нет. Ничего. Я не сказала ни слова.

— О, значит, верно, радио.

Улыбнувшись, она опять откинулась на спинку сидения.

— Да, наверное.

Водитель взял микрофон и что-то пробормотал диспетчерской.

— Ну и что такая молодая девушка, как вы, будет делать в аэропорту в такой поздний час? — спросил он, сунув микрофон на место.

— Лечу домой, — ответила она. — Умерли родственники.

— О… — промолвил водитель. Сара Джейн позволила его мыслям лениво бродить у нее в сознании. Он удивлялся, что она делала здесь… *что за родители пошли… Боже, как они могут позволить своим детям ездить одним, неужели они не знают, что может случиться любая жуть, особенно с самыми хорошенькими… неужели им нет дела…*

А потом, совершенно неожиданно она как бы провалилась в его сознание.

Этот контакт длился какую-то долю секунды, но потряс ее до основания: его звали Том Ченей, у него были жена и трое сыновей, приходилось работать сверхурочно, чтобы заработать старшему на учебу в колледже, его жизнь не была выдающейся, но, по крайней мере, у них был дом, куда можно было прийти и…

Сара Джейн, дрожа, вырвалась наружу. Молча они проехали еще милю, потом водитель глубоко вздохнул.

— Господи, выходит устал гораздо больше, чем предполагал. После того, как высажу тебя, надо будет отдохнуть.

Она снова откинулась на спинку. Конечно же, откуда ему знать. Да и как он может? От растерянности и облегчения ей хотелось смеяться и плакать. Что может быть безумнее — после Майкла так быстро найти еще одного человека, способного слышать ее.

Только вот он не был принимающим. Она могла почувствовать это по особому привкусу. Он был нормальным человеком. Это ее способности изменились.

Все эти месяцы с Майклом, когда она прорывалась к нему, послужили тренировкой. И ее способности настолько усилились, что теперь она могла сделать так, чтобы ее мог бы воспринять любой.

Любой.

— А? Ты что-то сказала? — спросил водитель.

— Я? Нет, ничего.

— Черт побери. Извини, мне кажется, я рехнулся, или что-то в этом роде, мне слышатся голоса.

— Радио, — сказала она, улыбаясь.

— Нет, это не радио, — озабоченно сказал водитель. — Чудно. Мне показалось, кто-то сказал «сестренка».

— Сестренка? — Улыбка сразу слетела. Сара Джейн провела руками по лицу. — А вы… вы больше ничего не слышали?

Водитель пожал плечами.

— Не знаю. А к чему вопрос? Тоже слышишь голоса, и все такое? — он засмеялся. — Ты сдвинутая?

Сара Джейн чуть помедлила с ответом.

— Я думаю, все такие. То есть, чуть-чуть.

— Я особо не верю в эту ерунду. Хотя моя жена верит. Она каждый день читает свой гороскоп в газетах и говорит, что чувствует, когда кто-нибудь из детей попадает в беду. Я-то считаю, что родителям вообще должно быть это свойственно. Интуиция, знаешь. А что с твоими-то что? Наверно, они рехнулись, оставив тебя одну среди ночи так далеко от дома.

— У них все в порядке, — ответила она ровным голосом и напряглась, настроившись на прием.

«*Майкл?*»

Ничего. Возможно, в своих попытках добраться до нее он захватил кого-то еще, но все еще был слаб, чтобы подчинить ее. Пока. Сколько времени потребуется ему, чтобы накопить сил?

«Это ничего не значит», — решила Сара Джейн. Потому что она опередит его и сама найдет себе союзника, а потом, вместе, они смогут держать его на расстоянии. Двое живых людей будут сильнее мертвого Майкла.

— Что? — спросил водитель. — Клянусь, теперь-то ты уж точно что-то сказала.

— И что же? — спросила она.

— Клянусь, я слышал, ты сказала: «Лучше поторопись.»

— О, да, — сказала Сара Джейн. — Действительно, надо поторопиться. Не хотелось бы пропустить последний рейс. Я хочу найти мою семью как можно скорее.

— Найти их?

— Ну, там, в аэропорту.

— О, конечно, — такси чуть прибавило скорости. — Не волнуйся, сестренка, я довезу тебя вовремя.

— Надеюсь, успеешь, — пробормотала она, но этих слов водитель не расслышал.

Джулия Эклар

ЗАВЕЩАННЫЕ ЖИЗНИ

Джулия Эклар пишет, что «Завещанные жизни» появились, когда она задалась вопросом, какая форма регулирования рождаемости возникнет в результате грядущего перенаселения. «Это, в свою очередь, привело меня к обдумыванию того, какие способы люди найдут, чтобы обойти существующие правила (а им всегда это удавалось, какой бы совершенной ни была система)».

В 1991 г. Джулии Эклар была присвоена премия Джона В. Кэмпбелла как лучшему начинающему писателю. «Завещанные жизни» — ее дебют на страницах F&SF.

© Julia Eklar Promised Lives

F&SF, September 1993.

Перевела Ирина Горелик

Вы должны понять, — произносит женщина из Демографического бюро, отчаянно пытаясь умиротворить моего плачущего мужа. Я протягиваю руку, чтобы погладить его по щеке, и чувствую ладонью жар его горя.

— Но вы же говорили, не больше пяти лет. — Сяо отрывает взгляд от ровно подстриженной травы, слезы блестят на его красном лице в лучах хорошо сымитированного солнечного света. Офисы «на природе», свежая трава и управляемая погода были одной из причин, по которой мы переехали в Хейвен несколько лет назад. По крайней мере, для меня. Не для Сяо.

— Вы обещали, что через пять лет, — настаивает он, — мы сможем иметь детей.

— Нет, Сяо, — дрожащими пальцами я касаюсь его руки, заставляя взглянуть на меня. — Они говорили, что мы будем иметь право на детей через пять лет. Никто нам ничего не обещал.

Я не должна была приводить его сюда, не должна была позволять ему надеяться вопреки возможной неудаче.

Он берет мою руку и прижимается к ней лицом.

— Это несправедливо.

Никак не могу побороть чувство вины, которое его горе пробуждает во мне.

— Хейвенская станция достигла заданной численности населения два с половиной года назад, — мягко, терпеливо объясняет чиновница. — Несомненно, еще будут возможности для расширения семей, и вы с супругой можете рассчитывать на самое благоприятное отношение, как только будут получены соответствующие разрешения.

Интересно, сможет ли Сяо принять недоумение на ее лице, вызванное его упорством, за мягкую грусть.

— До тех пор, может быть, лучше будет почаще вспоминать, для чего вы приехали именно на Хейвен и почему все должно идти именно таким образом.

Из богато озелененных офисов Демографического бюро мы возвращаемся домой, держась за руки. Сяо слишком убит горем, чтобы обращать внимание на то, что его окружает, и я веду его длинной окольной дорогой, подальше от ярко освещенных проходов и людей, которые, заметив, могут начать нас жалеть. Звук наших шагов чуть тревожит открытое пространство, подчеркивая тишину вокруг. Как бы мне хотелось, чтобы и Сяо наслаждался этим гулким звуком звенящей кругом пустоты вместе со мной.

В коридоре, ведущем к нашему дому, мы встречаем соседку, Анну Каррас. Проход такой широкий, что нам даже не приходится посторониться, чтобы пропустить ее. Пергаментное лицо старой девы морщится в гримасе, она обвиняюще смотрит на Сяо.

— Ну что, не удалось?

Я качаю головой. Сяо, скорее всего, даже не слышит ее.

— Почему же тогда он плачет? — требовательно вопрошает она в то время, как мы обходим ее, и вонзает свое жало в наши спины. — Никогда не вспоминает, как жилось дома?

Я проглатываю готовую сорваться с языка колкость и отпираю входную дверь. Мы помним — никто на Хейвене никогда не забудет, почему он оставил Землю.

Нам просто трудно смириться с этим. Только и всего.

А помню постоянно.

Лежа в постели без сна, я вглядываюсь в тьму, которая никогда не бывает такой глубокой на Земле, и вспоминаю, как я была напугана, когда впервые спала в тихой темной ячейке, одна на целой кровати. Я плакала, так же, как сейчас в гостиной

плачет Сяо, боясь, что сойду с ума и забуду, как жила в одной комнате с шестнадцатью другими детьми и взрослыми. Но я не забыла. И никогда не забуду.

До Хейвена я жила в Моргантауне, что в Западной Вирджинии. Когда мне было шесть лет, местная полиция погубила целую семью, вытащив их из жилой ячейки, потому что они не сообщили городским властям о смерти своих домочадцев. Тела, однако, так и не были найдены. Даже тогда я уже понимала, что их просто съели. Мне казалось неразумным наказывать людей за то, что они нашли мертвым телам такое хорошее применение, в то время как ни у кого не было еды.

До суда дело не дошло, но — всю ту семью убили в борьбе за жизненное пространство, хотя полиция и пыталась увезти их с собой. Не помню, как их звали, не помню, съел ли их кто-нибудь после того, как убедились, что все уже мертвы. Но я всегда буду помнить свою ярость из-за того, что нам запрещены даже малейшие усилия, чтобы улучшить свою безысходную долю.

Я выползаю из постели и иду искать Сяо. В каждой из четырех наших изолированных комнат. В холлах растет настоящая живая трава, и стены так далеко друг от друга, что невозможно дотронуться одновременно до двух. Иногда я чувствую себя затерянной в пустоте, и мне это так нравится.

Сяо забился в филодендроны, он больше не плачет. Вид у него опустошенный, как будто он выплакал все слезы, и, когда я сажусь рядом с ним, он кладет голову мне на грудь.

— Ох, Майя…

Я обнимаю его и целую в макушку.

— Всегда можно подождать.

— Я не верю в «потом». Я жду этого «потом» всю жизнь, и когда оно наконец наступает, они говорят мне «нет».

Его пальцы сплетаются с моими, трепеща, как лепестки цветов.

Из живых цветов до того, как переехать с Сяо на Хейвен, я видела только одуванчики.

— Мы можем попросить о переводе на другую станцию. Наши специальности всегда требуются, и где-нибудь найдется для нас место.

Но я втайне надеюсь, что этого никогда не случится, надеюсь так сильно, что едва не валюсь замертво.

— И как далеко нам придется убежать? — вскидывается в моих объятиях Сяо. — Ведь можно просто забыть про Бюро и родить ребенка.

Я так резко отталкиваю его, что он сшибает филодендрон с подставки, и грязь расплескивается по всему полу. Так же быстро

я вскидываю руки ко рту, и мы в ужасе смотрим друг на друга. Никогда прежде я не была такой резкой.

— Только один ребенок, — шепчет Сяо, глаза его кажутся огромными. — Он может жить с нами. Никто об этом не узнает.

— Нет, — говорю я, все еще не отнимая рук от губ. — Никогда не говори так, Сяо. Ты сам рассказывал мне, что в Пекине было хуже, чем в Моргантауне, что ты жил в шкафу до двенадцати лет! Вначале тоже был «только один ребенок».

Глаза его затуманиваются новыми слезами, и он опять падает мне в объятья.

— Все начинается с детей, — шепчет он. — Почему мы живем вместе, почему мы любим, если не для того, чтобы дать жизнь ребенку, который разделит с нами все то, что мы получили, приехав на Хейвен?

От этой мысли все у меня внутри сжимается. Я отгоняю ее от себя. Я не знаю, как ему ответить. Не знаю, как ответить себе.

На следующий день я прерываю работу задолго до обеденного перерыва и все же отправляюсь в отдел кадров просить о переводе. Сяо ушел по каким-то делам. Я слишком напугана тем, что делаю, чтобы искать поддержки у Сяо. Поэтому я поспешно покидаю наш район, чтобы он не смог наткнуться на меня, возвращаясь домой.

В отделе кадров просторно, много зелени и хорошо пахнет, — впрочем, как и везде на Хейвене. Приглушенный гул человеческих голосов смешивается с журчанием воды и шелестом ветерка в ветвях. Я задерживаюсь дольше, чем должна бы, чтобы понаблюдать за пчелой, которая хлопотливо обследует цветы желтой хризантемы.

Не знаю, где они нашли всю эту зелень и остальную живность. Может быть, в ботанических и биологических лабораториях сохранили материал для воссоздания тех чудесных творений, которых человечество вытеснило с родной планеты. Интересно, другие станции так же красивы? Они стремительно полнятся людьми, убегающими с Земли, чтобы внести свой вклад в борьбу с перенаселением, вроде Сяо и меня. Пчела улетает, я слежу за ее полетом, пока она не исчезает в зарослях.

Эгоизм захлестывает меня, и с ним приходит резкий приступ сердечной боли. Я не в силах добровольно вернуть доставшийся мне подарок. Я знаю, это ужасно, но при одной мысли, что я должна покинуть эту красоту, все тело ноет. Не хочу жить на другой станции, которую я не смогу так же сильно полюбить. Хочу жить по-прежнему здесь и хочу, чтобы и Сяо этого желал вместе со мной.

Так и не поговорив ни с кем, я ухожу из отдела кадров и возвращаюсь домой. Надеюсь, Сяо поймет меня. Все равно, он не может получить ребенка на Хейвене без меня, так что в конце концов ничего ужасного не случится, пока я буду убеждать его принять мой выбор.

Перед домом меня ждет полиция. Сразу вспоминается та семья в Моргантауне, я стискиваю зубы, чтобы не показать, насколько я испугалась. Полицейские, однако, вежливо здороваются со мной и спрашивают, хорошо ли я знала мою соседку Анну Каррас.

— Не очень близко, — отвечаю я. Величайший дар Хейвена — уединенность. Я ценю это сокровище.

— Не можете ли вы подсказать, почему она вдруг решила покончить с собой?

— Покончить с собой?

Как можно было дожить до преклонного возраста на вконец загрязненной Земле, чтобы затем лишить себя жизни в пропитанных ароматом цветов покоях Хейвенской станции?

— Возможно, она хотела умереть, окруженная красотой, причем пока еще помнила о Земле, чтобы лучше оценить то, что она оставляет?

Полицейские благодарят меня за мои предположения, но я вижу, что они мне не верят. Поэтому и просят разрешения еще раз побеспокоить меня в случае необходимости. Да, конечно, я согласна. Но не думаю, что это случится. Все это расследование просто пустая формальность.

Сяо ждет меня дома, забившись в спальню, как будто боится быть обнаруженным. По маленьким морщинкам на его лбу я вижу, что он уже знает про Анну Каррас. Он хочет обнять меня.

— Сяо, мы должны поговорить о ребенке.

— Я знаю. — Его голос одновременно возбужденный и испуганный, он никак не реагирует на мои слова. — Вот поэтому я и сделал это, Майя, разве ты не понимаешь?

Тут руки у меня холодеют.

— Что ты сделал?

— Анна Каррас… — Голос мужа, шепчущий это имя, похож на жужжание пчелы. — Одним человеком меньше, значит, появляется место для еще одного ребенка. Ведь она была старая и противная. И ждала смерти, Майя, она сто раз об этом говорила. Разве единственный шанс родиться нашему ребенку не стоит ее жизни?

Я не могу трезво мыслить, обнимая Сяо, в то время как Анна Каррас лежит мертвая всего в одном жилом блоке отсюда. Я

прошу Сяо подождать меня, ни в коем случае не уходить из дома без меня. Я пойду побродить по внешним коридорам, чтобы созерцать зелень и думать о глубине отчаяния моего мужа.

Вьющиеся растения в Демографическом бюро затуманены белыми и розовыми облачками «дыхания младенцев». Я не могу ощутить запах крохотных цветов, не помню даже, замечала ли их прежде. На фоне темной зелени стен они поразительно красивы.

Я ненавижу себя за то, что я здесь. Чиновница улыбается мне, как будто это не я сидела здесь только вчера, утешая мужа, рыдающего у нее тут на пружинящем травяном ковре.

— Моя соседка умерла, — выдавливаю я, не зная, как приступиться к этому ужасному разговору.

Она понимающе кивает, в глазах выражение привычного, хорошо рассчитанного сочувствия.

— Да, конечно, нам в Бюро об этом сразу стало известно. Вы хорошо ее знали?

Почему всем так важно это выяснить?

— Мы не были особенно близки. Но сейчас она умерла. — Я начинаю думать, мой приход сюда — даже хуже самого убийства. — Вы сказали, что мы с Сяо должны подождать изменения в составе населения, чтобы получить право на ребенка. Ведь теперь эти изменения произошли?

Есть ли у меня право судить о силе желания моего мужа? Если бы Анна Каррас умерла естественной смертью, не было бы ничего дурного в том, чтобы прийти сюда. И сейчас не должно быть. Кто вправе решать, чьи мечты стоящие, чьи нет?

Я не просила Сяо делать то, что он совершил.

— К сожалению, — чиновница удивленно поднимает брови, — вышло недоразумение. Я не хотела напрасно обнадеживать вас. Вы и ваш муж, несомненно, имеете право стать родителями, но боюсь, что мисс Каррас уже была завещана.

Все внутри меня сжимается, как будто матка уже сократилась в сладком ожидании.

— Завещана?

Она кладет руки на крышку стола и поудобнее откидывается в кресле, как будто готовясь к долгому объяснению.

— На Хейвене много пар вроде вашей, все они ожидают возможности завести ребенка благодаря чьему-нибудь переводу или смерти. В некоторых случаях такие семьи договариваются с друзьями или родственниками об их жизнях, ну, чтобы… — недоговаривает она, избегая встречаться со мной взглядом. — Все жизни на станции уже обещаны — как только кто-нибудь умирает, уже есть ожидающий своей очереди занять его место.

Мисс Каррас завещала свою жизнь паре на Третьем Кольце в апреле прошлого года. Им уже сообщили, что они должны оформить все документы для получения разрешения.

Моя голова кружится в звенящей пустоте.

— И так поступить может кто угодно?

— Да, конечно.

— Если я скажу вам сейчас, что хочу, чтобы в случае моей смерти Сяо получил ребенка, то мои яйцеклетки смогут быть размножены после того, как я умру?

Она мигает, как будто внезапно вспыхнул очень яркий свет, и роняет руки на колени.

— Ну, да… Но это очень необычный способ завещать свою жизнь.

— Могу ли я сделать это завещание в любое время? — продолжаю я настаивать. — В любое время вплоть до самого момента своей смерти?

— Да. — Она заговорщицки наклоняется вперед и спрашивает, но почему? Может быть, вы хотите мне еще что-нибудь сказать?

Теперь мои руки неподвижны, все внутри меня застыло в теплом ожидании. Я киваю и разглаживаю свою тунику спереди, там где она колышется от моего затрудненного дыхания.

— Мой муж, Сяо — это он убил Анну Каррас.

Сяо был счастлив. Он отправился вместе с полицейскими, зная, что его казнят, как только он объяснит, что он сделал и зачем. Мы подписываем завещательное распоряжение, вместе, и Сяо прижимается щекой к моему животу, плача о своей завещанной дочери.

— Мне даже не обязательно ее видеть, — сказал он мне в наше последнее свидание. — Я буду жить в ней, и только это важно.

Нет, Сяо. Не только это.

Пчелы в зарослях — они важны. Вода, плещущая в каскадах фонтана — тоже важна. Трава, просторные открытые залы, безуханные грозди «дыхания младенца» — все это так же важно, как и твое стремление к продолжению себя и четыре просторные комнаты нашего дома.

Я рада, что ты в конце концов получил то, что хотел, что ты умер счастливым, получив право зачать дочь. Я так же рада тому, что не все права обязательно должны быть использованы, что я могу удовлетворить твое желание, не пересиливая свой собственный эгоистический страх дать жизнь чему-то новому. Ты умер, веря в рождение своей дочери, а я продолжаю жить, зная,

что я никогда не собиралась позволить ей родиться. И вот я лежу на полу в нашей пустой гостиной, отравленная чистотой и пустотой, довольная результатом своего ужасного решения.

Смог бы ты сказать то же самое, любимый, увидев воочию результаты своего?

Чарльз де Линт

ДИТЯ, ЛИШЁННОЕ КРАСЫ

И больше не ребенок я.
Я благодарна, легче мне
И ноша невесомей стала,
я пронесла ее.

Элли Шиди, «Мир Взрослых»

© Charles de Lint. Graceless Child.

F&SF, December 1991.

Перевёл Григорий Сапунков

Тетчи повстречала татуированного в ночь, когда дикие собаки спустились с холмов. Она тихо ждала среди корней огромного корявого дерева, ждала, наблюдая, как обычно делала каждую ночь час или два, примостившись на поросшей мхом земле, для тепла закутавшись в пятнистый плащ и положив под голову мешок с пожитками. Листва еще зеленела, однако приближение зимы уже чувствовалось в ночном воздухе.

Дыхание клубилось вокруг татуированного, белое в лунном свете, как табачный дым из трубки. Он стоял чуть за кругом тени от кроны, скрываясь в тени одинокой каменной глыбы, делившей вершину холма с деревом Тетчи. Вид его был угрожающим — высокий и бледный, с длинными тонкими волосами цвета кости, стянутыми на затылке. Грудь его была обнажена, спираль татуировок расползалась по бледной коже словно рой насекомых над поясом кожаных штанов. Тетчи не умела читать, но смогла распознать в темно-синих знаках руны.

«Быть может, он пришел поговорить с отцом», — гадала она. Тетчи вжалась поглубже в свое гнездышко во мху. Для своих лет у нее было достаточно здравого смысла, чтобы не привлекать к себе

внимания. Когда люди замечали ее, всегда случалось одно и то же. В лучшем случае ее дразнили, в худшем — избивали. Пришлось научиться прятаться. Теперь она стала частью ночи, отвернулась от солнца, обратилась к тьме. От солнца у Тетчи зудела кожа и слезились глаза. Оно отнимало силу у ее тела, движения становились не быстрее черепашьих.

Ночь была к ней добрее и оберегала Тетчи, как некогда делала ее мать. Благодаря их урокам, она давно выучилась оставаться незамеченной. Однако в эту ночь навыки не помогли ей.

Татуированный медленно поворачивал голову, пока взор его не обратился к ее убежищу.

— Я знаю, ты здесь, — сказал он. Голос его был глухой и раскатистый; он напоминал Тетчи рокот камней в подземных глубинах, примерно таким она представляла себе голос отца. — Выходи на видное место, троу.

Дрожа, Тетчи повиновалась. Она выпуталась из теплых пол своего плаща и неуклюже выбралась на залитую лунным светом вершину холма, переваливаясь на своих толстых коротких ножках. Татуированный возвышался над ней, так же, впрочем, как и большинство других людей. В ней было всего три с половиной фута роста, подошвы босых ног твердые, как камень. Кожа — землисто-серая; черты лица были широкими и квадратными, будто вытесанные из грубого камня. Платье простого покроя сидело на ее маленьком плотном теле мешком.

— Я не троу, — сказала она, стараясь, чтобы ее слова прозвучали смело.

Троу — высокие троллеподобные существа, вовсе непохожие на нее. Ей явно не хватало роста.

Татуированный разглядывал ее так долго, что Тетчи стало неуютно под его пристальным взглядом. Вдалеке, из-за двух холмов, раздался долгий заунывный вой, сперва одинокий, потом все новые и новые голоса псов подхватывали его.

— Ты всего лишь ребенок, — сказал наконец татуированный.

Тетчи покачала головой.

— Мне почти шестнадцать зим.

У большинства сверстниц уже было по одному, а то и по два своих малыша, мешающихся под ногами.

— Я имел ввиду, по меркам троу, — ответил татуированный.

— Но я же не…

— Троу. Я знаю. Я слышал твои слова. Но твоя кровь — кровь троу. Чья ты? Кто мать твоя, кто отец?

«Какое тебе до этого дело?» — хотела ответить Тетчи, но что-то в манерах татуированного помешало словам слететь с языка.

Вместо этого она показала на темные очертания каменной глыбы, вздымавшейся над землей за его спиной.

— Его подловило солнце, — сказала она.

— А мать?

— Умерла.

— Во время родов?

Тетчи покачала головой.

— Нет, она… она прожила потом достаточно, чтобы…

Чтобы уберечь Тетчи от худшего, пока та была еще ребенком. Ханна Лиеф оберегала свою дочь от городского люда и прожила достаточно, чтобы однажды зимней ночью рассказать ей под вой ледяного ветра, пронизывающего худые дощатые стены их жилища-сарая за постоялым двором «Коттс Инн»: «Что бы они ни говорили тебе, Тетчи, какую бы ложь ты ни услышала, запомни что я тебе скажу: я пошла с твоим отцом по собственной воле».

Тетчи потерла глаза грубым кулачком.

— Мне было двенадцать, когда она умерла, — сказала она.

— И с тех пор ты живешь, — татуированный обвел ленивым движением руки дерево, глыбу, холмы, — здесь?

Тетчи медленно кивнула, гадая, к чему клонит татуированный.

— Что же ты ешь?

То, что удавалось собрать на холмах и в лесах, находящихся в низинах между ними; то, что получалось украсть с окружающих город ферм; то, что могла отрыть в куче отбросов за рыночной площадью в редкие ночи, когда отваживалась прокрасться в город. Но в этом она не захотела признаться, просто пожала плечами.

— Понятно, — сказал татуированный.

Вой диких собак все еще раздавался в ночи. Теперь они были ближе.

На постоялом дворе «Коттс Инн» тем же вечером на лице человека, называвшего себя Гэдриан, появилась кислая мина, когда он заметил трех мужчин направляющихся к его столику. К моменту, когда троица завершила свой проход через гостиную постоялого двора и подошла к нему, лицо его вновь стало безразличной маской. Купцы — решил он и был наполовину прав. Когда они представились, он узнал, что они к тому же занимали очень высокое положение в городе Берндейле.

Он безразлично изучал их из-под полуприкрытых век, пока онн грузно опускались на сиденья вокруг его столика, один объемистее другого. Самым крупным был мэр Берндейла; чуть менее ожиревший — глава городских гильдий; еще «помельче» —

шериф города да и тот весил в полтора раза больше Гэдриана, хотя при этом был значительно ниже ростом. Шелковые жилетки, туго стягивающие их тучные животы, — в тон отделанным оборками рубашкам и штанам вскладку. Начищенные до ослепительного блеска сапоги — настоящей кожи, с замысловатыми тиснеными узорами. Двойные подбородки нависали над накрахмаленными воротничками; у шерифа в мочке левого уха сверкал бриллиант.

— Что-то живет в окрестных холмах, — сказал мэр.

Гэдриан забыл имя мэра сразу же, стоило тому сказать его вслух. Он был очарован крошечными размерами глаз своего собеседника, и тем, как близко друг к другу они были посажены. У свиней очень похожие глаза, хотя такое сравнение, упрекнул он себя, было бы оскорбительным для последних.

— Что-то опасное, — добавил мэр.

Двое других кивнули, и шериф уточнил:

— Чудовище.

Гэдриан вздохнул. Среди окрестных холмов всегда что-то жило, там всегда водились чудовища. Гэдриан лучше многих знал, как их распознать, но на деле почти никогда никаких чудовищ там не обнаруживал.

— И вы хотите, чтобы я вас от него избавил? — спросил он.

Совет города выглядел обнадеженно. Гэдриан невозмутимо изучал лица посетителей, долгое время не произнося ни слова.

Он слишком хорошо знал их породу. Такие любили притворяться, будто весь мир следует их правилам, будто дикая природа за пределами их деревень и городов может быть укрощена, подчинена такому же безупречному порядку, как полки с товарами в их лавках или книги в их библиотеках. Но они также хорошо знали — дикая природа, крадучись, возвращается за аккуратный фасад их порядка и цокает когтями по мостовым. Она проникает тайком на их улицы, в их сновидения и даже может пустить побеги в их душах, если не успеть ее вовремя искоренить.

Поэтому им приходится обращаться к таким, как он, к тем, кто странствует по границе между миром, который они знают и в сохранении которого отчаянно нуждаются, и миром настоящим, который был и пребудет вокруг кучки их каменных строений, миром, отбрасывающим длинные тени страха на их улицы, стоит только луне скрыться за облаками и на мгновенье дрогнуть свету уличных фонарей.

Его всегда узнавали, под бы каким видом он ни появлялся среди них. Эти трое исподтишка разглядывали тыльную сторону его рук, ямку между ключицами, видневшуюся из-под расстегнутого воротника. Они искали подтверждения того, что им

подсказывала интуиция.

— У вас, конечно, есть золото? — спросил он.

Словно по волшебству из внутреннего кармана жилетки мэра появился туго набитый мешочек. Опущенный на деревянную поверхность стола, он издал многообещающий звук. Подняв руку, Гэдриан потянулся вперед, но только для того, чтобы ухватиться за ручку кувшина с элем и поднести его к губам. Допил неспешным глотком, затем поставил пустой кувшин на стол рядом с кошельком.

— Я рассмотрю ваше любезное предложение, — сказал он.

Он поднялся с места и покинул их, так и не дотронувшись до кошелька. Когда хозяин заведения было попытался загородить ему дорогу, Гэдриан, не оборачиваясь, махнул большим пальцем через плечо, туда где повернувшись лицом к двери, чтобы наблюдать за его отбытием, сидела троица.

— Если я не ошибаюсь, наш добрый лорд-мэр заплатит за сегодняшний вечер, — сказал он хозяину, перешагивая через порог в ночь.

На улице, он остановился, чтобы прислушаться. Издалека, с востока, из-за холмов донесся лай диких собак, — леденящий душу звук.

Он кивнул себе, и губы его сложились в подобие улыбки, хотя в этой гримасе не было радости. Горожане кидали на него беспокойные взгляды, пока он покидал город, направляясь в холмы, что вздымались и опускались накатом верескового океана, простираясь к западу дня на три пути, если ехать верхом.

— Что… что ты собираешься сделать со мной? — вымолвила наконец Тетчи, не в силах вынести затянувшееся молчание татуированного. Его тусклые глаза, казалось, глядели с издевкой, тем не менее, когда он заговорил, голос его звучал уважительно.

— Я собираюсь спасти твою несчастную душу.

Тетчи моргнула в замешательстве:

— Но я… я не…

— Не хочешь быть спасенной?

— …не понимаю, — только и вымолвила Тетчи.

— Ты слышишь их? — спросил татуированный, еще больше сбивая ее с толку. — Псы, — добавил он.

Она неуверенно кивнула.

— Скажи одно только слово, и я дам им сил сорвать двери и ставни с домов города в долине. Их когти и клыки станут орудием мести, которой ты жаждешь.

Испуганно Тетчи отшатнулась от него.

— Но я не хочу никому зла, — сказала она.

— После всего того, что они тебе сделали?

— Мама говорила, что они не умеют иначе.

Взгляд татуированного стал суровым:

— И поэтому ты считаешь, что подобает просто… простить их?

Слишком много мыслей вызвали у Тетчи головную боль.

— Я не знаю, — сказала она, в ее голосе слышалось отчаяние.

Гнев человека с татуировками мгновенно исчез, будто его, горевшего раскаленным огнем в глазах, и не было никогда.

— Так чего же ты хочешь? — спросил он.

Тетчи робко посмотрела на него. Из того как он задал вопрос, стало ясно, что он уже знает ответ. Будто именно к этому моменту он все это время подводил разговор.

Сомнения одолевали ее, молчание затянулось. Вой собак она слышала сейчас ближе чем когда-либо, жуткие голоса звучали тоньше и пронзительнее, будто детский плач. Взор татуированного сверлил душу. Тетчи подняла дрожащую руку, указывая на каменную глыбу.

— Ах, это, — сказал татуированный.

Он безотрадно улыбнулся.

— Тебе придется заплатить.

— У… у меня нет денег.

— Разве я просил денег? Сказал ли я хотя бы слово о деньгах?

— Ты… ты сказал — придется платить…

Татуированный кивнул:

— Платить, да, но монетой дороже золота и серебра.

«Что может быть дороже?» — удивилась Тетчи.

— Я говорю о крови, — сказал татуированный, прежде, чем она успела задать свой вопрос. — Твоей крови.

Рука его рванулась и схватила ее прежде, чем она успела кинуться прочь.

«Кровь», — думала Тетчи. Она проклинала ту кровь, которая сделала ее такой медлительной.

— Не пугайся, — сказал татуированный. — Я не причиню тебе вреда. Всего лишь булавочный укол — одна капля, быть может три, и не для меня. Для камня. Призвать его обратно.

Хватка пальцев на ее руке ослабла, и Тетчи торопливо отступила на шаг. Она металась взглядом от него к каменной глыбе и обратно, туда — сюда, пока голова не закружилась.

— Кровь смертного — самая драгоценная кровь на земле, — сказал ей татуированный.

Тетчи кивнула. Ей ли не знать? Без крови троу она была бы такой же как все. Тогда никто не захотел бы обидеть ее за то, что она собой являет. Жители городка видели в Тетчи только свои

полуночные страхи; а она же страстно желала хоть чьего-нибудь расположения.

— Я бы мог научить тебя разным хитростям, — продолжал татуированный. — Я покажу тебе как становиться всем, чем ты ни пожелаешь.

Пока он это говорил, черты лица его изменялись, теперь покрытое татуировками туловище, казалось, венчала ужасная собачья голова. Шерсть на ней была того же бледного оттенка, как только что — волосы человека, и хотя глаза остались прежними — сейчас это был, без сомнения, зверь. Человек исчез, оставив вместо себя этот странный гибрид.

Глаза Тетчи расширились от страха. Короткие толстые ножки ее задрожали. Того и гляди, совсем подкосятся.

— Всем, чем только пожелаешь, — повторил татуированный, собачья голова вновь заменилась человеческим лицом.

Долго Тетчи не могла выдавить из себя ни слова. Кровь бушующим потоком пела в ее венах. Всем, чем захочу… Стать нормальной, обычной… Но тут возбуждение, заполнившее ее угасло. Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, поэтому это не могло быть правдой.

— Почему? — спросила она. — Почему ты хочешь помочь мне?

— Помогать другим — удовольствие для меня, — ответил он.

Он улыбнулся. Глаза его улыбнулись. От него исходило такое тепло, такая доброта, что Тетчи почти позабыла, что он говорил о диких собаках, о его намерениях натравить их на Берндейл, на ее мучителей. Но она все еще помнила об этом и ей было не по себе от этих воспоминаний.

Татуированный был чересчур похож на хамелеона, вряд ли она могла слишком доверять ему. Он мог научить ее становиться всем, чем она захочет. Быть может, поэтому он мог казаться ей всем, чем ей хотелось?

— Ты сомневаешься, — сказал он. — Почему?

Тетчи только пожала плечами.

— Это твой шанс исправить несправедливость, случившуюся при твоем рождении.

Пока он говорил, внимание Тетчи вновь вернулось к вою диких собак. Исправить несправедливость…

Их когти и клыки станут орудием мести, которой ты жаждешь.

Но вовсе не обязательно все должно быть так, как хотел татуированный. Она не держала ни на кого зла. Она просто хотела быть частью общества, а не причинять кому-то боль.

Быть может, если решение оставалось за ней, она могла

просто решить не причинять людям боли, ведь так? Татуированный не сможет *заставить* ее причинить людям боль.

— Что… что я должна сделать? — спросила она.

Татуированный вытянул длинную серебряную иголку, которая была вдета в пояс его кожаных штанов.

— Дай мне свой палец, — сказал он.

Гэдриан почувствовал троу, как только Берндейл остался за его спиной. Запах не был сильным, скорее даже намек на запах, но чем дальше от города, тем более ощутимым он становился. Гэдриан остановился и попытался поймать ветер, однако тот все менялся, определить направление было трудно. Тогда он расстегнул рубашку, и сбросил ее наземь.

Гэдриан коснулся одной из татуировок на груди, и бледно-голубое свечение замерцало на его ладони как только он отвел руку. Потом выпустил мерцающий свет в воздух, и тот поплыл, медленно поворачиваясь, будто сверкающая игла компаса. Едва эта «игла» указала ему направление, он щелкнул пальцами, и свечение исчезло.

Подтвердив свои подозрения, он вновь тронулся в путь, теперь уверенным, быстрым шагом. Похоже, в этот раз горожане оказались правы. Сегодняшней ночью чудовище действительно бродило по холмам, окружающим Берндейл.

Тетчи сделала робкий шаг вперед. Когда она приблизилась к татуированному, ей показалось, что синие значки на его груди движутся и изменяются, сплетаются в новый узор, столь же загадочный для нее, как и предыдущий. Судорожно сглотнув, Тетчи протянула ему свою руку, надеясь, что будет не очень больно. А увидев занесенную над своим большим пальцем иглу, она инстинктивно зажмурилась.

— Все, — сказал татуированный мгновенье спустя. — Готово.

Тетчи удивленно заморгала. Она не почувствовала ничего. Хотя теперь, когда татуированный выпустил ее палец, он начал болеть. Она взглянула на три капли крови, лежащие на ладони татуированного, как три крохотные малиновые жемчужины. И тут снова почувствовала слабость в коленях, на этот раз ноги все-таки подкосились, и она упала наземь. Ее бросило в жар, на лбу выступила испарина, будто сейчас был полдень и жарило солнце, отнимая способность двигаться.

С огромным трудом Тетчи приподняла голову. Ей хотелось увидеть, что будет, когда татуированный смочит камень ее кровью. Однако он всего лишь улыбнулся ей и слизнул капли с ладони языком, показавшимся таким же длинным, как у змеи, и

так же раздваивавшимся на конце.

— Ох… х…

Тетчи пыталась заговорить: «что ты со мной сделал?» — хотела она сказать — но слова завязли во рту. Думать становилось все труднее и труднее.

— Когда твоя мать так любезно передавала тебе все свои бесценные советы, — сказал он, — ей следовало бы предостеречь тебя, чтобы ты не доверяла незнакомым людям. Хотя большинству нет дела до таких, как ты.

Тетчи решила было, что глаза начали изменять ей, затем поняла, что татуированный еще раз сменил обличье. На глазах у нее волосы его становились темнее, окраска кожи — более насыщенной. Раньше бледный и бесцветный, теперь он, казалось, излучал колдовскую энергию.

— Быть может потому, — продолжал татуированный, — что они не знают того, что известно мне. Благодарю тебя за твои жизненные силы, полукровка. На свете нет ничего, что бы действовало сильнее, чем кровь смертного, замешанная на волшебстве сверхъестественного существа. Жаль, ты сама не успеешь применить это знание.

Он отдал ей шутовской салют, дотронувшись до лба кончиками пальцев, затем повернулся к ней спиной и двинулся прочь. Чернота ночи поглотила его.

Тетчи отчаянно пыталась подняться на ноги, но этот порыв только отнял последние силы, вскоре она уже не могла оторвать от земли даже голову. Слезы беспомощности навернулись на глаза. Что он с ней сделал? Она видела это сама: он взял не больше, чем три капли крови. Тогда почему ей было так худо, будто он забрал ее всю?

Она смотрела вверх, в ночное небо, звезды расплылись у нее в глазах, кружась все быстрее и быстрее, пока она не позволила им унести ее с собой.

Она не совсем поняла, что вернуло ее в сознание, но, открыв глаза, обнаружила, что татуированный вернулся. Он склонился над ней, в его темных глазах светилась забота о ней. Его кожа вновь стала бесцветной, волосы опять были белые как кость. Собрав остатки своих крохотных сил, она накопила в рту слюны и плюнула ему в лицо.

Татуированный не шелохнулся. Она наблюдала, как плевок медленно стекает по его щеке и как слюна капает с подбородка на землю рядом с ней.

— Бедное дитя, — услышала она. — Что он сделал с тобой?

Что-то не так с его голосом, поняла Тетчи. Теперь он поменял

и голос. Низкий рокот сталкивающихся в подземных глубинах камней сменился на нежную, ласкающую ухо мелодичность.

Он дотронулся до татуировки, находившейся высоко на его плече, пробудив голубое сияние, задрожавшее на кончиках его пальцев. Она вздрогнула, когда он коснулся рукой ее лба, однако контакт горящих пальцев и ее кожи принес мгновенное облегчение боли, которую она испытывала. Когда он присел рядом, она обнаружила в себе достаточно сил, чтобы приподняться. Сперва все поплыло перед глазами, затем она почувствовала себя лучше. По-прежнему беспомощная, Тетчи почувствовала себя чуть увереннее.

— Мне жаль, что я не могу ничего больше сделать для тебя, — сказал татуированный.

Тетчи гневно смерила его взглядом, думая: «Разве ты еще не достаточно сделал?»

Татуированный смотрел на нее, успокаивающе наклонив голову, будто прислушиваясь к ее мыслям.

— По эту сторону Врат он называет себя Наллорн, — сказал он наконец, — но ты бы назвала его Кошмаром, если бы встретилась с ним в его родных местах, за Вратами Сновидений. Он живет на страданиях и муках. Мы с ним очень давние враги.

Тетчи моргнула в замешательстве:

— Но… ты…

Татуированный кивнул:

— Я знаю. Мы выглядим одинаково. Мы братья, дитя. Я — старший. Мое имя Сон; по эту сторону Врат я называюсь Гэдриан.

— Он… твой брат… он отнял у меня что-то.

— Он отнял то, чем обладают только смертные, — твою способность видеть сны, — сказал ей Гэдриан. — Он перехитрил тебя, чтобы ты сама отдала ее ему, так она сохранит свою силу.

Тетчи покачала головой:

— Я не понимаю. Почему ему была нужна именно я? Я никто. У меня нет ни силы, ни волшебства, которые могли бы кому-то понадобиться.

— По крайней мере тех, которые ты могла бы использовать сама, быть может, однако смесь крови троу и крови смертного — это очень сильный состав. Каждая капля такой крови — талисман в руках того, кто знает о его свойствах.

— Он сильнее, чем ты? — спросила Тетчи.

— Только не в землях за Вратами Сновидений. Там я — старший. Королевства Сна — мои, и все уснувшие оказываются под моим покровительством, проходя через Врата. — Он помедлил, его темные глаза стали задумчивы, затем добавил, — В этом мире мы почти равны.

— Это он насылает кошмары? — спросила Тетчи.

Гэдриан кивнул:

— Правитель не может одновременно следить за всеми частями своего царства. Наллорн — отец лжи. Он прокрадывается в спящие умы, когда мое внимание отвлекается на что-то другое, и превращает в кошмары целительные сны.

Сказав это, он поднялся, возвышаясь над ней, как башня.

— Теперь я должен идти, — сказал он. — Мне нужно остановить его, прежде чем он наберет необоримую силу.

Тетчи заметила тень сомнения в его глазах, но поняла, — сознавая, что его брат сильнее, Гэдриан никогда не признает этого, никогда не отступит от своего долга, в чем бы он его ни видел. Она попыталась встать, но силы все еще не вернулись к ней.

— Возьми меня с собой, — сказала она. — Позволь помочь тебе.

— Ты не знаешь, чего просишь.

— Но я хочу помочь.

Гэдриан улыбнулся:

— Смело сказано, но на войне не место для ребенка.

Тетчи постаралась найти довод поубедительней, но не смогла ничего придумать. Хотя он и не сказал этого, Тетчи хорошо знала, почему он не хочет брать ее с собой. Она просто будет для него обузой. Неповоротливая, без каких-либо особых способностей, разве что ночное зрение… Да и это вряд ли сможет им помочь.

В тишине, воцарившейся, пока Тетчи мучительно размышляла об этом, она снова услышала вой.

— Псы, — сказала она.

— Нет никаких диких псов, — ответил ей Гэдриан. — Это всего лишь ветер, пересекающий пустоты его души. — Он взъерошил волосы Тетчи. — Я сожалею о той боли, что принесла тебе эта ночь. Если судьба будет благосклонна ко мне, я попытаюсь как-нибудь загладить вину.

Прежде чем Тетчи успела ответить ему, Гэдриан зашагал прочь, на запад. Она попробовала было двинуться за ним, но плелась еле-еле. Добравшись до вершины холма, где громоздилась каменная глыба, она обнаружила, что длинные ноги несли Гэдриана уже по склону следующего холма. В отдалении, невысоко над землей, плясали голубые молнии.

«Наллорн», — подумала она.

Он там поджидал Гэдриана. Наллорн собирался убить Повелителя снов, и стать правителем королевства за Вратами Сновидений. Тогда не будет больше снов, только кошмары. Люди станут страшиться сна, не находя в нем прибежища. Наллорн

превратит целительный покой в боль и отчаяние.

И все это произойдет из-за нее. Ведь она думала только о себе. Хотела увидеться со своим отцом, стать нормальной. Конечно, она еще не знала, кем был Наллорн, но незнание не может служить оправданием.

«Важно не то, что другие думают о тебе, — однажды сказала ей мать, — лишь то, что ты сама о себе думаешь. Будь хорошей, и неважно, как о тебе будут говорить другие люди. Что бы они ни сказали — все это ложь.»

Они звали ее монстром, и страшились ее. Теперь же она сама убедилась, что это не ложь.

Она повернулась к камню, который был ее отцом, прежде чем солнце подловило его и обратило в камень. Отчего до сих пор такого не случилось и с ней? Отчего бы и ей не стать камнем в тот миг, когда ее в первый раз коснулось солнце? Тогда бы Наллорн никогда не смог сыграть на ее тщеславии и ее горе, никогда бы не перехитрил ее. Если бы только она была камнем…

Прищурившись, Тетчи провела рукой по грубой поверхности стоящего рядом камня, и голос Наллорна всплыл в ее памяти.

«Я говорю о крови.

Всего лишь булавочный укол — одна капля, быть может три, и не для меня. Для камня. Призвать его обратно.»

Призвать его обратно.

Наллорн подтвердил, что в ее крови есть магия. Если он не лгал, если… Могла ли она сама попытаться вернуть своего отца? И если он действительно вернется, послушается ли ее? Сейчас была ночь, когда троу сильнее всего. Но ведь если она все расскажет, объяснит, ее отец не сможет не воспользоваться своей силой, чтобы помочь Гэдриану?

Гомон голосов горожан пронесся через ее воспоминания.

Когда троу увидит тебя, он просто не сможет не выпить твою кровь.

Видал одного, чистая правда, сидел на кладбище и, будь я не я, если он не грыз бедренную кость, которую только что выкопал!

У этих тварей нету сердца:

Нет души.

Они станут жрать друг друга, если под рукой не окажется другого мяса.

Нет, сказала себе Тетчи. Все это ложь, против которой остерегала мать. Если ее мать смогла полюбить троу, тогда он не мог оказаться злым.

Палец все еще болел в том месте, где Наллорн уколол его своей длинной серебряной булавкой, однако ранка уже затянулась. Тетчи прикусила его снова, и почувствовала на языке

солоноватый вкус крови. Затем она выдавила несколько капель на шероховатую поверхность камня.

Она ничего не ждала, просто надеялась. И тут же почувствовала слабость, как и тогда, когда Наллорн отобрал у нее три маленькие капли. Мир закружился у нее перед глазами во второй раз за эту ночь, и она опять начала проваливаться, только на этот раз — в камень. Твердая поверхность, казалось, стала мягче глины, и целиком поглотила ее.

Когда сознание наконец вернулось, Тетчи обнаружила, что лежит, уткнувшись лицом в жесткую грязь. Она приподняла голову, сощурилась в тусклом свете. Каменная глыба исчезла, вместе со знакомым ей миром. На сколько хватало глаз простиралась унылая пустошь, освещенная болезненным светом, источник которого она не могла определить. Это была знакомая ей местность — очертания холмов и долин были такие же как и к западу от Бёрндейла — но выглядели они иначе. Казалось, здесь больше ничего не растет, ничего живого не было видно вокруг, кроме нее, да жива ли она сама?

Если это был мертвый мир, безжизненное отражение известного ей мира, тогда и она не могла не умереть, раз попала сюда.

Как ни странно, эта мысль не расстроила ее. Похоже, что после всех злоключений сегодняшней ночи больше ничего не могло вызвать у нее удивления.

Она взглянула в сторону, где в ее мире стояло кряжистое старое дерево, но на его месте оказалась лишь мертвая коряга, немногим выше нее. Лужайка вокруг была покрыта мертвыми ветвями. Главный ствол дерева упал, и Тетчи видела его поверженным на склоне холма.

С опаской она поднялась на ноги, но оказалось, что слабость и головокружение исчезли. В грязи у своих ног, где должна была стоять каменная глыба, она увидела черную пиктограмму, глубоко впечатанную в землю. Знак напомнил! ей татуировки, точь-в-точь как на груди у повелителя сновидений или его брата. Как если бы его сняли с кожи у кого-то из них, увеличили, швырнули в землю По ее рукам побежали мурашки.

Тетчи вспомнила рассказ Гэдриана о краях, которыми он правил, о том, что люди ее мира могли попасть в них, только пройдя сквозь Врата Сновидений. Она чувствовала такую слабость, когда предложила свою кровь каменной глыбе, ее веки были такими тяжелыми…

Может, это просто сон? Но если да, то откуда он? Пришел ли он от Гэдриана, или от Наллорна, который насылал на умы

кошмары?

Она опустилась на колено, поближе взглянуть на пиктограмму. Знак был немного похож на человека со спутанными веревкой ногами, линии отходили в разные стороны от его головы, как если бы волосы его стояли дыбом. Она осторожно потянулась и дотронулась пальцем до путаницы линий вокруг ног импровизированной фигурки. Грязь была влажной в этом месте. Она потерла испачканный палец. На ощупь влажность была какой-то маслянистой.

Едва сознавая что делает, она вновь потянулась и обвела Контуры знака. Палец легко скользил по маслянистым земляным канавкам. Когда весь знак был обведен, пиктограмма начала тускло светиться. Тетчи поспешно поднялась и отступила назад.

Что она *наделала*?

Голубое сияние поднялось над землей, сохраняя форму вытисненной в грязи пиктограммы. Негромкий ритмичный рокот раздался вокруг, как если бы началось землетрясение, но земля под ее ногами была спокойна. Только слышался рокот — низкий и какой-то зловещий.

За спиной хрустнула ветвь, и она повернулась к останкам дерева. Высокая тень выделялась на фоне неба. Тетчи попыталась было что-то сказать, но собственный голос не подчинился ей. И в тот же момент она заметила вокруг холма кольцо наблюдающих за ней блестящих глаз, бледных глаз, в которых отражалось свечение висящей в воздухе пиктограммы. Они были низко над землей, жуткие звериные глаза.

Ей вспомнился вой диких собак, из ее собственного мира.

«Нет никаких диких собак, — говорил Гэдриан. — *Это всего лишь ветер, пересекающий пустоты души Наллорна.»*

Вскоре она смогла различить треугольные головы существ, которым те глаза принадлежали, напряженные спины крадущихся к ней тварей.

О, зачем она поверила Гэдриану? Она знала его не лучше, чем Наллорна. Кто сказал, что хотя бы *одному* из них можно доверять?

Одна из собак поднялась во весь рост и двинулась к ней на прямых ногах. Низкое рычание, донесшееся из ее глотки, вторило рокочущему звуку, вызванному ее глупостью с пиктограммой. Тетчи стала было пятиться назад от наступающего на нее зверя, но тут вторая собака, затем третья двинулись к ней, и уже не осталось места, куда бы она могла отступить. Тетчи повернулась к молчаливой фигуре, стоявшей рядом с деревом посреди груды опавших ветвей.

— П… пожалуйста, — сумела она выговорить, — Я… я не

хотела ничего плохого.

Фигура ничего не ответила, собаки зарычали сильнее, услышав звук голоса девочки. Ближайшая к ней оскалила свои клыки.

Вот и все, подумала Тетчи. Если она еще не была мертва в этой стране мертвых, то скоро будет наверняка.

Но тут фигура шагнула от дерева вперед. И двинулась дальше, шаркая и хрустя сучьями, пока не оказалась рядом с Тетчи.

Собаки отступили, разочарованно скуля.

— Уходите, — проговорила фигура.

Голос был низкий и рокочущий, камень сталкивающийся с камнем, похожий на голос первого татуированного, Наллорна, брата повелителя сновидений, насылавшего кошмары в человеческие сны Он, казалось, вторил рокоту, доносившемуся из под холма.

Собаки бежали, заслышав звук его голоса. Коленки Тетчи застучали друг о друга, когда он придвинулся еще ближе. Она рассмотрела грубо вытесанные черты его лица, пучок спутанных волос, жестких, как высохшие терновые шипы, громаду широких плечей и торса, узлы мускулов, оплетавших его руки и ноги. Его глаза сидели глубоко под нависающими бровями. Он был похож на черновой набросок, который делает скульптор, начиная новую работу, — лицо и мускулатура еще не до конца определены.

Разве что скульптура не была ни каменной, ни глиняной, ни мраморной. Материалом для нее служили плоть и кровь, и хотя он был не выше обычного человека, Тетчи показалось, что великан навис над ней как скалистый склон, бродящий по холмам.

— Зачем ты призвала меня? — спросил он.

— П-призвала? — ответила Тетчи. — Но я… я не…

Она осеклась и посмотрела на него с обновленной надеждой и пониманием.

— Отец? — еле слышно спросила она.

Великан долго молча разглядывал ее. Потом медленно он опустился на колено, чтобы его голова оказалась на одном уровне с ее.

— Ведь, — сказал он, удивление росло в его голосе, — ты не дочь Ханны?

Тетчи нервно кивнула.

— *Моя* дочь?

Беспокойство оставило Тетчи. Теперь перед ней стоял не страшный троу из легенды, но возлюбленный ее матери. Нежность и тепло, которые звали ее мать из Берндейла туда, где

он ждал среди пустоши, заполнили ее. Отец раскинул руки ей навстречу, и она шагнула к нему, вздохнув в его объятиях.

— Меня зовут Тетчи, — проговорила она ему в плечо.

— Тетчи, — повторил он, превращая ее имя в мягкую грохочущую песню. — Я и не знал, что у меня была дочь.

— Каждую ночь я приходила к твоему камню, — сказала она, — В надежде, что ты вернешься.

Ее отец серьезно посмотрел на нее, слегка отстранив.

— Я никогда не смогу вернуться, — сказал он.

— Но…

Он покачал головой:

— Мертвый — мертв, Тетчи. Я не могу вернуться.

— Но тебе приходится жить в таком ужасном месте.

Он улыбнулся, скалистые черты сместились словно горный кряж, внезапно решивший изменить свои очертания.

— Я не живу здесь, — сказал он, — Я живу… Это трудно объяснить. Не существует слов описать различие.

— А Мама там?

— Ханна… умерла?

Тетчи кивнула:

— Несколько лет назад, но я все еще скучаю по ней.

— Я… буду искать ее, — сказал троу, — я передам ей твою любовь. — Затем он поднялся, снова нависая над ней. — Теперь я должен идти, Тетчи. Это проклятое место, опасная граница между жизнью и смертью. Задержись здесь слишком долго — живой или мертвый — и ты останешься здесь навсегда.

— Но…

Тетчи хотела было попросить его взять ее с собой, на поиски матери, рассказать ему что жизнь для нее означала только страдания и муку, но поняла, что опять думает только о себе. У нее все еще не было уверенности, может ли она доверять Гэдриану, но если представить, что он говорил правду, тогда надо было что-то сделать, чтобы помочь ему. Ее собственная жизнь была кошмаром, и она не хотела чтобы другие люди разделили с ней такую жизнь.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она и затем рассказала ему о Гэдриане и Наллорне, о войне между Сном и Кошмаром, о том, что нельзя дать Наллорну победить.

Ее отец печально покачал головой:

— Я не в силах помочь тебе, Тетчи. Я не могу физически вернуться в тот мир.

— Но если Гэдриан проиграет…

— Это будет действительно скверно, — согласился ее отец.

— Но можем же мы хоть *что-нибудь*.

Тогда он погрузился в длительное молчание.

— Что это? — спросила Тетчи. — Почему ты не хочешь мне рассказать?

— Я не в силах, что-либо сделать, — проговорил наконец отец. — Но ты…

Он снова погрузился в сомнения.

— Что? — спросила Тетчи, — Что я могу сделать?

— Если я дам тебе частичку своей силы, ты сможешь помочь своему повелителю сновидений. Но за это тебе придется заплатить. Ты станешь больше троу, чем когда-либо, и останешься такой навсегда.

«Больше троу?» — подумала Тетчи. Она взглянула на своего отца, почувствовала спокойствие, которое казалось волнами исходило от Одного его присутствия. Горожане могут считать это проклятием, но она больше так не думала.

— Я бы гордилась, если бы была больше похожей на тебя.

— Тебе придется забыть про свою принадлежность к людскому роду, — предостерег ее отец. — Когда взойдет солнце, ты должна успеть спрятаться в холм, иначе оно обратит тебя в камень.

— Я уже и так выхожу только ночью, — сказала она.

Отец встретился с ней взором, затем тяжело вздохнул.

— Твоя жизнь не была легкой…

Тетчи не хотела больше говорить о себе.

— Скажи мне, что я должна делать, — попросила она.

— Тебе надо взять моей крови, — сказал ей отец.

Снова о крови. Тетчи столько раз слышала это слово за сегодняшнюю ночь, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Но как? — спросила она. — Ведь ты всего лишь дух…

Отец коснулся ее руки:

— Твой зов дал мне плоть в этом промежуточном мире. У тебя есть нож?

Когда Тетчи отрицательно покачала головой, он поднес ко рту большой палец своей руки и прокусил его.

— Будет жечь, — сказал он.

Тетчи судорожно кивнула. Она зажмурила глаза и приоткрыла рот. Ее отец провел окровавленным пальцем по ее языку. Кровь огнем потекла в горло. Тетчи вздрогнула от обжигающей боли, на глаза навернулись слезы, и даже открыв их, она была как слепая.

Потом почувствовала на своей голове ладонь отца. Он пригладил ее спутанные волосы и поцеловал ее.

— Удачи тебе, дитя, — сказал он. — Мы с матерью встретим тебя, когда придет твое время присоединиться к нам, и ты

пересечешь эту границу.

Была тысяча разных вещей, про которые она хотела бы рассказать ему, поняла Тетчи, но в этот момент вихрь охватил ее, и унес с собой не только отца, но вместе с ним и весь пустынный мир. Она почувствовала под собой траву, мягкое дуновение ветра на своей щеке. Когда она открыла глаза, каменная глыба возвышалась с одной, стороны, могучее дерево с другой. Она повернулась в ту сторону, где в последний раз видела сверкание голубых молний.

Теперь там было темно.

Она поднялась на ноги, чувствуя себя скорее окрепшей, чем слабой. Ее ночное зрение только улучшилось; все чувства, казалось, обострились. Теперь она могла ощущать ночь всеми порами кожи.

Горожане просто слепы, поняла она. *Она* тоже была слепа. Столько из щедрых даров мира оставалось незамеченными для них. Но горожане всегда стремились сузить свой мир, а ей… ей предстояло сперва выполнить одну задачу.

Она двинулась в сторону, где недавно полыхали молнии.

Вся трава была выжжена, даже земля обуглилась на холме, куда она пришла. Она заметила лежащую в грязи фигуру и остановилась в нерешительности, не зная кто это. Гэдриан или его брат? Осторожно она приблизилась и встала на колени перед неподвижной фигурой. Глаза поверженного открылись, и он слабо взглянул на Тетчи.

— Я оказался недостаточно силен, — сказал Гэдриан голосом по-прежнему звонким, но звенела теперь в нем печаль.

— Куда он пошел? — спросила Тетчи.

— Получить то, что ему причитается — Королевство Сна.

Тетчи пристально посмотрела на него, затем поднесла ко рту свой палец. Сейчас опять настало время для крови — теперь уже в последний раз. Гэдриан пытался возражать, но она оттолкнула его руки и несколько капель скатились ему в рот: одна, две, три. Гэдриан сглотнул. Глаза его расширились в изумлении, которое было почти комичным.

— Где… как…?

— Я нашла своего отца, — сказала Тетчи. — Это наследство, которое он мне оставил.

Она подняла руку и показала ее Гэдриану, кожа стала темнее, серее, чем раньше, и плотная, будто кора дерева. И еще она больше никогда не увидит снова день.

— Ты не должна была… — начал Гэдриан, но Тетчи не дала ему продолжить.

— Этого достаточно? — спросила она, — Теперь ты сможешь остановить его?

Гэдриан сел. Он расправил плечи, размял ладони, руки, ноги.

— Больше, чем достаточно, — сказал он, — Я чувствую себя на сотню лет моложе.

Зная, кто он, Тетчи не думала, что он преувеличивает. Кто знает возраст Повелителя Сновидений? Он, должно быть, родился с первым сном.

Он взял ее лицо в ладони и поцеловал в лоб.

— Я попытаюсь исправить то, что мой брат сделал с тобой в эту ночь, — сказал он. — Весь мир перед тобой в долгу за спасение своих снов.

— Я не хочу награды, — сказала Тетчи.

— Мы поговорим об этом, когда я вернусь, — сказал Гэдриан.

«Если ты найдешь меня», — подумала Тетчи, но в ответ она только кивнула.

Гэдриан поднялся. Рука его метнулась к одной из татуировок на груди и швырнула в воздух сгусток голубого света. Тот вырос в мерцающий портал. Подарив ей еще один благодарный взгляд, он шагнул через порог. Портал тут же закрылся за его спиной, превратившись в сноп голубых искр, будто в костер подбросили свежее полено.

Тетчи обвела взглядом выжженный холм, затем двинулась в обратную сторону, в Берндейл. Она бродила по его мощеным улицам, одинокая фигурка среди огромных зданий, скорее дальний родственник стен и фундаментов, чем тех, кто спал внутри. Ей вспомнилась мать, когда она оказалась у «Коттс Инн» и остановилась возле конюшни, перед сараем, где они с матерью жили все те годы.

Наконец, когда на горизонте уже розовел рассвет, она вернулась обратно на вершину холма, где в первый раз повстречала татуированного. Ее пальцы погладили кору старого уродливого дерева, затем она шагнула к каменной глыбе и остановилась с ее восточной стороны.

Не совсем правда, что больше ей не увидеть дня. Она могла это сделать, но только единожды.

Тетчи так и не сошла с места, когда взошло солнце и поймало ее, и тогда две каменные глыбы остались стоять на вершине холма сбоку от старого корявого дерева, — одна высокая и одна поменьше. Но самой Тетчи там не было, — она отправилась к своим родителям, легкий светлый дух ребенка. А вся неуклюжесть и неприглядность осталась позади, в камне.

ДВАДЦАТЬ СВЕТОВЫХ ЛЕТ СПУСТЯ

Джеймз Типтри-мл.

НЕПРИМЕТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Перед вами один из знаменитейших рассказов Элис Шелдон, завоевавшей несколько «Хьюго» и «Небьюла» кряду под псевдонимом «Джеймз Типтри-мл.» Получать эти премии приходили доверенные лица, и довольно долгое время писательнице удавалось мистифицировать публику. Раскрытие истинного лица Шелдон и бурные споры о специфике ее творчества в середине 70-х — теперь уже легендарный скандал в благородном семействе фэнов.

© James Tiptree, Jr. The Women, Men Don't See.

F&SF, December 1973.

Перевела Л. Е. Безымянная

Впервые я заметил ее, когда наш самолет «Мексикана 727» шел на снижение над островом Косумель. Выхожу я из туалета, а тут как тряхнет, и я прямиком к ней на колени. Торопливо извинившись, я смутно различил очертания двух женских фигур.

Ближняя из них кивнула мне в ответ, а вторая женщина, помоложе, никак не отреагировала и продолжала смотреть в иллюминатор. И я направился дальше по проходу, без всяких эмоций. Чистый ноль. Так бы ни разу о них и не вспомнил.

В аэропорту Косумеля по обыкновению царила неразбериха. Повсюду сновали янки в пляжных костюмах, а мексиканцы, будто переодевшиеся к званому обеду, являли собой спокойствие. Сам я уже немолодой янки и оделся как надо для рыбной ловли. Как только мне удалось выловить из круговерти свои удочки и рюкзак, я побрел по летному полю. Мне нужно было отыскать летчика чартерных рейсов. Некто Эстебан согласился довезти меня до отмелей Белиз в трехстах километрах к югу.

Пилот Эстебан оказался индейцем майя ростом в четыре фута, девять дюймов, с кожей медного оттенка. Держался он сурово и торжественно, как и подобает индейцу майя. Та «Сессна», что была предназначена мне, оказывается, где-то застряла, эта «Бонанца» зафрахтована до Четумаля.

Ладно. Четумаль на юге, не смог ли бы он довезти меня до Белиз после того, как высадит остальных? Эстебан мрачно согласился и добавил, что это вполне возможно, если другие пассажиры не станут возражать.

К нам приблизились те, кто собирался лететь до Четумаля. Две женщины, постарше и помоложе — дочь? — неторопливо шли по гравиевой дорожке, окаймленной юккой. Их чемоданы с двумя отделениями фирмы «Вентура» были такими же аккуратными, небольшими и бесцветными, как и сами хозяйки. Никаких проблем. Когда пилот спросил, согласны ли они взять и меня, мать спокойно ответила: «Да, конечно», даже не взглянув на нового попутчика.

Думаю, именно в этот момент мой внутренний детектор впервые чуть слышно щелкнул. Когда эта женщина успела внимательно рассмотреть меня и решить, стоит ли ей лететь со мной дальше? Я не придал этому значения. Паранойя долгие годы не приносила мне никакой пользы, но старые привычки нелегко побороть.

Когда мы поднимались в самолет, я отметил, что фигуру девушки вполне можно было бы назвать привлекательной, будь в ней хоть искорка страсти. Но чего не было, того не было. Пилот Эстебан аккуратно сложил серапе и уселся на него. Потом огляделся и тщательно провел предстартовую проверку. Вскоре мы оторвались от взлетной полосы и взлетели над бирюзовой, студенистой, похожей на медузу, поверхностью Карибского моря. Нас подгонял упругий южный ветер.

Берег по правую сторону — это территория Куинтана Роо.

Если вы не видели Юкатан, представьте себе серо-зеленый ковер огромных размеров, покрывающий чуть ли не всю вселенную. Безжизненная земля. Мы миновали белеющие руины Тулума, полосу шоссе, ведущего к Чичен-Итце, и полдюжины кокосовых плантаций. За ними по всей линии горизонта — только рифы и густые низкие кустарники — тот же пейзаж, что и четыреста лет назад, когда в этих краях впервые появились конкистадоры.

Караваны кучевых облаков наплывали на нас, на берег от них ложились плотные тени. Мне передалось настроение нашего пилота, его тревожное ожидание перемены погоды. Холодный фронт кончался на западе, над поросшими коноплей полями Мериды. От южного ветра у берега начало штормить, в здешних краях сильный штормовой ветер называют «иловизнас». Эстебан осторожно облетел несколько свинцовых грозовых туч. Самолет обогнул их, и я оглянулся — мне захотелось приободрить женщин. Они спокойно всматривались в сторону Юкатана, силясь хоть что-то разглядеть. Им предложили занять места рядом с летчиком, однако они отказались. Постеснялись, что ли?

Нас снова подстерег порыв штормового ветра. Эстебан круто направил самолет ввысь и привстал, чтобы поточнее определить курс. Впервые за долгое время я расслабился и растянулся на сиденьи, смакуя каждый градус пространства, ложащийся между мной и рабочим столом в офисе, и предвкушая безмятежную неделю рыбалки. Классический индейский профиль нашего капитана внезапно привлек мое внимание. Покатый лоб, резко очерченный нос, губы и челюсть, так же покато отступающие от носа. Если бы его раскосые глаза были еще чуть уже, он, верно, не получил бы прав на вождение самолета. Хотите верьте, хотите нет, очаровательное сочетание. А у девушек майя в мини-юбках с радужными тенями на веках косящих глаз — весьма эротичное к тому же. Однако ничего похожего на восточную кукольную красивость. У этих людей кости были, словно из камня. Бабушка нашего Эстебана вполне могла бы потянуть «Бонанцу» на буксире голыми руками…

Тут я очнулся, резко ударившись ухом о стенку. Эстебан хриплым, лающим голосом кричал что-то в микрофон.

За иллюминаторами сгущалась серая мгла.

В общей мешанине звуков исчез главный — заглох мотор. Я догадался — Эстебан пытается что-то сделать с потерявшим управление самолетом. Высота — три тысячи шестьсот футов, мы уже потеряли две тысячи!

Когда порыв ветра бросил самолет в сторону, Эстебан переключил бензобаки, и я услышал, как, оскалив зубы, он прорычал что-то о бензине. Самолет кружась, падает. Эстебан

тянется к рычагу над головой, и я вижу, что запасов горючего у нас более чем достаточно. Может быть, засорился бензопровод, я слышал, здесь частенько заправляют нефильтрованным топливом. Эстебан бросил радиотелефон. Могу поручиться, никто не сможет разобрать наши сигналы — в грозу на таком расстоянии. Две тысячи пятьсот — все еще снижаемся.

Кажется, топливный насос на секунду включился: мотор взревел и заглох, снова взревел и опять заглох, теперь уже окончательно. Мы неожиданно вынырнули из-под облаков. Под нами тянулась длинная белая полоса, почти скрытая дождем. Рифы. А за ними — большой залив, наполовину заросший манграми — и все это стремительно неслось нам навстречу.

«Похоже, дело скверно», — говорю я себе, не претендуя на оригинальность. Женщины, сидевшие сзади меня, не издают ни звука. Оглядываюсь назад и вижу, что они пригнулись, натянув плащи на голову. Скорость уже достигала восьмидесяти миль в час, в этом не было никакого прока, но чего уж теперь об этом.

Эстебан кричит еще что-то в микрофон, все еще не давая самолету упасть. И здорово ему это удается — мы едва не врезаемся в воду, но он безумным рывком кладет самолет на ветер — и тут перед нашим носом ложится готовенькая посадочная полоса: песок.

И как он отыскал его, черт возьми? Самолет шлепается на брюхо, подпрыгивает и опять падает, все дико кружится, мы несемся вперед, пока не врезаемся в мангры в конце песчаной полосы. Треск! Лязг! Намотав на себя лианы, самолет застывает с задранным крылом. Вот так мы и сели. Целенькие. Даже не загорелись. Фантастика.

Эстебан старается распахнуть дверь, которая находится теперь там, где раньше был потолок. Девушка, сидевшая сзади меня, тихо повторяет: «Мама, мама». Я поднимаюсь с пола и вижу, что она стремится высвободиться из материнских объятий. Глаза женщины закрыты. Потом она открывает их и сразу размыкает руки, без тени эмоции. Эстебан помогает им обеим выбраться. Я хватаю аптечку и спускаюсь вслед за ними навстречу сверкающему солнцу и ветру. Ураган, сбивший наш самолет, почти не ощущался на побережье.

— Великолепная посадка, командир.

— Да. Все вышло замечательно.

Женщин трясет от страха, однако никакой истерики. Эстебан осматривает окрестности с тем же выражением лица, с каким его предки воевали в свое время с испанцами.

Всем, бывавшим в подобных переделках, несомненно, знакома нескончаемая, как в замедленной съемке, череда

событий. На первых порах вами овладевает эйфория. Мы, кто как может, спускаемся по пружинящим веткам фикуса на песок под аккомпанемент завывающего ветра и без особой тревоги отмечаем, что нас со всех сторон окружает прозрачная водная гладь. Ее глубина не превышает фута, а дно кажется оливковым от ила. Отдаленный болотистый берег, покрытый мангровыми зарослями, совершенно пуст и необитаем.

— Залив Эспириту Санто, — Эстебан подтверждает мою догадку: мы очутились в обширной заболоченной пустоши. Мне всегда хотелось порыбачить в таких местах.

— А что это за дым? — Девушка указывает на легкие облачка у линии горизонта.

— Охотники на аллигаторов, — пояснил Эстебан.

Браконьеры-майя обычно оставляют за собой на болотах гарь. Мне приходит в голову, что, пожалуй, наших сигнальных костров никто и не разглядит. Теперь я обращаю внимание, что самолет так опутан лианами, что с воздуха здесь тоже ничего не различишь.

Не успела мысль, как нам, черт возьми, выбираться отсюда, оформиться у меня в голове, как старшая из женщин спросила:

— А если никто не услышал вас, командир? Когда они могут начать нас искать?

— Завтра, — угрюмо произносит Эстебан.

Но уж я-то знаю, что все спасательные экспедиции в здешних краях — и воздушные, и по воде — дело чисто добровольное. Мол, посмотрите, где там Марио, его мать говорила, что его не было дома целую неделю.

И тут до меня доходит — по всей вероятности, и мы тоже задержимся здесь на неделю.

Слева до нас доносится шум, похожий на рев дизельного мотора — это волны Карибского моря рвутся к берегу. Ветер подгоняет прилив, а обнаженные корни мангровых деревьев наглядно говорят о том, что волны заливают берег во время прилива. Я вспоминаю, что видел перед рассветом полную луну, предвещавшую сильный прибой. Ладно, мы можем вновь забраться в самолет. Но как насчет питьевой воды?

За моей спиной что-то хлюпнуло. Старшая из женщин ступила в воду. Горько усмехаясь, она качает головой. Заметив первое проявление эмоций, я решаю, что пора представиться. Когда я говорю, что меня зовут Дон Фентон и я из Сент-Луиса, она сразу в ответ называется миссис Парсонс из Бетесды в Мериленде. Она говорит это так изящно, что я не сразу замечаю — имени своего она так и не назвала. Потом мы снова воздали должное мастерству командира Эстебана.

Левый глаз у него заплыл. Разумеется, реагировать на такие пустяки — ниже достоинства индейца-майя, но миссис Парсонс видит, как он прижимает локоть к ребрам.

— Вы ранены, командир.

— Ребро — думаю, у меня перелом, — Эстебану неловко показать, что ему больно. Мы помогли ему снять рубашку и увидели на его атлетическом, смуглом теле глубокую ссадину.

— Есть ли в аптечке бинт, мистер Фентон? Я сумею оказать ему первую помощь, у меня есть некоторый опыт.

Она бестрепетно, со знанием дела, берется за бинт. Мисс Парсонс и я, ведя беседу, неторопливо побрели по песчаной полоске к манграм. Мне еще предстояло в подробностях вспомнить весь этот разговор.

— Розовые цапли, — сказал я ей, указав на трех птиц, поднявшихся на крыло при нашем приближении.

— Как они прекрасны! — тоненько воскликнула она (у них обеих были тонкие голоса). — Он индеец-майя, верно? Я имею в виду, наш летчик.

— Правда. Самый настоящий, прямо как на стенных росписях в Бонампаке. Вы видели Чинен и Уксмаль?

— Да. Мы заезжали в Мериду. Собираемся посетить Ти-кель в Гватемале. То есть собирались.

— Еще попадете. — Мне кажется, девушку надо немного приободрить. — Вам не рассказывали, что у индейцев-майя матери привязывали дощечку ко лбу новорожденного, чтобы у него косили глаза? А над носом к тому же вешали шарик из воска. У них это считалось аристократичным.

Она улыбается и вновь говорит об Эстебане.

— По-моему, на Юкатане люди какие-то другие, — задумчиво произносит она. — Непохожие на индейцев из Мехико-сити. Не знаю… более независимые, что ли.

— Это потому, что никто не смог их покорить. Индейцев-майя зверски истребляли и постоянно преследовали, но никому не удалось их уничтожить. Ручаюсь, вам неизвестно, что последняя мексикано-индейская война закончилась мирным договором в 1935 году?

— Нет, я не знала, — серьезным тоном говорит она. — Мне это нравится.

— Мне тоже.

— Вода, и правда, прибывает очень быстро, — раздается голос миссис Парсонс откуда-то сзади.

Так оно и есть — очередной порыв ветра и усилившийся накат волн. Мы снова забираемся в самолет. Я пытаюсь приспособить свою куртку для сбора дождевой воды, но порыв

штормового ветра уносит ее прочь. Мы достаем несколько плиток шоколада с солодом, извлекаем из хаоса в кабине мою бутылку виски «Джек Дэниэлс». Устраиваемся относительно удобно. Мать и дочь выпивают по глотку виски, а Эстебан и я — гораздо больше. Самолет начинает трясти. Эстебан, временно окривевший, бросает пренебрежительный взгляд на воду, опять просочившуюся в кабину, и засыпает. И мы вслед за ним.

Когда вода схлынула, вместе с ней исчезла и эйфория. Теперь нас мучает жажда. И, черт побери, скоро зайдет солнце. Я принимаюсь прилаживать к удочке наживку и тройные крючки и сразу ухитряюсь вытащить четыре рыбешки. Эстебан и женщины привязывают к мангровому дереву надувной спасательный плотик, надеясь собрать воду для питья. Но пока дул обжигающе горячий ветер. А в небе никаких самолетов. Немного погодя дождь снова полил, дав каждому из нас по шесть унций воды. Когда закатное солнце окутывает все золотистой дымкой, мы устраиваемся на корточках прямо на песке и начинаем есть сырую кефаль, закусывая колечками «готового завтрака». Теперь женщины в шортах, аккуратные, но сексуальности это им не добавляет.

— Я даже не подозревала, до чего освежающе действует сырая рыба, — по-светски говорит миссис Парсонс. Ее дочь хихикает, но тоже без назойливости. Она сидит рядом с матерью, поодаль от меня и Эстебана. Теперь мне становится ясна роль миссис Парсонс — матушка-наседка, оберегающая своего единственного цыпленка от самцов-хищников. Но мне-то что. Я приехал сюда рыбачить.

Однако кое-что все же начинает меня раздражать. Вы понимаете, эти чертовы бабы так ни разу и не пожаловались. Ни словом, ни жестом — никак не выявили своих чувств. Правильные, как из учебника.

— Миссис Парсонс, вы, похоже, ощущаете себя в этих диких краях совсем, как дома. Вы часто бывали в походах?

— О Боже, нет, конечно, — робкий смешок. — Ни разу не ходила со скаутских лет. Ой, посмотрите, это не птицы-фрегаты?

Отвечает вопросом на вопрос. Я жду, пока фрегаты гордо уплывают в закат.

— Бетесда. Я не ошибся, предположив, что вы работаете на дядю Сэма?

— Да, вы правы. Должно быть, вы хорошо знаете Вашингтон, мистер Фентон. Вам часто приходится бывать там по работе?

В любой точке земного шара, кроме нашего песчаного пляжа, эта маленькая уловка непременно сработала бы. Но тут мои гены охотника пробудились к жизни.

— А вы в каком агентстве служите?

Тут она грациозно сдается.

— Всего лишь в архивах. Администрации общих служб. Я библиотекарь.

Ну, разумеется. Теперь я ее узнал. Скольких мисс парсонс я встречал в архивах, бухгалтерских, исследовательских подразделениях, отделах кадров и административных конторах. Передайте миссис Парсонс, что нам нужен список всех заключенных контрактов за семьдесят третий финансовый год. Итак, Юкатан теперь тоже попал в туристскую обойму. Жаль…

Пытаюсь отшутиться:

— Значит, вам точно известно, где собака зарыта.

Она неприязненно улыбается в ответ и встает.

— Здесь рано смеркается, не правда ли?

Пора забираться в самолет.

Над нами кружится стая ибисов, очевидно, привыкшая вить гнезда на нашем фикусе. Эстебан достает мачете и старый индейский гамак. Отказавшись от нашей помощи, он принимается привязывать его между деревом и самолетом. Однако удары его мачете довольно неуверенны.

Мать и дочь справляют малую нужду за стабилизатором. Я слышу как одна из них, поскользнувшись, тихонько вскрикивает. Когда они появляются из-за фюзеляжа, миссис Парсонс спрашивает: — Мы можем переночевать в гамаке, командир?

Эстебан недоверчиво усмехается. Протестуя, я напоминаю им о дожде и москитах.

— У нас есть средство от насекомых, и мы просто обожаем спать на свежем воздухе.

Ветер набирает силу, с каждой минутой становится холоднее.

— У нас есть плащи, — оживленно добавляет девушка.

Ладно, леди, отлично. Мы, страшные мужчины, прячемся на ночь в сырой кабине. Сквозь ветер до меня доносится негромкий смех. Женщины, с комфортом пристроившиеся в своем прохладном гнездышке. Пусть себе сходят с ума, решаю я. Уж я-то вряд ли мог их напугать. Собственно, непритязательная внешность всегда помогала мне полнее отдаваться работе. Может быть, они побаиваются Эстебана? А может, действительно чудачки-любительницы свежего воздуха… Сон приходит ко мне под рокот прибоя, доносящийся из-за дальнего рифа.

С пересохшими от жажды губами мы просыпаемся на рассвете, когда небо уже порозовело. Алмазный солнечный диск вырывается из-за моря, но вскоре небо затягивают тучи. Я принимаюсь налаживать удочки и наживку. То и дело льет, — дождь кругами ходит над нами. На завтрак каждый получает по

куску сырой барракуды.

Миссис и мисс Парсонс держатся стоически и всячески пытаются нам помочь. Следуя указаниям Эстебана, они приспосабливают капот двигателя, чтобы вспышками бензина в горелке посигналить пролетающим самолетам. Но ни один не появляется в поле зрения, лишь невидимый нам реактивный самолет гудит где-то в направлении Панамы. Да завывает горячий, сухой ветер, осыпая нас коралловой пылью. Вот так обстоят дела.

— Сначала обычно ищут в море, — замечает Эстебан. На его аристократическом покатом лбу выступают крупные капли пота; миссис Парсонс обеспокоенно наблюдает за ним. А я слежу за плотными слоистыми облаками, что стремительно проносятся над нами, на глазах становясь еще плотнее. Пока погода не изменится, никто не вылетит нас искать, а добираться сюда морем тоже не слишком весело.

В конце-концов я беру мачете Эстебана и срубаю длинный тонкий шест.

— Где-то неподалеку должно быть устье реки, я заметил его еще с самолета. Милях в двух-трех отсюда, не более.

— Боюсь, что спасательный плотик порвался, — миссис Парсонс показывает на треснувшую оранжевую оболочку, а я с досадой вижу, что произведен он в штате Делавэр.

— Вот и чудненько, — слышу я вдруг собственный голос. — Как раз начинается отлив. Если мы отрежем неповрежденный кусок от плотика, я смогу принести в нем воды. Мне не раз приходилось перебираться вброд по отмелям. — По правде говоря, редко мне доводилось ляпать такую чушь.

— Оставайтесь у самолета, — говорит Эстебан. Конечно, он был прав. Однако совершенно ясно, что у него жар. Я гляжу на облака и чувствую вновь во рту барракуду с песком. К черту все эти инструкции по чрезвычайным ситуациям.

Когда я принимаюсь резать плотик, Эстебан советует прихватить с собой серапе.

— Придется провести там одну ночь. — И тут он прав. Нужно будет переждать прилив.

— Я пойду с вами, — спокойно говорит миссис Парсонс.

Я с изумлением гляжу на нее. Какое новое безумие овладело матушкой-наседкой? Видимо, она сочла, что Эстебан слишком пострадал. Пока я пялюсь на нее, то успеваю заметить, что колени миссис Парсонс порозовели от солнца. Ее волосы распущены, носик чуть обгорел. Аккуратная такая дамочка сорока с небольшим лет.

— Подумайте, придется весьма нелегко. Грязь по уши, воды

выше головы.

— Я ничего не боюсь и неплохо плаваю, — возразила она. — А вдвоем идти безопаснее, мистер Фентон. К тому же мы сможем принести больше воды.

Она это серьезно. Ну, что же, я уступчив и мягок, как зефир, особенно в зимнее время. Не стану кривить душой и утверждать, будто мне не хотелось идти в сопровождении этой особы. Да будет так.

— Позвольте вам показать, мисс Парсонс, как надо обращаться с этой удочкой.

Мисс Парсонс, еще более розовая и обветренная, чем ее мать, без особого труда все схватывает. Хорошая девушка, эта мисс Парсонс, по-своему, по-неприметному. Мы вырезали еще один шест для нее. В последнюю минуту, Эстебан выдает, как плохо он себя чувствует — он предлагает мне свое мачете. Благодарю его, но отказываюсь, пояснив, что привык пользоваться собственным ножом. Мы завязали отрезанную секцию плотика с обеих сторон, чтобы он держался на воде, и двинулись по песчаной отмели.

Эстебан напутственно поднимает свою смуглую руку.

Мисс Парсонс обнимает мать и направляется к прибрежной мангровой роще. Она машет нам рукой на прощанье. Мы тоже машем. Через час пути мы все еще видим ее. Идти было омерзительно. Песок плывет под ногами, и ни идти, ни двигаться вплавь толком нельзя. Из дна торчат острые пики корней мангров. Так мы и барахтаемся, перебираясь из одной рытвины в другую, с опаской отталкивая от себя скатов и морских черепах, надеясь только, чтобы не попался электрический угорь. Когда нас не засасывает топкая грязь, мы моментально покрываемся коркой и от нас несет вековыми отложениями, накопившимися тут с доисторических времен.

Миссис Парсонс всю дорогу проявляет завидное упорство. Мне только один раз пришлось вытаскивать ее из рытвины. Протянув ей руку, замечаю, что наша песчаная посадочная полоса уже исчезла из виду.

Наконец мы приближаемся к протоке в зарослях мангров, что я принял за ручей. Но она лишь открывается в другой рукав залива, еще гуще поросший манграми. Тем временем приближается прилив.

— Я ошибся, как последний идиот.

— Сверху все выглядело совсем иначе, — спокойно отвечает миссис Парсонс.

Я меняю свое мнение о гёрл-скаутах. Мы шлепаем по манграм в неясную дымку, где должен быть берег. Солнце бьет нам в глаза, поэтому разглядеть что-либо вообще трудно. Над

нами летают ибисы и цапли. Мы по-прежнему проваливаемся в колдобины. Сигнальные фальшфейеры промокли. Мне кажется, что в мире не осталось ничего, кроме мангров. Неужели я когда-то ходил по ровным, асфальтированным улицам, не спотыкаясь о корни, мелькнуло у меня в голове.

А солнце все ниже и ниже. Внезапно мы спотыкаемся о подводный выступ и падаем прямо в холодный поток.

— Вода! Пресная вода!

Мы с жадностью припадаем к ней, полощем горло, окунаемся с головой. Ничего в жизни я не пил с подобным удовольствием.

— Как хорошо, как хорошо! — повторяет миссис Парсонс и смеется во весь голос.

— А вот тот темный участок справа, — похоже, суша.

Молотя руками и ногами, мы преодолеваем течение и ступаем на плотное дно, плавно перешедшее в берег реки — и вот он уже круто высится у нас над головами. Вскоре мы отыскиваем разлом в скале за буйно разросшимся кустарником, карабкаемся наверх и без сил плюхаемся наземь, насквозь промокшие и пропахшие илом. Моя рука рефлекторно тянется к плечу спутницы, но миссис Парсонс уже рядом нет: она встала на колени и принялась разглядывать красноватую от предзакатного солнца выгоревшую равнину.

— До чего же хорошо вновь видеть землю, по которой можно будет ходить.

— Её тон — сама невиность. Однако, явственно угадывался подтекст: «Noli me tangere.»[1]

— Лучше не пробуйте, — возмущенно возразил я: и о чем она только думает, эта чумазая маленькая женщина? — Земля, о которой вы говорите — всего лишь отвердевшая корка, а под ней — грязь и все те же проклятые корни. Сразу по колено провалитесь.

— А, по-моему, там твердая почва.

— Мы в крокодильих яслях. Они устроены на том самом склоне, по которому мы сюда поднялись. Но не волнуйтесь, старушке-крокодилице наверняка не удалось избежать последней облавы, и она теперь на пути к превращению в кожу для дамской сумочки.

— Какой стыд.

— Лучше я пойду установлю снасть, пока светло.

И я, не мешкая, съехал по склону и забросил донку с крючками, чтобы добыть рыбы на завтрак. Когда я вернулся, миссис Парсонс выжимала из серапе жидкую грязь.

— Я рада, что вы меня предупредили, мистер Фентон, все здесь предательски непрочно.

— Да, — злость прошла. Видит Бог, я не собираюсь tangere миссис Парсонс, даже не будь я так измочален. — По-своему, Юкатан — достаточно опасные края для путешественников. Сразу становится ясно, почему майя строили дороги. Кстати о постройках, взгляните, — произнес я.

Заходящее солнце очертило силуэт маленького здания, находившегося в нескольких километрах: развалины сооружения майя. Прямо из середины рос огромный фикус.

— И таких здесь много. Считается, что это были сторожевые башни.

— Какие заброшенные края.

— Надеюсь, москиты их тоже покинули.

Мы устраиваемся поудобнее в наших крокодильих яслях и по-братски делим последнюю плитку шоколада, наблюдая, как звезды то исчезают, то появляются снова, выплывая из-под косматых облаков. Насекомые нас почти не трогают — наверное, за день хорошо испеклись на солнце. А теперь и жара спала; нам, промокшим насквозь, даже стало зябко. Миссис Парсонс, продолжает спокойно расспрашивать о Юкатане и никоим образом не желает проявлять интерес к нашей с ней близости.

Едва я начинаю сердито думать, как мы будем проводить ночь, если она ожидает, что я отдам ей серапе, как миссис Парсонс встает, спотыкается пару раз о кочки, и заявляет:

— По-моему, тут не хуже, чем в любом другом месте, как вам кажется, мистер Фентон?

С этими словами она кладет чехол от плота вместо подушки и ложится прямо на землю на бочок, укрывшись половиной серапе и оставив другую его часть аккуратно развернутой с откинутым уголком. Узкая спина миссис Парсонс теперь совсем рядом со мной.

Эта демонстрация так убедительна, что я уже наполовину оказываюсь под той частью серапе, которая оставлена для меня, прежде чем нелепость ситуации останавливает меня.

— Кстати. Меня зовут Дон.

— О, конечно, — ее голос сама любезность. — А я — Рут.

Я стараюсь до нее не дотрагиваться, и мы лежим, как две рыбы на тарелке, глядя на звезды, вдыхая дымок, который доносил до нас ветер, ощущая, казалось, даже то, что происходило под землей. В жизни большей неловкости не испытывал.

Эта женщина для меня ничего не значит, но ее подчеркнутая отчужденность, вызывающая попка в восьми дюймах от моей ширинки… За два песо я охотно бы снял с нее эти шорты и представился… Будь я на двадцать лет моложе. Если бы я так

сильно не устал… но от двадцати лишних лет и усталости никуда не деться. И, криво усмехаясь, я осознаю, что миссис Рут Парсонс рассчитала все правильно. Будь я действительно на двадцать лет моложе, ее бы здесь не было. Подобно рыбе, что спокойно плавает вокруг сытой барракуды, но тут же исчезает, едва намерения той изменятся, миссис Парсонс знает — ее шортам ничто не угрожает. Ее плотно облегающим шортам, которые так близко…

Я ощутил желание и, когда это случилось, почувствовал за своей спиной безмолвную пустоту. Миссис Парсонс незаметно отодвигается. Стал лн я по-другому дышать? Так или иначе, я убежден — протянутой руке не удастся ее обнять, и объяснение найдется самое невинное: к примеру, ей захотелось окунуться. Мои мудрые двадцать лишних лет хихикают над возникшей было прытью, и я расслабляюсь.

— Спокойной ночи, Рут.

— Спокойной ночи, Дон.

Хотите верьте, хотите нет, но мы на самом деле засыпаем под ураганный рев ветра.

А разбудил меня свет — холодное, белое сияние.

Сперва я подумал — должно быть, охотники за крокодилами. Лучше будет сразу назваться туристами. Я выбираюсь из-под серапе и вижу, как Рут ныряет в заросли.

— Quien estas? A secorro[2]! На помощь, синьоры!

Никакого ответа, только свет, ослепив меня на мгновение, гаснет.

Пытаюсь еще покричать, теперь на двух языках. В ответ — темнота. Откуда-то доносятся потрескивание и посвистывание. Это мне все меньше нравится, но я принимаюсь объяснять, что наш самолет разбился и мы нуждаемся в помощи.

Над нами загорелась узенькая полоска света и тут же исчезла.

— О — о — мощь! — неразборчиво доносится голос, потом слышится лязг металла. Ясно, что это не местные жители, что наводит на нехорошие мысли.

— Да, помогите!

Раздается скрежет, снова посвистывание, и все стихает.

— Черт побери, что случилось?

Я ковыляю в ту сторону, откуда доносились звуки.

— Взгляните туда, за развалины, — шепчет за спиной Рут.

Там сразу несколько вспышек одна за одной, но и они быстро гаснут.

— Может, там у них лагерь?

Я делаю еще пару шагов вслепую, и тут проваливаюсь, пробивая корку грязи, и острый сучок вонзается точнехонько в суставную сумку, где хозяйки обычно подрезают сухожилие,

чтобы отделить куриную ножку. Боль ударила мне в пах, и я понял, что снова повредил свой многострадальный мениск.

Чтобы не обезножеть окончательно — берегите свои коленные чашечки. Вначале колено просто не гнется, а когда вы пытаетесь наступить на эту ногу, боль штыком пронзает позвоночник, а челюсть отвисает. Отколовшиеся крошки хряща немилосердно скребут по чувствительной внутренней поверхности сустава. Согнуть колено больше не удается, и наконец — о, милосердие! _ ты падаешь.

Рут помогает мне добраться до серапе.

— Какой я болван, какой идиот…

— Вовсе нет, Дон. Все это совершенно естественно.

Мы зажигаем спички, ее пальцы, ощупывая колено, отводят мою руку в сторону.

— Я думаю, смещения нет, но колено быстро опухает. Я положу на него влажный платок. Нам надо подождать до утра. Тогда я осмотрю рану. Как по вашему, это были браконьеры?

— Возможно, — лгу я. На самом деле я думаю, что на нас наткнулись контрабандисты.

Она возвращается с намоченным платком и перевязывает мне колено.

— Должно быть, мы их спугнули. Этот свет… Такой яркий.

— Какие-нибудь охотники. Люди в здешних краях любят чудачить.

— Может быть, они возвратятся к утру.

— Вполне вероятно.

Рут натягивает на себя сырое серапе, и мы вновь желаем друг другу спокойной ночи. Так и не обмолвились ни словом о том, сумеем ли мы добраться до самолета без посторонней помощи.

Я лежу, глядя на юг, где Альфа Центавра то появлялась, то снова скрывалась за облаками, и проклинаю себя за то, как идиотски я влип. Но тут в голову стали приходить еще более неприятные мысли.

Допустим, парни, промышлявшие в этих краях контрабандой, случайно наталкиваются возле рифов на лодку ловцов креветок. Но они не будут освещать полнеба, ни к чему им и свистящая посреди болота противоугонная сигнализация. К тому же большой лагерь и полувоенное снаряжение…

Я видел доклад о повстанцах Че Гевары, действовавших на границе с Британским Гондурасом, в ста километрах отсюда к югу. Да, прямо под теми же самыми облаками. И если именно они на нас наткнулись, я буду более чем счастлив, если они не вернутся.

Я просыпаюсь в одиночку, от шума хлещущего дождя. Первое

мое движение подтверждает, что нога, как и ожидалось, это вздувшееся бревно, которое торчит из штанины. Я с трудом приподнимаюсь, и вижу Рут, которая стоит у кустов и смотрит на залив. С юга плывут влажные, тяжелые облака.

— Самолетов сегодня ждать не приходится, — проговорил я.

— О, доброе утро, Дон. Давайте посмотрим на вашу рану?

— Да, ерунда, — солгал я. Действительно кожа почти не повреждена, да и прокол неглубокий, словом — вид совершенно не соответствовал произведенным внутри разрушениям.

— По крайней мере, теперь у наших есть вода, — успокоительно произнесла Рут. — А эти охотники, возможно, и вернутся. Я пойду посмотрю, не поймалась ли рыба… может быть вам чем-нибудь помочь, Дон?

Очень тактично. Я буркаю в ответ «нет», и она занимается тогда своими делами.

И пока она там делает свои дела, я тоже потихоньку управляюсь со своими гигиеническими потребностями. Наконец до меня доносится громкий всплеск.

— Большая попалась!

Слышно как рыба бьется, потом Рут появляется на берег с трехфунтовым мангровым снеппером и чем-то еще.

Только покончив с разделкой рыбы, я вижу, что Рут принесла еще.

Она сгребла в кучку сухую траву, сучья и жарит ломтик рыбы. Ее руки проворно летают туда-сюда, а верхняя губка сосредоточенно напряжена На мгновение дождь прекратился. Мы насквозь промокли, но нам удалось согреться. Рут подает мне рыбу на мангровом вертеле и со странным вздохом опускается на корточки.

— А вы не составите мне компанию? — поинтересовался я.

— Да, конечно. — Она берет и себе кусочек, пробует и скороговоркой произносит: — Как всегда, либо пересаливаем, либо солим слишком мало, верно? Я принесу немного соленой воды.

Ее взгляд бесцельно блуждал по сторонам.

— Хорошая мысль.

Я слышу новый вздох и решаю, что бывших гёрл-скаутов нужно приободрить.

— Ваша дочь говорила, что вы прибыли из Мериды. Много повидали в Мексике?

— Не очень. В прошлом году мы посетили Мацатлан и Куэрнаваку.

Она отложила кусок рыбы и нахмурилась.

— Сейчас вы направляетесь в Тикаль. А в Бонампак не

заедете?

— Нет.

Вдруг она вскакивает, смахнув с лица капли дождя.

— Я принесу вам воды, Дон.

Рут спускается к реке и возвращается минут через двадцать с толстым стеблем растения, полным воды.

— Спасибо.

Она встает рядом со мной и с тревогой всматривается вдаль.

— Рут, как ни жаль признаться, но я должен сказать вам, что эти парни сюда больше не вернутся. Наверное, оно и к лучшему. Чем бы они ни занимались, мы для них помеха. В лучшем случае они сообщат кому-нибудь, что натолкнулись здесь на нас. Спасателям на поиски понадобятся день-два, а к тому времени мы вернемся к самолету.

— Конечно, вы правы, Дон.

Она побрела к тлеющему костерку.

— И перестаньте опекать дочь. Она уже взрослая, — добавил я.

— Я уверена, что с Альтеей все в порядке. Теперь у них много воды.

Ее пальцы барабанят по бедрам. Снова полил дождь.

— Хватит вам, Рут. Присядьте. Расскажите мне об Альтее. Она еще учится в колледже?

Рут смущенно улыбнулась и села.

— Альтея получила свой диплом в прошлом году. Она программист. А я работаю в архивах иностранных займов, — Рут механически улыбнулась, но это было явно напоказ. — Там очень интересно.

— Я знаком с Джеком Уиттигом из отдела внешних сношений. Возможно, вы его тоже знаете?

Здесь, на склоне холма, где поблизости одни крокодилы, мои слова звучали достаточно абсурдно.

— Да, я встречалась с мистером Уиттигом. Но уверена, что он меня не запомнил.

— А отчего вы так считаете?

— Меня обычно не замечают.

Она просто констатировала факт. И, конечно, была совершенно права. Я вспомнил другую женщину, миссис Джаннингс, Дженни Джаннингс, много лет печатавшую мои материалы. Деловая, приятная в общении и совершенно бесцветная. У нее был больной отец или что-то в этом духе. Но, черт побери, Рут намного моложе и привлекательнее. По сравнению с миссис Дженнингс.

— А, может быть, миссис Парсонс сама не хочет, чтобы ее

запоминали?

Она отозвалась как-то уклончиво, и я понял, что Рут просто-напросто не слушает меня. Обхватив колени руками, она смотрит вдаль, на развалины.

— Рут, поверьте, те приятели, баловавшиеся с прожекторами, сейчас уже в соседнем графстве. Забудьте о них, не стоит ждать от них помощи.

Она переводит на меня взгляд, словно и вовсе позабыла о моем присутствии, и медленно кивает головой. Похоже, что просто поддерживать разговор стоит ей немалых усилий. Прислушавшись, она внезапно вскакивает.

— Пойду посмотрю снасть, Дон. По-моему, я там что-то услышала. — С этими словами она срывается с места, как заяц.

Когда она скрылась, я попытался встать, опираясь на здоровую ногу и на шест. Боль не ослабевала, похоже от колена к животу идет сверхскоростная линия связи. Я пару раз подпрыгиваю на здоровой ноге, желая убедиться, не позволит ли мне нормально идти обнаруженный в сумке на поясе денерол. Тут появляется Рут с бьющейся рыбой в руках.

— Нет, Дон, не надо. Нет! — она в ужасе прижимает рыбу к груди.

— Вода примет на себя часть веса, и мне станет легче. Мне хочется попробовать.

— Вы не должны! — с ожесточением воскликнула Рут, но тут же понизила голос. — Взгляните на залив. Ведь совершенно не видно, куда идти.

Я стою, покачиваясь, во рту горько, и гляжу: над водой проносятся рваные тучи, то и дело все заволакивает завесой дождя. Слава Богу, она права. Даже и с обеими здоровыми ногами там пришлось бы натерпеться.

— Верно, еще одна ночь здесь нас не убьет.

Я позволяю ей вновь уложить меня на покрытый песком обрезок плотика. Рут прямо забегала вокруг: она нашла большой кусок плавника, к которому я смог прислониться, и натянула серапе на оба наши шеста, чтобы уберечь меня от дождя. Потом принесла еще попить, собрала плавника для костра.

— Я разожгу настоящий костер, как только кончит лить дождь, Дон. Они увидят дым и поймут, что с нами все в порядке. Просто надо подождать, — все это с бодрой улыбкой. — Как бы еще поудобнее вас устроить?

Бог ты мой, ну и театр посреди грязной лужи! На безумное мгновение мне даже подумалось, а не строит ли миссис Парсонс каких-либо планов на мой счет. Потом она опять вздохнула и села на корточки, будто прислушиваясь к чему-то. При этом она

неосознанно, еле заметно, ерзает задом. И тут в моем сознании вспыхивает ключевое слово «*подождать*».

Значит, Рут Парсонс ждет. В сущности, она ведет себя так, словно ждет, всем своим существом. Чего она ждет? Чтобы кто-то забрал нас отсюда, чего же еще?… Но тогда почему она так испугалась, когда я поднялся и попытался уйти? К чему такое напряжение?

Моя паранойя пробудилась снова. Я поборол ее отчаянным усилием воли и начал идти назад по цепи событий. До общения с незнакомцами прошлой ночью, миссис Парсонс была совершенно нормальна. Во всяком случае, разумна, снисходительна, мягка. А теперь она прямо гудела, как линия высокого напряжения. И, похоже, намеревалась оставаться здесь и ждать. А если пораскинуть мозгами, что тому причиной?

Разве она собиралась попасть именно сюда? Никоим образом. Она планировала поездку в Четумаль, то есть за границу. Постойте, до Тикали лететь через Четумаль, — это большой крюк. Допустим, она собиралась встретиться с кем-то в Четумале. С каким-то членом своей странной организации. И сейчас в Четумале уже знают, что она не явилась на встречу. Когда эти типы появились здесь прошлой ночью, она по каким-то приметам догадалась, что они — члены той же организации. Может, теперь она надеется что они сложат вместе ее неявку и встречу здесь и вернутся, чтобы ее подобрать?

— Можно мне взять нож, Дон? Я почищу рыбу.

Несколько замедленно, передаю ей нож, одернув свое подсознание. Такая достойная, обычная, ничем не примечательная маленькая женщина, примерная гёрл-скаут. Вся моя беда в том, что я не раз сталкивался с разного рода шулерством под личиной примелькавшихся стереотипов. *«Меня обычно не замечают…»*

Любопытно, что это за архивы иностранных займов? Уиттинг занимается секретными контрактами. Всякие очень денежные дела: международные сделки, графики движения текущих цен, кое-какие промышленные технологии. Или возможна и такая гипотеза — в ее скромном бежевом чемоданчике «Вентура» просто лежит пачка банкнот, и ей надо обменять их, допустим, на пакет откуда-нибудь из Коста-Рики. Если она связная, это объясняет, к чему была эта спешка с самолетом. Но какая роль тогда отводится мне, либо Эстебану? От этих мыслей я сразу помрачнел.

Я наблюдал как она нахмурив лоб и закусив нижнюю губу разделывала рыбу. Миссис Рут Парсонс из Бетесооды, такая замкнутая женщина, вся в себе. Наверное, я схожу с ума. *«Они*

увидят дым…»

— Вот ваш нож, Дон. Я его вымыла. Как нога, сильно болит? — Я пытаюсь стряхнуть с себя наваждение и вижу перед собой испуганную маленькую женщину, затерявшуюся в мангровых болотах.

— Садитесь и отдохните, — предлагаю я. — Вы же все время на ногах.

Она покорно села на землю, словно ребенок в кресло дантиста.

— Вам не дают покоя мысли об Альтее. А она, вероятно, беспокоится о вас. Мы вернемся завтра, Рут, своим ходом.

— Честно признаться, я вовсе не беспокоюсь, Дон. — Она гасит улыбку, прикусывает губу и опять угрюмо смотрит в сторону залива.

— Понимаете, Рут, вы меня здорово удивили, когда решили отправиться со мной. Не то, чтобы я этого не оценил. Но мне казалось, что вы, должно быть, станете тревожиться об Альтее. Я имею в виду, как это она останется вдвоем с нашим летчиком. Или вы только меня побаивались?

Наконец-то она обращает внимание на мои слова.

— Я уверена, что наш пилот Эстебан глубоко порядочный человек.

Я немного удивился. Естественнее с ее стороны было бы сказать что-то вроде: «Я доверяю Альтее», или возмущенно возразить: «Альтея — честная девушка».

— Он мужчина. И Альтея способна им увлечься.

Рут продолжает смотреть в сторону залива. На мгновение показавшийся язычок облизывает верхнюю губу. По зардевшимся ушам и шее заметно — что-то смутило ее. Она легонько потерла рукой бедро. Интересно, что она могла разглядеть там, на отмелях. Смуглые, с красноватым отливом руки капитана Эстебана сжимают жемчужное тело Альтеи. Древнеиндейские ноздри капитана Эстебана шекочут нежную шею мисс Парсонс. Меднокрасные ягодицы капитана Эстебана покрывают кремовый от загара зад Альтеи. Гамак раскачивается под тяжестью их тел. Индейцы-майя в этом большие мастера. Ладно, ладно. У матушки-наседки есть свои маленькие причуды.

Я чувствую себя одураченным и злюсь уже всерьез. Вот и стало ясно, что к чему… Но здесь, среди грязи и дождя обыкновенную похоть легко можно оправдать. Я откидываюсь назад и вспоминаю, как спокойно мисс Альтея-программист помахала нам рукой. Выходит, что это она отправила мать шлепать вместе со мной по заливу, чтобы «запрограммироваться» на языке майя? В памяти всплывает картина: стволы красного

дерева на побережье в Гондурасе, скользящие по опаловому песку. И только я собираюсь предложить миссис Парсонс присоединиться ко мне под навесом, как она безмятежно говорит:

— По-моему, тип майя весьма благороден. Кажется, вы сами сказали об этом Альтее.

И тут до меня дошло, прямо-таки обрушилось на мою бедную голову вместе с потоками ливня. *Тип.* Характерный тип, кровь, наследие. Выходит, это я представил им Эстебана, прежде всего как «благородного человека», генетически перспективного производителя?

— Рут, я забыл, говорили вы мне или нет, что готовы стать бабушкой ребенка-метиса?

— Ну, что вы, Дон. Тут всё решать Альтее.

Судя по матери, дочь вполне способна принять самостоятельное решение. Скажем, ради медно-красных гонад.

Рут, снова принимается слушать ветер, но ей от меня так просто не отвертеться. А еще корчила из себя недотрогу.

— А что подумает отец Альтеи?

Она резко поворачивается ко мне, похоже, мои слова удивили ее.

— Отец Альтеи? — Непонятная полуулыбка. — Он не станет возражать.

— Примет как данность? — В ответ она мотнула головой, как будто отмахиваясь от надоедливой мухи, и тогда я с подковыркой, эдакой злобой увечного, добавил: — Наверное, ваш муж принадлежит к весьма примечательному *типу* людей.

Миссис Парсонс окидывает меня взглядом, резким жестом отбросив со лба мокрую прядь. Хотя мне и кажется, что она готова сорваться, голос ее спокоен:

— Никакого мистера Парсонса нет и в помине, Дон. И никогда не было. Отцом Альтеи был датчанин, студент медицинского факультета. Он, вроде бы, теперь занимает у себя важный пост.

— О, — что-то помешало мне извиниться. — Вы имеете в виду, что он даже не знает об Альтее?

— Нет.

Она улыбнулась, и ее глаза озорно блеснули.

— Вероятно, у вашей дочери было нелегкое детство?

— Я росла в таких же условиях и чувствовала себя счастливой.

Ну, надо же, она просто сразила меня наповал. Ну, ну. В моем сознании замелькали кошмарные образы — поколения одиноких женщин из рода Парсонс, отбирающие себе производителей и беременеющие от них. Похоже, все мы к тому идем.

— Лучше я погляжу, не поймалось ли еще чего.

Она уходит. Напряжение спадает.

Вот так. Нет. Нет и все. Никакого контакта. Прощайте, командир Эстебан. До чего же болит нога. К черту этот оргазм на расстоянии, миссис Парсонс.

После мы почти не разговариваем, и молчание, кажется, вполне устраивает Рут. Странный день тянется медленно. Один за одним налетают порывы ураганного ветра. Рут принимается жарить рыбу, но дождь заливает костерок. А стоило солнцу выглянуть из-за туч, как дождь хлынул с новой силой.

Наконец Рут садится рядом, устроившись под обвисшим от влаги серапе, но согреться так и не удается. Я подремываю, и сквозь сон чувствую, как она время от времени вылезает наружу, чтобы осмотреться. Мое подсознание фиксирует, что она, как и прежде, на взводе. Я приказываю своему подсознанию отключиться.

Поднявшись, я увидел ее с блокнотом в руках. Она что-то записывала на размокших страницах.

— Что это, перечень покупок для крокодилов?

Вежливая улыбка.

— Нет, всего-навсего адрес. На случай, если мы… глупые страхи, Дон.

— Э, — Я подсел к ней и подмигнул. — Рут, перестаньте дергаться. Правда, успокойтесь. Мы скоро отсюда выберемся. И вы будете рассказывать всем потрясающую историю.

Она даже не удостаивает меня взглядом.

— Да…, наверное, выберемся.

— Так что успокойтесь, все идет как надо. И никакой опасности здесь нет. У вас нет случайно аллергии к рыбе?

Еще один сдержанный смешок девочки-паиньки, однако и в нем ощущается трепет.

— Иной раз мне хочется уехать куда-то по-настоящему далеко… далеко.

Желая продолжить наш разговор, я сказал первое, что пришло мне в голову:

— Ответьте мне, Рут, чем вас так привлекает одиночество? Живя в Вашингтоне… Ведь такая женщина… как вы…

— Должна быть замужем?

Она качает головой и засовывает блокнот обратно в свой мокрый карман.

— Почему бы и нет? Ведь замужество — привычный источник общения. Только не говорите мне, что вы профессиональная мужененавистница.

— Скажите уж прямо, лесбиянка… — Теперь ее смех

прозвучал естественнее. — Лесбиянки не работают в секретных отделах.

— Ну, ладно. Какую бы травму вы ни пережили, все когда-то кончается. Вы не можете ненавидеть всех мужчин.

Улыбка вновь мелькнула у нее на губах.

— У меня нет никакой травмы, Дон. И никакой ненависти к мужчинам я не испытываю. Ненавидеть их было бы так же глупо как… к примеру, ненавидеть погоду.

Она искоса посмотрела на струи дождя.

— А я думаю, что вы таите какой-то страх. Вы и меня-то побаиваетесь.

И тут же — ответный выпад, точный мышиный укус.

— Мне хотелось бы узнать что-нибудь о вашей семье, Дон.

Туше. Я излагаю ей отредактированную версию событий, в результате которых семья, как таковая, распалась. Она посочувствовала мне:

— Очень жаль. Как это печально.

Мы еще немного болтаем о преимуществах одинокой жизни, она сообщает, что любит ходить с друзьями в театр, на концерты и путешествовать. Одна из ее знакомых — главный кассир в «Ринглинг Бразерс». Каково?

Но дальше наша беседа стала проходить все обрывистее, толчками, будто записанная на ленту плохого качества. В промежутках ее глаза окидывают горизонт, и она прислушивается не к моим словам, а к чему-то еще. Что с ней такое? В принципе, то же, что и с любой, далекой от условностей женщиной средних лет, привыкшей к пустой постели. Плюс комплекс работника секретной службы. Руководствуясь долгим опытом, я заключаю, что миссис Парсонс — это классическая мишень для мужчин.

— …Теперь возможностей стало гораздо больше. — Ее голос стих.

— Итак, да здравствует женское равноправие?

— Равноправие? — Она нервно наклоняется, дергает за край серапе и поправляет его. — Все это бессмысленно и обречено.

Мое внимание привлекает слово из Апокалипсиса.

— Почему вы сказали «обречено»?

Она смотрит на меня, будто у меня не все дома, н неопределенно произносит: — Ну…

— Ответьте же мне, почему обречено? Разве вы не добились равных избирательных прав?

Она долго колеблется, а когда решается заговорить, у нее становится совсем другой голос.

— У женщин нет никаких прав, Дон. Только те, которые нам с мнимым великодушием дарят мужчины. Они агрессивнее и

сильнее нас, они правят миром. Когда их постигнет очередной кризис, наши так называемые права развеются, будто дым, — вот как этот дым. Мы станем тем, чем были всегда: собственностью. И все беды станут валить на наше «освобождение», как в эпоху упадка Рима. Вот увидите.

Она произнесла эту тираду скучным тоном человека, уверенного в своей правоте. В последний раз я слышал подобный тон, когда один мой знакомый объяснял, зачем ему понадобилось хранить в ящиках своего письменного стола мертвых голубей.

— Ну, что вы. Вы и ваши друзья — это оплот системы, стоит вам уволиться, страна мгновенно развалится.

В ответ она даже не улыбнулась.

— Это фантазия. — Ее голос звучал по-прежнему спокойно. — Женщины действуют совсем не так. Наш мир… беззуб. — Она огляделась по сторонам, словно желая закончить разговор. — Женщины просто хотят выжить. Вот потому мы живем в одиночку и парами, забившись в щели вашего мира машин.

— Похоже на план герильи, — произнес я без тени иронии, явно неуместной здесь, на лежбище аллигаторов. Даже подумал, не чересчур ли я много рассуждал о разных стволах цвета красного дерева.

— В герильях есть что-то внушающее надежду. — Она неожиданно улыбается весело и открыто. — Вспомните об опоссумах, Дон. Вам известно, что опоссумы способны жить где угодно? Даже в Нью-Йорке.

Я улыбнулся ей в ответ, но по шее побежали мурашки. А я-то думал, что это у меня приступы паранойи.

— Не надо противопоставлять мужчин и женщин, Рут. Различия между полами не столь велики. Женщины способны делать все то же, что и мужчины.

— Неужели? — Наши взгляды встретились, но мне показалось, будто сквозь дождь она видит разделяющие нас призраки. Она пробормотала что-то вроде «Ми Лай» и отвернулась. — Все эти бесконечные войны… — теперь она говорила шепотом, — все гигантские авторитарные организации для исполнения нереальных планов. Мужчины живут для борьбы друг с другом, и мы — лишь часть поля битвы. И так будет продолжаться вечно, если мир не изменится целиком. Я иногда мечтаю улететь отсюда… — Она осеклась и тут же резко оборвала себя. — Простите меня, Дон. Глупо, наверное, говорить все это.

— Мужчины тоже ненавидят войны, Рут, — как можно более мягко проговорил я.

— Я знаю. — Она пожимает плечами и встает. — Но это уж

ваши проблемы, верно?

Конец беседы. Отныне миссис Парсонс даже не живет в одном мире со мной.

Я следил за тем, как беспокойно она расхаживает, все время поглядывая на развалины. Подобное отчуждение — вполне сопоставимо с мертвыми голубями, и это уже проблема для санитарных служб. Оно может заставить поверить любому шарлатану, пообещавшему изменить мир. Если один из таких «изменителей» действительно обосновался в том лагере, что мы видели ночью, откуда теперь Рут не может глаз отвести, это может стать серьезной проблемой для меня. *«В герильях есть что-то, внушающее надежду…»*

Ерунда. Я меняю позу и вижу, что перед заходом солнца небо почти очистилось. Ветер тоже стихает. Безумием было бы полагать, что эта маленькая женщина решилась действовать в здешних болотах, повинуясь лишь собственной фантазии. Но странный аппарат, прилетавший прошлой ночью, не был фантазией. Если эти парни как-то связаны с ней, то я помеха на их пути. А место тут как нельзя лучше, чтобы избавиться от тела без следа. А, может быть, один из «гевaристов» тоже принадлежит к весьма достойному типу людей?

Абсурд. Честное слово, абсурд. Но еще абсурднее вернуться с войны целым и невредимым и позволить прикончить себя на рыбалке дружку свихнувшейся библиотекарши.

Где-то внизу с силой подпрыгнула и шлепнулась рыба. Рут поворачивается так стремительно, что сбивается серапе.

— Лучше я сейчас разожгу огонь, — говорит она, продолжая всматриваться и прислушиваться.

Ладно, контрольный вопрос.

— Вы кого-то ждете?

В точку. Она замирает, глаза останавливаются на моем лице так картинно, будто в немом фильме с титром «испуг». Наконец, она решается улыбнуться.

— Тут ничего не скажешь заранее. — Она диковато рассмеялась, взгляд так и не изменился. — Пойду… еще наберу плавника.

Она просто кидается в кусты.

Теперь уж никто, параноик он или нет, не назвал бы это нормальной реакцией.

Рут Парсонс или психопатка, или уверена, будто что-то непременно случится — в любом случае, ко мне это не относится. Выходит, я ее напрасно спугнул.

Хорошо, пускай себе съезжает с ума. Я тоже могу ошибаться, но есть ошибки, которые сходят с рук всего лишь раз в жизни. Я

нехотя расстегиваю поясную сумку, говоря себе, что если я все правильно рассудил, у меня остается один-единственный выход — принять чего-нибудь от боли в ноге и бежать куда глаза глядят от миссис Рут Парсонс, прежде чем прибудут те, кого она дожидается.

В сумочке у меня хранится еще револьвер 32-го калибра, о чем Рут не знает — хотя пускать его в ход я не собираюсь. Моя спокойная жизнь, запрограммированная на годы, выносила перестрелки за скобки — они хороши только на экране телевизора, и настоятельно рекомендовала убираться из опасного места загодя, не дожидаясь пока рухнет крыша над головой. Ночь на мангровых отмелях может мне выдаться равно, как спокойная, так и кошмарная… Неужели я тоже рехнулся?

В этот момент Рут встает и вновь, уже не скрываясь, из-под ладони смотрит на берег. Затем она кладет что-то себе в карман и туже затягивает пояс. Это все решает.

Я не запивая проглотил две таблетки по сто миллиграммов болеутоляющего, которые позволят мне двигаться, но все же оставят толику соображения в голове. Подождем несколько минут — пусть подействует. Я удостоверяюсь, что компас и крючки лежат у меня в в кармане, и сижу, наблюдая, как Рут пытается разжечь небольшой костер. Она украдкой бросает взгляды на берег, когда ей кажется, что я за ней больше не слежу.

Окружавшая нас плоская равнина сделалась янтарной и фиолетовой, приобретя какой-то неземной вид, как раз когда нога начала терять чувствительность. Рут скрывается в кустах, чтобы достать новых сучьев. О'кей. Я протягиваю руку за шестом.

Внезапно виднеющаяся из зарослей нога Рут резко дергается, и Рут кричит в ужасе, или, точнее, в горле у нее бьется что-то вроде «а-а-а-ах». Потом нога совсем скрывается из вида под треск ломающихся ветвей.

Я выпрямляюсь на своем костыле, и вижу на берегу застывшую сцену.

Рут отползала в сторону по узкой песчаной полосе, держась руками за живот. А в ярде ниже нее находилась чужая лодка. Пока я тщетно пытался разобраться в происходящем, ее дружки уже подобрались вплотную. Их было трое.

Все высокие и белые. Я пытаюсь представить, что это мужчины в белых спортивных костюмах. Первый, стоявший на носу, протянул навстречу Рут свою длинную руку. Она вздрогнула и отодвинулась чуть дальше.

Но рука по прежнему тянулась к ней. Она все вытягивалась и вытягивалась. Вот вытянулась уже на два ярда и повисла в воздухе. На кончиках пальцев шевелились какие-то черненькие

штучки.

Я всматриваюсь в лица, но вместо лиц вижу гладкие черные диски с вертикальными полосами. Эти полосы медленно движутся…

Ясно, что это вовсе не люди — ничего похожего мне не доводилось видеть. Что надумала Рут?

И ни звука. Я мигнул пару раз, пытаясь прогнать наваждение — такое просто немыслимо. Двое в дальнем конце лодки возятся с каким-то аппаратом на треножнике. Оружие? Внезапно до меня доносится глухой, неразборчивый голос, который я уже слышал ночью.

— От-т-дайте, — стонет он, — от-дайте.

Боже мой, значит, все происходит взаправду. Какой кошмар. Сознание пытается удержать готовое сорваться с языка слово.

А Рут, — ну конечно же, Боже правый — Рут тоже перепугана, она старается боком-боком, не отрывая от них глаз, отойти от чудовищ в лодке как можно дальше по песчаной кромке. Теперь-то я вижу, что это не ее дружки, да и вообще ничьими дружками они тут не могут быть. Рут прижимает что-то к груди. Почему бы ей не подняться выше, под мою защиту?

— От-т-дайте, — хрипит треножник. — По-алу-ссс-та от-т-дайте.

Лодка плывет вверх по течению за Рут, преследуя ее. Рука снова потянулась к ней, черные пальцы образовали петлю. Рут, спотыкаясь, карабкается выше.

— Рут! — Голос у меня срывается. — Рут, идите сюда, прячьтесь за меня. Она даже не глядит в мою сторону, только продолжает пятиться. Ужас в моей душе взрывается гневом.

— Скорее, назад, ко мне!

Свободной рукой я вытаскиваю свой револьвер. Солнце уже село.

Не поворачиваясь, Рут осторожно встает во весь рост, она по-прежнему прижимает к груди непонятный предмет. Видно как она открывает рот и что-то произносит. Неужели она и впрямь пытается *говорить* с ними?

— Пожалуйста. — Она нервно сглатывает. — Пожалуйста, скажите мне что-нибудь. Мне нужна ваша помощь.

— Рут! — закричал я.

В этот момент находившееся ближе к ней белое чудовище резко выгибается, спрыгивает с лодки и плывет прямо по воздуху к Рут, все восемь футов невыразимого белоснежного кошмара.

И тут я стреляю в Рут.

Однако в ту минуту я этого вовсе не осознаю: выхватываю револьвер так резко, что шест, на который я опирался, скользит, и

я лечу наземь в самый момент выстрела. Пока, шатаясь, поднимаюсь на ноги, слышу, крик Рут:

— Нет, нет, нет!

Белое существо вновь в своей лодке, а Рут отошла еще дальше, теперь она схватилась за локоть. По локтю струится кровь.

— Остановитесь, Дон! Они вовсе вам не угрожают!

— О, Боже! Перестаньте валять дурака. Я не смогу вам помочь, если вы не отойдете от них подальше.

Никакого ответа. Все застыли. Ни звука, только гул реактивного самолета, невидимого в вышине. Три белые фигуры на фоне потемневшего залива неуверенно переминаются, и у меня растет ощущение, будто на мне сфокусировались радарные тарелки. В сознании наконец внятно прозвучало слово: «Инопланетяне».

Представители внеземного разума. Что же теперь делать, срочно звонить президенту? Единолично захватить под угрозой своего почти игрушечного револьвера? Ведь я совсем один в этой глуши с никуда не годной ногой, с моими одурманенными транквилизаторами мозгами.

— П-п-ож-луу-ста, — опять зажужжала машина. — Ка-ку-у-у-ю по-ом…

— Наш самолет разбился, — каким-то нереально четким голосом объясняет Рут и указывает направление на залив. Моя… мой ребенок там. Пожалуйста, отвезите нас к ним на своей лодке.

Бог ты мой. Пока Рут умоляла их жестами, я успеваю рассмотреть предмет, который она сжимает в своей раненой руке. Это было что-то металлическое, блестящее, наподобие головки распределительного клапана. Откуда…?

Стоп. Сегодня утром, когда Рут задержалась внизу у реки, она вполне могла там подобрать эту штуковину. Видать, забыли свою деталь. Или обронили. Вот Рут ее и прятала, а мне ни словом не обмолвилась. Это объясняет, почему Рут все время наведывалась в заросли — проверяла, на месте ли. И ждала. Теперь владельцы вернулись и приперли ее к стенке. Им нужна эта вещь. А Рут пытается с ними торговаться.

— Через залив. — Она снова указывает, куда им следует плыть. — Возьмите нас. Меня и его.

Черные лица-диски поворачиваются в мою сторону, слепо и страшно. Впоследствии, возможно, я захочу поблагодарить Рут. Но не сейчас.

— Бросьте ваше оружие, Дон. Они отвезут нас к самолету, — говорит она ослабевшим голосом.

— Как бы не так. А вы-то сами — кто вы такая? Что вы здесь

делаете?

— Какое это имеет значение? Он боится, — кричит она инопланетянам. — Вы можете понять?

Она такая же чужая, как и они, эти еле различимые в сумерках существа. Они принялись что-то обсуждать и заспорили. Из их аппарата снова доносится стон.

Сс-сту-ден-ты, — услыхал я. — С-ту-де-нн-ты не воо-ру-же-ны. Мы — бы… — голос на секунду стих, а потом прогудел. — Да-да-вай-те… мы… у-у-езжа-ееем.

Миролюбивые студенты, прибывшие по культурному обмену. Эдакому космическому, межзвездному. Нет, не может быть.

— Дайте мне эту штуку, Рут, немедленно.

Но она теперь идет прямо к лодке, не отрывая взгляда от залива, продолжая повторять:

Возьмите меня.

— Подождите. Вам нужно забинтовать руку.

— Я знаю. Пожалуйста, бросьте оружие, Дон.

Теперь она у самой лодки. Там ждут, молча и неподвижно.

— Господи. — Я медленно выпускаю из руки мой ненужный теперь револьвер. Начав спускаться по крутому, влажному склону, я понимаю, что вот-вот упаду. Адреналин с демеролом — дрянная смесь.

Лодка скользит ко мне. Рут стоит на носу, крепко сжимая в руках ту штуковину. Инопланетяне собрались на корме, позади треножника, подальше от меня. Я обратил внимание, что лодка под защитным камуфляжем. На все вокруг легли глубокие синеватые тени.

— Дон, захватите пакет с водой.

Я беру пакет из куска плотика, но как раз это невинное действие выразительно доказывает, что Рут сдвинулась, ведь никакая вода нам больше не нужна. Но и мое сознание, похоже, не выдерживает происшедшего. Вижу только, как длинная белая, словно резиновая рука с черными червеобразными пальцами придерживает край оранжевого пакета, помогая мне набирать воду. Такого просто не может быть.

— Помочь вам забраться, Дон?

Из последних сил закидываю онемевшую ногу на борт, и тут ко мне тянутся две белые трубки. *Нет, прочь.* Резко отталкиваюсь здоровой ногой и валюсь около Рут. Она отодвигается.

От клинообразного выступа посередине лодки начинает исходить жужжание и потрескивание. И вот мы уже стремительно скользим по водной глади к темнеющей мангровой роще.

Я недоуменно смотрю на этот выступ. Технологические секреты инопланетян? Разглядеть я ничего не смог, ясно только,

что источник энергии скрывался под треугольным кожухом длиной около двух футов. Разгадать назначение приборов на вертикальном треножнике мне тоже не удается, и я лишь отмечаю, что у одного из них большая линза. Отсюда, верно, и исходил свет.

Когда мы выходим в открытый залив, жужжание усиливается и лодка несется еще быстрее. Тридцать узлов? В темноте трудно судить. Видимо, корпус лодки смоделирован с трехгранными обводами. Что практически устранило рывки при движении. Длиной около двадцати двух футов. Я начинаю обдумывать, удастся ли мне захватить лодку; тут нужен Эстебан.

Внезапно из треножника сверху исходит поток белого, ярчайшего света и заливает все вокруг. На мгновение стоявшие на корме инопланетяне исчезают из вида. Рут поправляет ремень, поддерживающий раненую руку, в которой по-прежнему зажат непонятный предмет.

— Дайте, перевяжу руку как следует.

— Не надо, все в порядке.

Инопланетное изобретение поблескивает или слабо фосфоресцирует. Я наклоняюсь, надеясь получше его рассмотреть, и шепчу:

— Отдайте мне эту штуку, а я передам ее Эстебану.

— Нет! — Она срывается с места и чуть было не валится за борт, — это их вещь, она им нужна!

— Вы что, совсем спятили? — Меня так возмущает ее приступ идиотизма, что я начинаю заикаться. — Н-нам же н-надо…

— Они нам не причинили никакого вреда. Хотя вполне могли бы.

Рут неотступно следит за мной, ни на мгновение не отводя глаз, при этом освещении вид у нее совершенно безумный. Хотя все реакции у меня по-прежнему замедлены, я все же понимаю, что несчастная психопатка непременно прыгнет за борт, если я сдвинусь хоть на шаг. И прыгнет вместе со своим прибором.

— Мне они кажутся мягкими и вежливыми, — вполголоса говорит она.

— Бог с вами, Рут, они же *чужаки*!

— Я к этому привыкла, — рассеянно замечает Рут. — А вот и остров! Остановитесь! Остановитесь здесь!

Лодка замедлила ход и развернулась. В ярком свете увитый лианами холм кажется крохотным. Среди листвы поблескивает металл самолета.

— Альтея! Альтея! С тобой все в порядке?

Крики, суматоха в самолете. Сейчас прилив, мы в лодке прямо над отмелью. Инопланетяне держались от нас на расстоянии, и в потоке слепящего света их трудно было

различить. Я вижу, как навстречу нам зашлепала светлая фигура. За ней, чуть медленней, последовала и другая, потемнее. Наверное, Эстебана сбивает с толку этот свет.

— Мистер Фелтон ранен, Альтея. Эти люди помогли нам добраться и доставить вам воду. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Альтея, подобравшись вплотную к борту, возбужденно вглядывается. — А что с тобой? Откуда этот свет?

Я механически протягиваю ей дурацкий мешок с водой.

— Передадите летчику, — резко говорит Рут. — Альтея, ты можешь забраться в лодку? Только побыстрее, это очень важно.

— Сейчас!

— Нет-нет, — запротестовал я. Лодка кренится, когда Альтея переваливается через борт. Инопланетяне что-то защебетали. Из треножника снова понеслись стоны: «Да-дайте, те-перь дай-те…»

— Que llega[3]? — рядом появляется лицо Эстебана, сильно щурящегося на свет.

— Возьмите у нее эту штуку, отберите у нее прибор, который она держит, — начинаю я было, но голос Рут перекрывает мой.

— Эстебан, поднимите мистера Фентона, из лодки. Он повредил ногу. Поторопитесь, пожалуйста.

— Черт побери, погодите! — ору я, но рука Эстебана уже подхватывает меня под мышки. А когда уж за вас берется индеец-майя, сопротивляться бесполезно. Я успеваю услышать как Альтея восклицает: «Мама, что с твоей рукой?», и падаю на Эстебана. Мы очутились в воде, доходившей мне до пояса, ног совсем не чувствую.

Когда я обретаю равновесие, лодка уже отплывает на несколько ярдов, женщины сидят там рядышком, и перешептываются, их лбы почти соприкасаются.

— Хватайте их! — Я вырываюсь от Эстебана и кидаюсь вперед. Рут встает во весь рост лицом к неразличимым инопланетянам.

— Возьмите нас с собой. Ну, пожалуйста. Мы хотим улететь с вами, улететь отсюда.

— Рут! Эстебан, остановите их!

— Я бросаюсь вперед, из последних сил, но ноги окончательно отказывают. Инопланетяне оживленно чирикают за своей световой завесой.

— Прошу, возьмите нас, — продолжает Рут. — Какой бы ни была ваша планета, мы сможем научиться — будем делать все, что потребуется! Мы не доставим вам никаких хлопот. Ну, пожалуйста. Я вас *умоляю*.

Тем временем лодка отплывает еще дальше.

— Рут! Альтея! Вы сошли с ума, подождите… — Рвался я за

ними, но только, как в кошмаре, еле волочил ноги по илистому дну. С проклятого треножника по прежнему слышится хрип: «Н-назад нет… б…больше, н-нет н-назад..». Альтея поворачивается навстречу звуку и широко улыбается.

— Да, мы понимаем! — восклицает Рут — Мы не хотим возвращаться. Пожалуйста, позвольте поехать с вами!

Я заорал. Эстебан, пробегая с шумом и плеском мимо меня тоже что-то кричит об их радио.

— Да-а, — стонет в ответ голос из треножника.

И Рут сразу садится и крепко обнимает Альтею. В этот момент Эстебан с силой цепляется за край лодки.

— Задержите их, Эстебан! Не дайте лодке уплыть.

По брошенному им на меня искоса взгляду через плечо, я понял, что происходящее его совершенно не волнует. Он успел хорошо разглядеть защитную окраску лодки и отсутствие рыболовного снаряжения на борту. Я делаю еще рывок и опять поскальзываюсь. Когда я достигаю, наконец, лодки, то слышу как Рут говорит:

— Мы отправляемся с этими людьми, командир. Пожалуйста, возьмите то, что вам причитается у меня из кошелька. Он в самолете. И отдайте вот это мистеру Фентону.

С этими словами она вручает ему небольшой предмет — записную книжку. Тот медленно принимает ее из рук миссис Парсонс.

— Не берите, Эстебан!

Но он уже отпустил лодку.

— Большое спасибо, — благодарит его Рут, расстояние между нами растет. Голос ее дрожит, поэтому она старается говорить громче. — Не бойтесь, Дон. Никаких осложнений не будет. Пожалуйста, отправьте телеграмму моей подруге. Она сразу поймет, в чем дело, и обо всем позаботится. — А затем миссис Парсонс произносит самую странную фразу за целую ночь: — Она важная персона — директор школы медсестер в N.I.H.

Лодка отплывает все дальше, я слышу как Альтея говорит что-то похожее на: «Вперед».

Боже правый… Минутой позже до нас доносится жужжание, и свет быстро тускнеет. Я в последний раз вижу миссис Рут Парсонс и мисс Альтею Парсонс — две тонкие тени на фоне света, похожие на двух опоссумов. Свет гаснет, жужжание становится громче и отчетливее — они уплывают, удаляются, исчезают.

Эстебан стоял рядом со мной в темной воде и методично излагал все, что о нас думает.

— Очевидно, это ее друзья, — неуклюже пытаюсь объяснить я. — И, похоже, ей захотелось уехать отсюда вместе с ними.

Не проронив больше ни слова, Эстебан дотащил меня до самолета. Пилот-майя лучше моего был готов к неожиданностям здешних краев, да и здоровьем крепче. Его состояние уже заметно улучшилось. Когда мы добираемся до цели, я замечаю, что гамак успели перевесить.

Ночи той я почти не помню. Знаю только, что переменился ветер. На следующее утро в половине восьмого мы услыхали рев моторов «Сессны», среди безоблачного неба. Покружившись, самолет сел на песчаную полосу.

К полудню мы вернулись в Косумель. Эстебан получил свое жалование и молча отправился вести битву за получение страховки.

Я оставил вещи миссис и мисс Парсонс агенту Карибской компании, который не проявил ни малейшего беспокойства. Потом отправил телеграмму миссис Присцилле Хейес Смит, в Бетесду. Записался на прием к врачу и в три часа дня уже сидел на террасе Кабаны с перебинтованной ногой, пил двойной коктейль, пытаясь убедить себя в подлинности всего происшедшего.

В телеграмме говорилось: «У меня и Альтеи появилась необыкновенная возможность попутешествовать. Уезжаем на несколько лет. Пожалуйста, позаботься о наших делах. С любовью, Рут».

Как нетрудно догадаться, она написала это еще днем.

Я заказал себе второй коктейль и подумал, что отдал бы все на свете, лишь бы поглядеть на тот прибор. Была ли на нем метка изготовителей? «Сделано на Бетельгейзе»? Но сколь бы он не был странен сам по себе, настолько надо было сдвинуться, чтобы вообразить?…

И если бы это одно… А ее надежды, ее план? «Если бы я только могла улететь отсюда…» Вот к чему она готовилась и о чем думала целый день. Ждала, надеялась, прикидывала, как бы ей забрать с собой Альтею. Улететь в чуждый, непонятный мир…

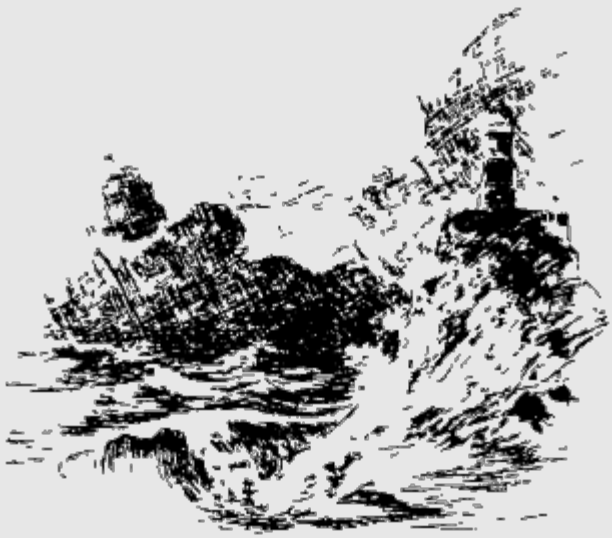
Выпив третий коктейль, я пытаюсь иронически подшутить над этими отчужденными женщинами, но на сердце у меня было тяжело. И ведь я до глубины души уверен, что действительно никого произошедшее не заденет, не встревожит. Две женщины, — одна из них, вероятно, беременная, — улетели, как можно судить, к звездам, и никому до это дела нет. Ткань общественных связей даже не поморщилась. Я размышляю: неужели все знакомые миссис Парсонс заведомо готовы к любому повороту судьбы, даже к расставанию с Землей? Хватит ли у миссис Парсонс изобретательности и желания послать еще одну весточку этой важной персоне, миссис Присцилле Хейес Смит?

Напоследок я заказал коктейль со льдом и подумал об Альтее. Какие планеты и свет каких неведомых солнц отразятся в скошенных глазах отпрыска капитана Эстебана, если таковой родится? *«Собирайся, Альтея, мы улетаем на Орион». «О'кей, мама».* Что это, результат особой системы воспитания? *«Мы живем в одиночку и парами, забившись в щели вашего мира машин… Я легко найду общий язык с инопланетянами…»* Она не придумывала. Безумие. Как могла женщина сделать подобный выбор, согласиться жить среди неведомых чудовищ, проститься навсегда с родным домом, с привычным миром?

Наконец выпитые коктейли оказывают желаемое воздействие, в голове все путается. Перед моим мысленным взором лишь два тонких женских силуэта, бок о бок, в неземном сиянии.

Два наших опоссума исчезли без следа.

СТО ДВАДЦАТЬ СВЕТОВЫХ ЛЕТ СПУСТЯ



НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНЯЗЕ В. Ф. ОДОЕВСКОМ

«… наш ум, изнуренный прозою жизни, невольно привлекается… таинственными происшествиями, которые составляют ходячую поэзию нашего общества и служат доказательством, что от поэзии, как от первородного греха, никто не может отделаться в этой жизни».

Ириней Модестович Гомозейко

Русский писатель, философ, педагог, музыкальный деятель, благотворитель, издатель «Мнемозины» (вместе с В. Кюхельбекером) и «Сельского чтения», автор первых в России утопических романов, сказок для детей и педагогических

сочинений, алхимик и кулинар, князь Владимир Федорович Одоевский, служивший в Министерстве внутренних дел, департаментах духовных дел иностранных исповеданий и государственного хозяйства, бывший ряд лет помощником директора императорской Публичной библиотеки и заведующим Румянцевским музеем, — личность даже для пушкинского времени людей блестяще образованных и одаренных, прямо сказать, выдающаяся.

Он жил, по словам его современника, «только для науки, для искусства, для поэзии и для друзей, то есть для всех порядочных и интеллигентных людей, с которыми встречался». А среди тех, с кем князь Одоевский в различные периоды жизни (родился он в 1803, по другим данным в 1804 г., а скончался в 1869) был близко знаком — А. Грибоедов и А. Пушкин, Н. Гоголь и М. Лермонтов, М. Глинка и А. Даргомыжский, Д. Веневитинов и братья Киреевские, М. Погодин и А. Григорьев, П. Вяземский, Аксаковы, И. Тургенев, В. Белинский, И. Панаев, Д. Григорович, П. Чайковский. Этот список можно продолжать почти до бесконечности: как и все расширяющийся круг занимавших его наук и областей человеческой деятельности, множился и круг лиц, соприкасавшихся с Владимиром Федоровичем, зачастую, попадавших в сферу его обаяния. Дружбою с ним дорожили прекраснейшие и образованнейшие дамы той поры, в том числе две ярчайшие звезды пушкинской плеяды: поэтесса графиня Евдокия Петровна Ростопчина, а также хозяйка литературно-музыкального салона, писательница, композитор, певица княгиня Зинаида Александровна Волконская, которой он посвятил «Санскритские предания».

Современному читателю князь Одоевский известен прежде всего как автор «Пестрых сказок» (1833) и философского романа «Русские ночи» (1844), романтических фантастических повестей «Живой мертвец», «Сильфида», «Саламандра», «Привидение», рассказов «Себастьян Бах», «Последний квартет Бетховена», светских повестей «Княжна Мими», «Княжна Зизи», утопического романа «4338 год». При жизни писателя, в 1844 году, вышло трехтомное собрание его сочинений — именно из него и перепечатывается основной корпус этих и некоторых других произведений. Однако только историкам литературы известна опубликованная там же новелла «Душа женщины», которую мы предлагаем вашему вниманию, где автор порицает тяжкий грех — гордость смирения.

Думается, что причина замалчивания этих произведений понятна: среди многообразных интересов князя Одоевского немалое место занимали вопросы религии, мистики,

таинственного потустороннего мира, на странствия в котором обречена душа после окончания земного пути. Как человек глубоко религиозный, о чем писал лучший из исследователей его творчества и жизни профессор П. Н. Сакулин (в кн. «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель». М., 1913), князь Одоевский серьезно был поглощен мыслью о соединении науки и религии. «Нет Науки и Поэзии без Религии, — писал он, — нет Религии без Науки и Поэзии», ибо в душе слиты три стихии' «верующая, познающая и эстетическая», причем «соединение их — есть гражданственность; их развитие — история народа».

Ирина Семибратова

Князь В. Ф. Одоевский

ДУША ЖЕНЩИНЫ

(Княгине Марии Александ. Волконской)

Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине.

Жуковский

Твой путь не кончился — о нет!
твой путь прервался, —
На лучшем поприще его ты довершишь.

Графиня Ростопчина

Она умерла. Дом наполнился плачем и стоном.

Друзья, родные цаловали ее поледеневшие ноги, чужие молились лицем о землю. Мало-помалу весть о ее смерти разнеслася по городу и со всех сторон собрались люди небывалые, никем незнаемые: вдовые, сирые, убогие; многие не умели даже назвать по имени свою утешительницу, но каждый рассказывал долгую повесть о благих подвигах покойницы.

Между тем, душа ее носилась над телом, с тем чувством, с которым, кидаясь в постелю, мы смотрим на сброшенную одежду; но едва проснувшаяся, душа не совсем еще покинула земные связи: еще она дышала смертным воздухом, еще радовалась благословениям окружавших страдальческое изголовье, еще скорбела их скорби.

Но вот, мало-помалу все ей легче и легче, невольно тянется она в отрадную вышину, — и с каждым устремлением постепенно скользят с нее земные узы, как капли дождя, сдуваемые с листьев полуденным ветром.

Вокруг нее воздушные степи, свет без теней, ни шороха, ни движения, ни звука, ни цвета, ни образа; ничто не тускнет, ничто не шелестит, ничто не мелькает, — светло, тихо, безбрежно… душа тянется все дальше и дальше…

Но вот, что-то мелькнуло! о радость! то гений-хранитель лучезарный, блистательный, — в его лике она узнала всех, кого любила в сей жизни, всех, кто любил ее. Гений-хранитель весело манит ее за собою… душа тянется дальше и дальше…

Вот послышалися ей чудные звуки, те звуки, которых иногда отголосок отдается в сердце человека, среди легкого сна, после долгой, горячей молитвы, звуки, которых он не умеет ни выразить, ни сравнить с чем-либо в другую минуту…, о! это не обман… пред юною душою во свете сияющие равнины, — не там ли плещут живые струи? — не оттуда ль пашет теплый, живительный воздух? — так уже все земные страдания кончились, и навек… навек все забыто… радость! восторг!… уже гений, улыбаясь, отворяет кристальные врата, — душа рванулась к ним всею силою воли… и остановилась; между нею и вратами как будто черная громовая туча; в той туче мрачные, неисчетные обители опускаются одна под другую; в каждой неистовствует один из грехов человека, от первого крика младенца до последнего стенания старца; и чем дальше, тем мрачные обители мрачней и обширнее; в самом низу клокочет черное пламя… там, что-то неизъяснимое падает в непрестанном кружении, все глубже и глубже, вечно и вечно — в бездну бездонную!…

«За мной! за мной! — говорил улыбаясь душе ее гений-хранитель, — не уж ли ты боишься сей бездны? — быстро

пронесешься над нею, — добрые дела твоей жизни поддержат тебя на полете… мужайся… врата отворены, мое вечное лобзание ожидает тебя…»

Душа снова рванулась на отрадный призыв, но заглянула на широкую бездну и отпрянула в ужасе.

— О нет! — говорила она с рыданием, мне ли недостойной, мне ли отворятся светлые двери… меня ли не поглотит черная бездна?.. — Там, в низменном мире, мне верилось, что какою-нибудь доброю мыслию я заслужу еще себе помилование; там тысячи личин одна за другою, скрывали от меня тайные, недосягаемые побуждения бытия! часто, часто углубляясь в свое сердце, я искала своего собственного судилища, нетерпеливо срывала одну личину за другою, и далеко в недосягаемой глубине сердца думала видеть истинного судию моей жизни — а этим судиею была новая личина, пред которой я безумно преклоняла колено.

Но здесь я вижу все ясней и яснее; здесь начинаю зорко читать те неприступные, таинственные буквы, смысл которых незаметно для меня управлял мною! — здесь я с отчаянием уверяюсь, что жизнь моя полна срама и нечистоты, — что не было в ней поступка, не было чувств, не было мысли, которые не заклеймены печатию греха неизгладимого!..

«О! не унывай! — отвечал гений, — собери свои силы… старайся припомнить всю жизнь свою… я знаю тебя — еще до рассвета ума твоего я стоял у изголовья твоей колыбели; ты смотрела на меня, ты улыбалась мне, и окружавшие тебя, по невольному чувству, говорили, что у тебя райская улыбка. Ты возросла, твой ум и сердце развернулись, и с той поры начались твои страдания; я знаю их все! сколько раз я с молитвою приклонялся к твоему сердцу, согревая его моим дыханием, чтоб оно не разорвалось от терзаний — о! тщательно хранил я его, тщательно поддерживал в нем елей доброты и бережно ограждал от буйных порывов жизни, чтоб не погасла святам лампада твоего духа. О! не на радость явилась ты в смертном мире: не улыбка матери встретила первые движения твоего духа; суровый взор чуждой тебе женщины был ответом на твои девственные чувства… Матери у тебя уже не было… мачеха смотрела на тебя с каким-то отвращением, отец почти позабыл о тебе… я все знаю: ты рвалась с любовию к окружающим тебя, ты хотела передать им все тайные, чистые движения твоего сердца, все игривые мечты, которые пролегали чрез твое детское воображение… тебя заставляли молчать, над тобою смеялись, тебе поставляли в вину каждую непритворную мысль, каждое откровенное чувство, тебя учили скрываться, тебя учили не любить и не думать, тебя учили

поклоняться демону самости и расчета — и ты не поклонялась ему, ты сохранила в себе дух независимый от смертного срама, ты сохранила в себе младенчество сердца, сохранила в себе радость при виде даров Провидения, при мысли о высоких человеческих мыслях».

— Правда! — отвечала душа, — но от чего? — от того, что я не могла остепенить моего воображения; от того, что мне скучны казались положительные расчеты жизни; мне надоело расчитывать каждый шаг свой; я лучше любила любоваться произведениями природы, искусства, не думать о завтрашнем дне, тешить себя мечтами воображения — не я, а ты, мой гений-хранитель, обуздывал его, когда оно вырывалось за неприступную границу… то была не добродетель — то было… наслаждение лени.

«Прошли годы. Ты яснее поняла жизнь; ты уверилась в ненависти к тебе твоей мачехи; помнишь, как она унижала твое девическое тщеславие; помнишь, однажды принесли тебе новый наряд, его блеском красиво оттенялись твои светлорусые локоны, ты оделась, подошла к зеркалу и едва, с невинною, чистою радостью, заметила, что ты не дурна, — как вошла твоя мачеха, сурово посмотрела на тебя, упрекнула тебя в том, что тебе и в мысль не приходило, она отняла у тебя твой прекрасный наряд, — тебе было очень горько, ты хотела заплакать, хотела идти жаловаться к отцу, и остановилась, скрыла свои слезы и с кротостию повиновалась…»

— Правда, но я боялась моей мачехи, я опасалась, чтоб от жалобы отцу не было мне еще хуже… то была не кротость, но тайный расчет, скрывавшийся в недосягаемой глубине рассудка.

«Прошли еще годы, отец по-прежнему был к тебе холоден, мачеха по-прежнему тебя ненавидела; не было уничижения, которого бы ты не претерпела, не было невинной утехи, в которой бы тебе не было отказано, не было слова, которое в обиду тебе не было бы перетолковано… ты все сносила с терпением…»

— Я боялась моей мачехи, знала ее власть над отцом моим…

«Прошло время, когда мачеха потеряла эту власть над отцом твоим; между ними появились холодность, раздор, упреки; ты могла воспользоваться этими минутами, ты могла открыть глаза отцу твоему, ты могла отомстить мачехе, ты могла отлучить ее от него — эти мысли приходили тебе в голову, но ты с трепетом отгоняла их, ты старалась напротив утишить гнев отца, ты старалась оправдать твою мучительницу, ты силилась восстановить между ними мир и согласие…»

— Так! но тайное чувство говорило мне, что когда отец ссорится с своей женою то мне еще хуже, в доме еще скучнее — и

к тому же… льстило моему тщеславию, когда чужие дивились «моему поведению.

«Наступила перемена в твоей жизни… за тебя посватался человек, которого ты не любила и не могла любить; денежные дела твоего отца была расстроены; этим замужеством он думал поправить свое состояние; ты все это знала; знала, что тебя продавали — и ты повиновалась отцу, ты вышла замуж за человека тебе немилого, неспособного ни любить, ни понимать тебя…»

— Так, я страдала! но тайное чувство заставляло меня на все решиться, чтобы только выйти из родительского дома, и увы!., во мне шевелилось другое чувство: моим блеском, моим богатством, наконец, моим самоотвержением я думала нанести жестокий удар моей мачехе…

«Ты не обманулась — она возненавидела тебя еще более… а ты — ты осталась по-прежнему почтительною, покорною, — утешительницею отца, миротворицею в семействе…»

— Да! но в глубине моей я утешалась тем, что эта ненависть еще более возвышает мою добродетель в глазах людей, меня окружающих…

Гений задумался.

«Посмотри, — продолжал он, — вниз на эту пылинку для смертного взора, на это таинство для духовного; слышишь, оттуда долетают сюда то нестройные, то гармонические звуки, которые иногда сливаются со звуками живых райских ключей; это земля, на которой ты жила; важное место занимает в планетном мире этот чудный посредник между светом и тьмою, которого таинств и мы, чистые духи, вполне постигнуть не можем… смотри, земля то блестит яркими, могучиши лучами, которые освещают всю вселенную и преломляются даже о кристальные врата райских селений, то погружается в глубокий, болезненный сумрак; там день и ночь, восход и закат солнца служат символами его глубокого таинства, но люди не понимают их… Смотри, в укромном уголке сей обители, чета супругов плачет, благословляет и молится о тебе. Узнаешь ли ты их? Помнишь ли, когда ты однажды, и не впервые, грустила о своей жизни? Помнишь ли то роковое письмо, которое убедило тебя, что муж твой тебя обманывает, что он предпочитает тебе жалкую, презренную женщину, что ей посвящены все его минуты, а тебе и детям остаются на долю лишь упреки, досада и презрение; помнишь, как ясно тебе было, что муж забыл тебя; друзья твои, знакомые говорили тебе, что он не только не скрывает своего поведения, но явно пред всеми старается унизить тебя. Помнишь, в эту минуту явился пред тобою прекрасный молодой человек,

робкий, смиренный, но с светлым умом, с пламенным сердцем; девственная слава уже осенила благородное чело его; он преклонил пред тобою колено, он заговорил тебе о любви… о! я знаю, любовь его была искренняя и все, что не было в ней преступление, было свято и непорочно. Он знал твою жизнь, глубоко сострадал он тебе, он хотел освободить тебя от презренных цепей, унести тебя в мир чудный, тебе до того еще неизвестный. С самоотвержения он хотел принести тебе в жертву все сокровища высокой души своей, согреть тебя дыханием любви и поэзии, посвятить тебя в таинства наслаждений, знаемых немногими, душа его вырывалась в словах, во взорах, в каждом движении, и магически на тебя действовала ты знала, ты верила, что он не обманывает тебя, ты жалела о нем, ты невольно трепетала… о, как боялся я тогда за тебя!., все было в твою пользу: и мнение света и мнение родных; твой брак с недостойным человеком мог быть разрушен, долгие счастливые дни могли быть твоим уделом, все бы оправдали тебя… но ты осталась непреклонна, чиста, непорочна.

«Долго длилась любовь его; ни твоя холодность, ни гнев, ни досаждения, не могли отклонить его от тебя; он страдал невыносимо; исчезла для него прелесть жизни — ты это знала, ты жалела о нем и осталась чиста и непорочна.

«Помнишь ли, однажды, вечером, дети твои спали, муж твой в объятиях недостойной прелестницы… ты сидела одна, ветер выл и наводил на тебя невыразимое уныние; тебе было очень грустно; ты вспомнила всю протекшую жизнь и с ужасом видела, что ты была одна, всегда одна; не было отзыва на твое сердце, жаждущее любви, не было даже ответной мысли на твою мысль. Печально ты вспомнила о прошедшем, еще печальнее смотрела в будущее. Тогда, невольно представлялся твоему воображению молодой человек, одних с тобою лет, умный, добрый, положивший к ногам твоим всю душу свою. Горькое, трудное было в тебе борение… в эту самую минуту он явился пред тобою; печать долгого, глубокого страдания была на лице его, рука его была холодна, она судорожно пожала твою руку и как огненные искры посыпались по твоему телу — о, как я трепетал тогда за тебя!..

«Ты смотрела на него, ты любовалась его прекрасным лицом, которое возвысилось еще красотою страдания… он говорил мало, но слова его прожигали тебя, ты упрекала себя в его терзаниях — о как трепетал я тогда за тебя! Я не мог проникнуть, что происходило в твоем сердце, в этом тайнике, которого глубины никто не может измерить; там все волновалось; чувства, мысли, быстрее молнии сменялись другим, то была непостижимая земля

в первую минуту мировоздания!.. я видел одно, что ты терзалась, как только может терзаться душа человека — трепетал, я скорбел о тебе… но как был я удивлен, когда заметил, что мало-помалу улеглися в тебе буйные страсти, ты начала другой разговор, с мудростию змеиною ты дала другое направление его и своим мыслям, и что же? ты стала говорить о твоих болезнях, о твоих телесных недостатка, ты с намерением старалась им дать вид самый безобразный, представить их неизлечимыми, — отвратительными!!. С удивлением, радостию, горем я смотрел на чудный подвиг, который ты совершала. Где другая женщина, которая бы решилась на это? Для внуки Евы ничто не страшно, ни гнев, ни презрение — все перенесет она, но отвергнуться телесной красоты своей, но волею возбудить отвращение даже в постороннем — о, это был подвиг великий и я тщательно внес его в скрижаль твоей жизни. Ты не ошиблась в твоей цели, ты разочаровала молодого человека… горько и прискорбно тебе было, что в ту минуту, когда он увлекался к тебе прежними порывами любви, воспоминание о твоем странном рассказе производило в нем невольное содрогание и пламенная речь застывала на языке его.

«Этого мало: прошло долгое время; ты захотела заменить ему себя другою, ты познакомила его с молодою девушкою, старалась их сблизить и едва заметила затеплившуюся любовь их, как ревность истерзала тебя; молодой человек показался тебе еще прелестнее, твое одиночество еще грустнее; все: и женское тщеславие, и говор света, и мысль о мрачном одиночестве, и досада, и зависть, жгучими язвами падали на твое сердце, но ты, чистая, непостижимая, ты все превозмогла! все перегорело в твоем горниле, осталось одно: непорочное милосердие к ближнему! ты бережно воспитала враждебную тебе любовь, ты оживляла, укрепляла ее, не день и не два, но целые годы!., и ты достигла своей цели: *он* совершенно разлюбил тебя смертною любовью, *он* привязался душою к избранной тобою сопернице, ты сочетала их браком, они Счастливы, у них дети, он исполнил все, что обещало его благородное сердце, но исполнил для другой, не для тебя; а ты осталась по-прежнему одна, без отрады, без утешения, без надежды на земное счастие, с мыслью, что человек, тебя любивший, не может вспомнить о тебе без благодарности, но и — и без отвращения!., и ни на чьем лице ты не встретила благодарного удивления! никто кроме меня не знал о благом твоем деле.»

— Все так, — отвечала душа, — но все мои терзания были лишь скорбию о моей собственной жизни… в далекой глубине сердца… самоотвержения не было, я… я… я не любила его…

«Кто разгадает тебя, чудная душа человека! Наступила другая эпоха твоей жизни; твои дети возросли, ты любила их всех равно, всех равно лелеяла, — но старший сын твой невольно чаще других привлекал твои взоры, ты в нем видела отца своим детям и тщательно берегла его сердце от нечистых чувств, его ум от нечистых помыслов. — Раз, собравшись с силами, как заветную тайну ты передала ему жизнь твоего мужа, не для того, чтоб он перестал уважать его, но чтоб пример отца служил ему уроком; ты раскрыла юноше все свое сердце, не утаила пред ним неизглаголанных страданий твоей жизни, ты вверила чистоте и пламени юношеского сердца… о! как ты жестоко обманулась! то, что ты рассказала своему сыну, лишь возбудило в нем чувственные помыслы; пример отца сделался для него не уроком, но *образуем;* погрязший в бездне неистовых страстей, он предал тебя, он рассказал отцу твои заветные, сердечные тайны; этого мало, он забыл тебя, он провожал целые дни в сообществе твоей недостойной соперницы, оправдывал ее и обвинял тебя… велико было твое горе! обидные речи сына доходили до ушей твоих! о! как я трепетал тогда за тебя! Каждую минуту я ожидал, что ты отвергнешь, что ты проклянешь его навеки — но ты с кротостью перенесла все: и обиду сына, и упреки мужа; их обоих ты старалась смягчить своею любовию, до той минуты, когда сын с рыданием бросился в твои объятия. И ты простила ему, ты все забыла. Высока и торжественна была эта минута в твоей жизни.»

— Все так, — отвечала душа, — но я знала нрав моего сына, я знала, что упреки еще более раздражат и удалят его от меня, я знала, что смирю его одною любовию и — сказать ли? в глубине моего сердца таилось другое чувство: мне бы досадно было, если бы люди заговорили, что я не умела привязать к себе своего сына, что он отвратился от меня.

Гений задумался.

«Но муж твой — муж! до самого конца жизни, — продолжал он, — ты сохранила покорность и уважение к своему мужу! довольно было одного его слова, и ты исполняла все его, часто своенравные, желания, без ропота, без тени неудовольствия.»

— Так! но я знала и нрав моего мужа, он был сумасброд и настаивал только на том, в чем ему препятствовали; самое горячее из его желаний теряло для него всю прелесть, как скоро оно могло быть исполнено; я это знала, покорность моя его обезоруживала и убивала его своенравие; легкомысленный, он забывал собственные желания и… оставалось место для исполнения моих; всегда он думал, что действует по своей воле, но в самом деле… всегда действовал по моей…

«И ничто, ни его жизнь, ни грубое обращение, ничто не

поколебало тебя; никто даже из лучших друзей твоих не слыхал от тебя ни тени жалобы, напротив, ты в сердце своем и на языке всегда находила оправдание его поступкам.»

— Так, но в глубине сердца я чувствовала, что ничто не возбуждает столько людского участия как молчаливое страдание; жалобы на мужа не облегчили бы моего сердца, тогда как льстило моей гордости постоянно возбуждать людское сожаление! Кто ропщет, тот в половину утешен, — людям уже почти не нужно утешать его; для меня же их участие, их удивление… были неистощимы — я это знала.

«Сверх твоего мужа ты имела врагов, ты им прощала, ты не роптала, ты старалась, напротив, оказывать им услуги.»

— Но это был лучший способ не иметь врагов…

«Ты не была предана греху порицания; никогда, ни в свете, ни в дружеской беседе, ни на письме, ни словом, ни взором, ты не осуждала никого, ни ближних, ни посторонних, ни сильных, ни слабых; для всякого проступка ты находила оправдание, для всякой вины прощение.»

— Так, но тайная мысль говорила мне, что иногда одно неосторожное слово может отозваться в продолжении жизни и сотворить нам врага непримиримого; эта же мысль говорила мне, что иногда существо самое незаметное может причинить нам много вреда, тем более опасного, что оно неожиданно.

Гений снова задумался.

Между тем, душа с робостию поглядывая в страшную бездну, отделявшую ее от райских селений, с восторгом замечала, что с каждым словом гения греховные обители мало-помалу исчезали; наконец, в недосягаемой глубине от страшной бездны осталась лишь одна неприметная черная точка.

Гений, радостно улыбаясь, снова обратился к душе:

«Не унывай! — сказал он, — вспомни все доброе, оставленное тобою на земле; вспомни, что не было страдания, которого бы ты не утешила; не докукою вымаливалась твоя милостыня, ты сама отыскивала вдов, сирот, немощных, заключенных, ты делилась всем, что имела, делилась последней крохой; я знаю, ты благотворила не из тщеславия; не только свет, но сами снисканные тобою не знали твоего имени: ты скрывала свои добрые дела с таким же старанием, как другие скрывают самые злые поступки… В сем деле ты не могла иметь никаких корыстных побуждений, ибо один я знал все доброе, сотворенное тобою втайне.»

Душа умолкла, в радостном трепете она взглядывала еще раз на неприметное пятнышко, которое одно мелькало в светлом, бесконечном пространстве, и в самозабвении потянулась к

отворенным, кристальным вратам…

Но в сие мгновение раздался громовой голос:

«Рано, рано! — проговорил он с хохотом, — еще остались на тебе следы земного праха, и смертная слепота еще не спала с очей твоих. Усердно отыскивала ты, душа правдивая, грехи свои в глубине сердечной, но ты забыла один, самый тяжкий: гордость смирения!»

И неприметная точка разрослась в мрачную, неизмеримую бездну, заклокотало черное пламя, гений потупил очи, кристальные врата затворились…

ТЕПЕРЬ ВЫ ЗНАЕТЕ

Лариса Михайлова,
Маргарита Разенкова

РОЖДЕННЫЕ ПЛАВАТЬ

Плавающие младенцы — это подъем особой высокой культуры, это воспитание суперребенка — здорового, закаленного, физически крепкого, разносторонне (двигательно и психически) развитого, умеющего в младенческом возрасте самостоятельно нырять и подолгу плавать, обладающего высокой энергетикой и физической работоспособностью. На таких детей меньше воздействуют самые различные отрицательные факторы, они быстро адаптируются к новым условиям жизни

И. Б. Чарковский

Тем, кто осознаёт свой долг по отношению к будущим своим

детям и решится дать себе труд подготовиться к вступлению в жизнь нового человека, в первую очередь адресована эта статья. Даже едва прикоснувшись к мощному потенциалу водных родов и акватренинга новорожденных, человеку непредубежденному не удастся равнодушно отвернуться от тех возможностей, что они способны дать. Не всякому, выросшему в плену стереотипов о том, как должно являться в мир, сразу захочется отказаться от привычных догм. И трудно судить, сколько лет еще минует, чтобы впервые начавшие практиковаться в России, принятые впоследствии в нескольких клиниках Европы, Америки и Австралии водные роды, о которых главный теоретик и практик их внедрения И. Б. Чарковский пишет книгу «Русский метод», стали восприниматься у нас в стране как нормальное явление. Но при всех оговорках хочется своим материнским правом поделиться видением образа того мира, краешек которого мы ощутили через своих детей, рожденных в воде.

Все изучавшие, хотя бы в школе, историю Древнего мира помнят древнегреческого героя Ахилла, славившегося своей неуязвимостью. Желая уберечь сына, мать погрузила младенца Ахилла в воды реки Стикс, держа его за пятку. В эту пятку герой потом и был поражен: выражение «ахиллесова пята» стало общеупотребительным для обозначения уязвимого места — личности человека, теоретического умопостроения или общественного устройства. Кто знает, отважься тогда Фетида окунуть сына целиком, как бы обернулась судьба… Это, конечно, метафора, однако защита психики и физического здоровья воднорожденного ребенка, даруемая ему акватренингом, вполне сопоставима с той легендарной, полученной Ахиллом.

Методы И. Чарковского не просто интересны, они уникальны. Только в его практике будущие мамы плавают с дельфинами, тренируясь в воде до самых родов, а младенцы в самом раннем возрасте способны часами находиться в воде, даже в море, спать на воде и есть под водой, активно нырять и перемещаться на километры в водном пространстве, а самое главное — общаться с дельфинами.

Метод Чарковского интересен еще и тем, что, пожалуй, любой человек может найти применение своим знаниям и способностям в его рамках. Идея водной адаптации человеческого существа объединяет самые прогрессивные направления педагогики, психологии, философии, физического совершенства и интеллектуального развития, которые переплетаются между собой, составляя единый гармоничный рисунок стройной системы. В дипломе Калифорнийского Сьерра-Университета о присуждении И. Чарковскому почетного звания «Доктор Службы

Человека» подчеркивается, что «Доктор Чарковский известен как провидческий исследователь возможностей человеческого развития, который первым проложил мост между наукой и метанаукой, создатель революционного метода деторождения, возвращающего человечество к его природных истокам».

Сейчас набирает силу формирование пренатальной культуры. В недавнем прошлом удивляли, вызывали массу вопросов и недоумение, а сейчас стали привычными такие понятия, как сознательное зачатие, духовное акушерство, пренатальная педагогика (внутриутробное воспитание), родовой импринтинг, снятие родовой травмы и пр. Замечательные книги (выходящие в свет за рубежом) носят такие названия: «Возрожденные роды» (М. Оран), «Духовное акушерство» (А. М. Гаскин), «Идеальное рождение» (С. Рэй), «Рождение в море. Роды как духовное развитие» (К. Гриском), «Волшебный ребенок» (Д. Г. Пирс), «За рождение без насилия» (Ф. Лебойе) и множество других.

Естественное мягкое рождение, и особенно водные роды — вот путь, который И. Чарковский в рамках своей идеи предлагает тем, кто ищет возможности формирования всесторонне развитого и экологически гармоничного человека. Практику водных родов он рассматривает не только как технику здорового деторождения, опирающуюся на внутренние силы материнского организма и сохраняющую неповрежденным психологический потенциал младенца. Сознательное водное рождение — это путь формирования нового типа личности, личности с развитым духовным сознанием. Самым важным в методике водных родов представляется, пожалуй, следующее: необходимо понять, что роды вообще — не только и даже не столько естественный физиологический процесс (хотя и это тоже очень важно), сколько проблема мировоззренческая. И главную роль в этом важном для семьи событии естественно должны сыграть родители появляющегося на свет малыша, а не медицинские работники с их огромным арсеналом традиционных средств родовспоможения. И если отец и мать будущего ребенка осознают значение родового опыта их малыша, а для них самих — родов, пережитых сознательно, то кроме этого им нужно понять фундаментальную важность их собственного участия в формировании личности ребенка до рождения.

Углубленная и разносторонняя пренатальная акватическая подготовка играет важную роль в раскрытии физического и духовного потенциала будущих родителей. Благодаря своим уникальным свойствам, вода позволяет беременной женщине вести динамически активный образ жизни вплоть до момента родов, научиться расслабляться в воде, овладеть своим дыханием.

Последнее особенно важно. Под влиянием сильных эмоций ритм и глубина дыхания меняются. Беременная женщина, как никто другой, должна сохранять спокойствие. И если она научилась владеть своим дыханием, она овладела произвольным расслаблением всех мышц организма. Такая физическая релаксация тренирует и психическое равновесие. В воде можно очень быстро и эффективно овладеть и техникой релаксации, и тем, что йоги называют пранаямой. В теплой воде будущая мама находится в таком же приблизительно состоянии, что и ее младенец. Это значительно облегчает установление контакта с ним на эмоциональном уровне. А серьезные занятия плаванием (с ритмичными ныряниями, медитациями) закладывают базу не только для физического, но и для интеллектуального роста будущего малыша. Да и сама будущая мама окрепнет и физически и морально. Беременность, а значит и роды будут проведены более сознательно. В воде происходит разгрузка суставов, движения становятся свободными. Будущая мама сохраняет легкость и изящество движений до последних дней беременности. Состояние полу-невесомости сокращает тонус, облегчает общее расслабление мышц, улучшает венозный отток (происходит профилактика расширения вен и отеков), трудоемкое передвижение в воде увеличивает дыхательную способность, а, кроме того, стимулирует кровообращение, оказывая благотворное влияние на плаценту и плод за счет улучшения насыщения крови кислородом. Теплая вода расслабляет, а значит устраняет ощущение стресса, если их испытывает будущая мама.

И все-таки не следует забывать, что окончательной целью акватической подготовки к родам является ментальное состояние, психическая гармония, без которой любые физические упражнения, какими бы они не были, останутся бесполезными. Необходим тонкий духовный контакт, спонтанная, эмоциональная связь в триаде мать — дитя — отец, доверие и гармония между любящими людьми.

Преимущества и благотворный эффект водных родов очевидны как для тех, кто сам непосредственно имел опыт в этом плане, так и для тех, кто в силу профессиональной необходимости изучал водные роды в клинических условиях (организация «Аквариус» в Бельгии; пре- и перинатальные центры в США, Австралии, Новой Зеландии; клиника в г. Питивьер, Франция и пр.). К великому сожалению, у нас в стране нет базы и практически нет специалистов-профессионалов в этом направлении, поэтому ни клинического, ни серьезного лабораторного анализа проблемы не проводится, и данные

системных исследований водных родов поступают пока только из-за рубежа.

ВОДНОЕ РОЖДЕНИЕ

Какие же преимущества имеет водное рождение? Как и в пренатальной подготовке, роженица использует водную среду для увеличения своей подвижности. В течение всего периода схваток ей необходимо двигаться, и не только плавать, но и нырять, ритмично затаивая дыхание (чему нужно обучиться и привыкнуть во время дородовой подготовки), что способствует гармонизации протекания всех физиологический процессов. Это ведет к значительному снижению болевых ощущений. Болевой порог снижается также вследствие того, что в воде, в состоянии, близком к невесомости, можно выбрать практически любую удобную позу, наилучшим образом расслабиться между схватками (а изучением техники релаксации будущие мамы также занимаются во время пренатальной акватической подготовки), отдохнуть, сэкономив силы перед следующим сокращением.

С помощью специальных упражнений — лотос, тайчи и др., известных не одну тысячу лет, можно научить шевелить и раздвигать кости таза и увеличивать эластичность родового канала для рождения ребенка с большими размерами тела. Специальные упражнения и медитация' позволяют женщине за счет увеличения эластичности связок развить в себе способность управлять своими костями. В восточных видах единоборств учат концентрировать энергию таким образом, чтобы в определенный момент какая-то часть тела становилась очень крепкой, жесткой, прочной. С помощью же определенной тренировки во время медитации можно сделать так, чтобы кости и связки перед родами стали очень податливыми.

Такая тренировка намного эффективнее в воде, создающей обратное (отрицательное) локальное давление, ибо во время родов в обычных земных условиях при мягких костях просто выпадут все внутренности. В воде комфортной для роженицы температуры ткани становятся эластичнее, размягчаются, мышцы расслаблены, схватки облегчаются. А значит, уменьшается страдание самого ребенка. Немаловажно знать, что роды — это испытание не только для женщины, но и для ее малыша. Дело в том, что внутриутробная его жизнь весьма отличается от «наземных» условий, и не столько потому, что новорожденного ожидает кислородный (из-за смены способа дыхания), световой и температурный стрессы (перепад температур до 20 градусов),

сколько потому, что девять месяцев он находился во взвешенном состоянии, близком к невесомости, ведя «водный» образ жизни в амниотической жидкости, а при рождении его ждет гравитационный удар. И, как уже нокаутированный боксер не перенес бы дополнительный ударов, так и для ребенка может стать роковым «удар» гравитации, если при родах он получил какую-либо травму.

Около полувека назад известный английский физиолог Дж. Баркрофт получил интересные экспериментальные данные, которые, правда, ему не удалось верно объяснить. Он установил, что организм плода овцы потребляет в 3 — 4 раза меньше кислорода на единицу веса, чем новорожденное животное. Но потребление кислорода резко уменьшится, если поместить новорожденного в теплый солевой раствор- прообраз внутриутробных условий В своей книге «Эволюция. Гравитация. Невесомость» П. А. Коржуев объясняет это явление: после рождения сразу же резко повышается энергопотребление и в основном — на преодоление гравитационных нагрузок. При выходе же малыша в воду (особенно если соблюдать принципы мягкого родовспоможения — отсутствие стимуляции, травмирующих психику больничных процедур, отсутствие наведенного стресса от страданий других женщин, близкие люди и привычная обстановка, ориентация на женщину, а не конвейерная система родов и пр.) — в значительной степени удается снизить энергозатраты на борьбу с силой тяжести, минимизировать родовые травмы, избежать разрушения некоторых, наиболее чувствительных клеток мозга и более разумно использовать сэкономленную энергию. Особенно это важно в том случае, если малыш родился по каким-либо причинам ослабленным. Ведь на борьбу с гравитацией он потратит те силы, которые необходимы для его развития.

И. Чарковский советует: «К родам в водной среде нужно готовиться не только физически, но и психологически — постоянно общаться с уже рожавшими в воде женщинами и с теми, кто собирается это сделать в ближайшем будущем. Надо присутствовать при обучении плаванию новорожденных, чтобы привыкнуть к воде, снять страх перед водой. Если мама не боится воды, страха не будет и у ребенка. Акватренинг — необходимый этап подготовки к водным родам и обеспечения быстрой адаптации младенца к водной среде.

Асфиксия новорожденного есть чаще всего следствие его нетренированности до рождения. Черепно-мозговые травмы, отек мозга, удушье связывают с чем угодно, только не с тем, что и мать, и ребенок не подготовлены к моменту рождения. Потому-то

женщина и должна уметь подолгу задерживать дыхание и создавать гипоксическое состояние не только для себя, но и для ребенка.»

Окунание в купель при крещении — это не просто религиозная традиция, а посвящение в сан человека, это тот же отголосок древних эпох, когда акт рождения предположительно был связан с водной средой. В некоторых древних буддийских монастырях рожали в воде, потому что это наименее травматический способ, наиболее перспективный для духовной сущности людей.

Страх человека перед водной средой основан на том, что' вода представляет собой опасность: родившийся ребенок может захлебнуться и утонуть. Но этот довод не имеет под собой физиологического обоснования. Ведь первый вдох происходит у младенца только после родов, иногда спустя довольно длительное время, после прекращения кровоснабжения через пуповину.

Вероятно также, что генетическая память человека удерживает образы каких-то хищников, населяющих воду, — акул, крокодилов, — а, возможно, и ранее утонувших людей. И хотя эти образы даже не всегда осознанны, неконкретны, расплывчаты, они могут создавать в целом негативное отношение к воде. Вероятно, что вода может отпугивать низкой температурой или нестерильностью. Но это не очень уж сложная технологическая проблема — приготовить воду соответствующей температуры и достаточной чистоты.

Следующие два раздела взяты почти целиком из рукописи книги Чарковского «Русский метод».

НОВОРОЖДЕННОЕ ДИТЯ

Родовые пути — это не Триумфальная арка. Рождаясь, ребенок так же испытывает болезненные ощущения, как и его мать. Он появляется на свет, с трудом преодолевая судорожную скованность нервно-мышечного аппарата матери. Его тело — мышцы, суставы, череп (мозг) — сдавливается, деформируется, а это нередко приводит к родовым травмам новорожденного. Родовые муки — это муки и матери, и ребенка. Травмируется и психика этого крохотного существа. Ему передаются те же материнские отрицательные эмоции тревоги, страха, отчаяния, которые запечатлеваются в его мозгу и еще долго будут тормозить и искажать его общее развитие. Он чувствует трудности матери, да и свою «вину», сковывается, не желая ей

боли. Возможно, и мать также ощущает не только сбои, но и его страдания.

После рождения муки и страдания ребенка продолжаются. К прессу земного тяготения добавляется постоянное статическое напряжение, создаваемое тугим пеленанием, которое, в сущности, противоестественно, ему нет аналогов в животном мире. Наоборот, после рождения ребенок должен получить возможность реализации своей естественной потребности в движении. Но это возможно лишь вне тугого пеленания, а еще лучше — в водной среде.

Возможно, древняя память диктует матери задание: обездвижить свое дитя, чтобы спрятать от того, кто мог бы на него посягнуть, например, от хищника, который реагирует обычно на движущуюся жертву. Все живые существа прячут своих детенышей в гнездах, норах, яйца зарывают в песок. На Руси существовал обычай прятать детей чуть ли не до года от дурного глаза и всяких напастей. Некоторые горные племена и сейчас прячут грудных детей в темных чуланах. Следовательно, мать пеленает свое дитя по традиции — так делали ее предки. Но делает она это и из чисто бытовых соображений: не будет мешать, не уползет, не упадет из кроватки и т. п. Да, так матери спокойнее — у нее освобождается время, она может поспать или что-то сделать. Но лучше ли эта принудительная гиподинамия, скованность, обездвиженность для ребенка?

Пеленки — это смирительная рубашка, это — китайская туфелька, сдерживающая развитие. Сдавленный, смятый гравитацией и тугим пеленанием младенец обречен на вынужденное затворничество. Искусственно создаваемый двигательный голод (гиподинамия) затормаживает физическое развитие, угнетает не только моторику, но и психику — гасится активность, нет естественного и свободного выражения чувств.

В клинике, как известно, не пеленают очень слабых и тяжелобольных младенцев, не давая им таким образом дополнительной нагрузки и создавая щадящий режим. Очевидно, что пеленание вообще физиологически не оправдано и не должно быть обязательной, традиционной для младенца процедурой.

Ни одно живое существо не выдерживает принудительного и долгого обездвиживания, в итоге — оцепенение, потеря способности к произвольным движениям, угасание жизнедеятельности, необратимые изменения и смерть. Справедливо утверждал В. Гете — «Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность».

Стереотип пеленания, стереотип ускоренного обрезания пуповины, — все они вовсе небезобидны для ребенка. Скажем,

совсем, казалось бы, невинный стереотип — вытирание голенького, покрытого первородной смазкой, только что выскользнувшего из родовых путей младенца. Казалось бы — что тут может быть плохого — красивенький, чистенький такой пупсик получается. А потом у этого пупсика без конца опрелости, дерматозы, шелушение кожи. И приходится обзаводиться целым арсеналом кремов и присыпок. Вы просто не поверите — ничего этого не надо, если не делать этого первого, «самоочевидного» обтирания. Через час, максимум полтора после родов вся кремообразная смазка впитывается в кожу, а пока, в первые минуты, столь же надежно защищает кожицу малыша от высыхания, как в материнской утробе — от размокания. Запускаются необходимые внутриклеточные механизмы регуляции кожных выделений — и дальше ребенка нужно только вовремя мыть, смазывать он себя будет сам.

Следующий вопрос. Сразу после рождения малыша отнимают от матери, лишают связи, защиты, опоры. Телесный контакт мать-дитя — самый чувствительный и сильный. Малыш в этот период целиком и полностью находится в биополе матери, и страх потерять ее — это дополнительный стресс, который отложится в подсознании на долгие годы.

В животном мире не принято бросать или даже надолго оставлять своих детенышей. Собаки, кошки, овцы, свиньи сами воспитывают свое потомство. Отнятых на несколько дней детенышей не принимают в свою семью овцы, как и самки многих млекопитающих. В проведенном опыте крысы изолировались от своей матери. И уже во втором поколении они при наличии пищи просто пожирали свое потомство. Это расплата за нарушение естественных законов природы. Это нарушение биологической программы сохранения и продолжения рода.

В другой серии опытов показано: если родившуюся обезьянку воспитывает не ее родная, а, так сказать, «чужая» мама, то в дальнейшем она, лишенная родительской любви и ласки, испытывает затруднения с партнером, не может спариться, а с трудом родив детеныша, нередко тотчас же загрызает его. Это разрушение материнских инстинктов наследственности.

Все животные, передавая свои родительские программы, стремятся помочь потомству быстрее войти в жизнь, обрести самостоятельность, побудить двигательную активность. В мире людей, наоборот, родители чаще всего формируют в детях пассивное восприятие мира, воспитывают их малоподвижными, вялыми, слабо приспособленными к жизни. Младенец почти все время проводит в положении лежа на спине, т. е опрокинутый навзничь. Физиологически это самое невыгодное положение.

Врачи-реаниматоры давно заметили такую особенность — если тяжелобольные дети подолгу лежат на спине, их жизнеспособность заметно снижается. (Не случайно умирание у многих животных, птиц и рыб связано с переворачиванием на спину. Упасть на спину — значит признать поражение, отказаться от борьбы. Это всегда символ слабости. Если животных после большой физической нагрузки класть на спину, у них нередко начинаются судороги, они долго не приходят в себя и даже могут погибнуть).

Весьма затруднительно, мало двигаясь, активно познавать мир. Обездвиженный младенец обречен не только на двигательный, но и информативный голод. Впечатления его мизерные, они ограничены четырьмя стенами и потолком над головой. Это нередко, хотя и не по своей вине, чрезмерно сытый, перекормленный, ожиревший до предела обжора и ленивец. Слепой материнский инстинкт, парализованный страхом разум, нелепые предрассудки родителей превращают здорового ребенка в слабого, вялого, с низкой жизнедеятельностью и жизнеспособностью.

Итак, «лишь полноценная реализация текущей адаптации в каждом периоде онтогенеза является обязательным условием для перехода в следующий период онтогенеза» — говорит профессор И. А. Аршавский. И упущение возможности активного развития двигательной функции младенца в водной среде невосполнимо в дальнейшем никакими специальными тренировками.

Но роды в море, в океане? Казалось бы, зачем усложнять и без того непривычную идею? И. Чарковский объясняет это так. Явление родового импринтинга — запечатлевания на подсознательном уровне опыта собственного рождения — достаточно хорошо изучено и не представляет загадки. Человечество сейчас стоит на грани экологической катастрофы. Необходимо в этой связи обратить серьезное внимание на то, как человек рождается и формируется на раннем этапе жизни, и именно сюда направить усилия. Вспомните движущуюся шляпу профессора Лоренца, за которой шли только что вылупившиеся утята, не знавшие с рождения настоящей своей мамы — утки. Не так ли и мы — поколение отчужденных от природы людей, появившихся в искусственных условиях больничной патологии? Поколение не только с ослабленным здоровьем, травмированным сознанием, но и с покалеченным отношением к природе, которую оно не любит, не понимает, боится, а поэтому — уничтожает. Не в этом ли истоки современных экологических кризисов?

Но если будущая мама во время беременности подолгу плавала в море, любовалась красотою окружающей природы, а

ребенок ее появляется на свет в окружении любящих людей, солнца или звезд, моря и скал, дельфинов и рыб, — происходят глубинные изменения сознания плода и новорожденного. И вот мы наблюдаем рождение эволюционного нового человека, с новым экологическим взглядом на окружающий мир, ощущающего в момент рождения и на всю жизнь запечатлевающего свою связь с природой, со всей вселенной. Лишь бы к тому времени, когда морские роды получат всеобщее признание, не оказалось, что осуществить их попросту негде слишком быстрыми темпами идет загрязнение и умерщвление окружающей среды.

Глубинным изменениям сознания существа, входящего в наш мир, способствует специальная практика медитаций на дельфинов, которой будущая мама обучается и которую практикует до родов.

Возможность и полезность общения между человеком и дельфинами, высказанная И. Чарковским и подтвержденная его практикой и многочисленными исследованиями других ученых и энтузиастов во многих странах мира, очевидна. В информационном проспекте Всемирной ассоциации аквакультуры в области терапии, экологии и исследовании человека (ВАТЕР), президентом которой избран И. Чарковский, подчеркивается: «Мы убеждены, что вместе с человеком китообразные являются наиболее высокоразвитой формой духовной жизни на Земле, и рассматриваем китов и дельфинов как разумную океаническую цивилизацию планеты, сосуществующую с нашей технологической цивилизацией. Мы полагаем, что осознание человеком своей неразрывной связи со всей целостностью жизни на планете и реализация этого осознавания в нашей повседневной этике есть важнейший шаг к изменению теперешнего патологического существования и деструктивного развития современной человеческой культуры».

Не всем еще понятна необходимость снятия стресса на воду, а попросту говоря — водобоязни, которая преследует практически каждого из нас и всю цивилизацию в целом. И снять этот стресс помогают дельфины. Специальная практика медитаций на дельфинов, овладеть которой легче в воде при ритмичных погружениях по методу И. Чарковского, помогает будущей маме войти в особое тонкое состояние, при котором она может увидеть своего ребенка, свои внутренние органы, проработать возможные страхи и стрессы, а самое главное — иногда удается установить телепатические контакты с дельфинами или другими китообразными, «подключиться» к их полю. Яркие медитационные образы видения дельфинов очень важны и для

плода, и для беременной женщины. Малыш получает необходимую энергию (иногда излечивается от возможно имеющегося заболевания), а также информацию через дельфинов, а для будущей мамы это является одним из очень важных тестов того, что роды в воде возможны и будут проходить легко и гармонично: ни у нее, ни у ее малыша нет стресса на воду.

Проработка подсознания плода позволяет дельфину при установлении во время медитации телепатического контакта воздействовать на плод, обучая его, подготавливая к рождению в воде, формируя его плавательные функции. Происходят глубинные изменения в сознании плода, освобождение его от могучего инстинкта водобоязни.

Эти глубинные «запреты на воду» моделируются на всех без исключения животных. В опытах, проводимых И. Чарковским, с помощью определенной техники удавалось изменить отношение «сухопутных» животных к воде, но для этого с ними порой приходилось работать на протяжении нескольких поколений. Человек же, расширяя свое сознание, медитируя, способен произвести на свет поколение не только плавательно способное, но адаптированное к жизни в воде значительно больше, чем любой, даже очень высокого класса пловец, а значит — с другим, экологическим взглядом на окружающий мир и пространство. Ведь если человек боится воды, занимающей 2/3 поверхности планеты, значит он боится большей части окружающего его пространства. И отношение к водной стихии в этом случае определяется лишь одним — покорить, подчинить себе, а если не получается, значит просто уничтожить! Задыхающееся от загрязнения Черное море, агонизирующий Арал, зараженная Волга, давно уже неблагополучный Байкал, радиоактивный Днепр и Припять, мертвые реки и речки индустриальных областей. Надо ли продолжать этот мрачный список?

И в этой связи контакты с дельфинами являются одним из могучих аспектов экологического образования, одним из возможных путей выхода из эволюционного кризиса.

ПРИУЧЕНИЕ НОВОРОЖДЕННОГО

К ВОДНОЙ СРЕДЕ

Многие традиционные методы обучения плаванию основаны на ошибочном принципе — чем старше ребенок, тем он лучше обучается плаванию и нырянию. А все как раз наоборот! Чем младше дети, тем они быстрее и лучше адаптируются к воде.

Сразу же после рождения следует держать ребенка в воде, рядом с матерью, возле ее груди. Водная среда для младенца — естественная среда обитания.

Для скорейшего приобщения новорожденного к водной среде необходимо использовать вкусовой анализатор. Если мать кормит дитя грудью, находясь вместе с ним в воде, к примеру в ванне, он быстро привыкает к водным условиям существования. Голова младенца вначале находится над водой, но постепенно все больше касается воды и наконец он питается, находясь под водой. Даже при искусственном кормлении мать также должна быть в воде с ребенком и приучать его питаться из соски под водой. Навык задержки дыхания в воде затем будет использован им при нырянии и плавании.

Питаясь под водой, малыш должен во время сосания задерживать дыхание. Чтобы научить его задержке дыхания, с ним предварительно проделывают на суше следующее упражнение: на его головку льется струйка воды из душа и ребенок невольно задерживает дыхание, мать сразу же погружается с ним под воду, где он и продолжает затаивать дыхание. Это повторяется многократно. Но обязательно каждому погружению сопутствует подкрепление — грудь матери или бутылочка с молоком. В воде ребенку приходится делать сразу два дела — сосать и одновременно задерживать дыхание. Эта задержка вначале кратковременная — 2 — 3 секунды, а затем все более и более длительная — до 10 — 16 секунд. Надо тонко чувствовать, когда у малыша появляется потребность в дыхании, и тогда приподнимать его головку над водой для вдоха. Потом он это будет делать автоматически. Не следует давать ему кричать и плакать — вдохнул и снова в воду. Так он постепенно привыкнет спокойно сосать под водой без страха и тревоги и дышать в паузах между одним и другим приемом пищи. Мать также должна есть из соски под водой — глядя на нее, это легче освоит дитя.

Чтобы вода не попадала в носоглотку, мать должна во время кормления прислонять ребенка носом к своей груди; можно также зажимать нос мягкой прищепкой или просто пальцами. Тогда уж точно дыхательные пути будут перекрыты (ртом он сосет, а носом дышать не сможет), и сосание будет идти непременно с задержкой дыхания. Кормить младенца надо не в удобной для него позе, а в положении, наиболее целесообразном для плавания, т. е. лежа на животе с поворотом головы в сторону на 90 градусов, как при плавании кролем.

Постепенно задания усложняются. Материнская грудь (или соска) отдаляется, отходит в сторону, ее нужно догонять затрачивать усилия, преодолевать какие-то препятствия на пути к

ней.

Необходимо всегда придерживаться следующего правила: приучать детей к воде с пищевым подкреплением только тогда, когда ребенок голоден. Если он сыт, то пассивен, его клонит ко сну, и работа с ним не будет эффективной. Когда же он оказывается под водой голодным, то активно сосет, забывая про страх и тревогу. Голодный ребенок делает вдох, не крича и не плача, так как доминанта от страха к воде смещается в сторону пищевого поощрения, т. е. подкрепления пищей рефлекса задержки дыхания.

Таким образом, через кормление в воде ребенок легко и быстро осваивает водную среду. Через несколько месяцев, добывая пропитание, он будет двигаться за мамой, нырять за ней, подолгу задерживая дыхание, а затем просто с удовольствием плавать, выныривая по мере необходимости из воды за воздухом, т. е. автоматически регулируя свою дыхательную функцию, подобно тому, как это происходит у водных млекопитающих. Этот автоматизм вырабатывается до такой степени, что грудной младенец спокойной спит в воде, лежа на животе и поворачивая во сне головку для вдоха. Он рефлекторно глубоко вдыхает, и его тельце, наполненное воздухом, хорошо держится на воде, как понтон.

Добывание пропитания под водой — самый простой и действенный способ приучения всех наземных водобоязненных существ к водной среде. Пищевое подкрепление после каждого погружения — эффективный метод, позволяющий вырабатывать у новорожденных и грудных младенцев положительный рефлекс поведения в воде.

К году жизни специально тренированные младенцы могут проплывать огромные расстояния. Плавание с периода новорожденности формирует у детей активность, самостоятельность, смелость, у них развивается хорошая ориентировка во времени и пространстве, лучшая приспособляемость к новым условиям, исследование, поиск; движения становятся все более координированными. Совершенно верно утверждал Н. Д. Ушинский, что сознание времени и пространства, а равно и измерение их, рождается из чувства наших собственных произвольных движений. У плавающих младенцев мощные мышцы, сильная нервная система, быстрая реакция. Реализация врожденных плавательных движений ускоряет процесс построения и освоения движений на суше. Юные пловцы более координированы, начинают раньше сидеть, стоять, ходить, в дальнейшем они быстрее осваивают речь, чтение и написание букв. У них лучше развито воображение, активнее

стимулируются потенциальные способности к музыке, танцам, рисованию и другим видам творчества.

Двигательные возможности новорожденных и детей грудного возраста поистине огромны Не надо бояться для закрепления каждой фазы обучения ежедневно повторять какие-то отдельные локальные двигательные задания по 300 — 500 раз Богатый двигательный опыт непременно благоприятно отразится на развитии психики ребенка.

Завершая эту статью, необходимо еще раз напомнить, что проведение акватреннинга требует от родителей большого упорства в достижении поставленной цели, так как наш образ жизни сейчас далек от природного, а бассейн — непозволительная роскошь Те, что доступны в городах, насмерть хлорированы и малопригодны для плавания младенцев Но даже просто ежедневные занятия в ванне (к ним можно подключать и старших детей, использовать разнообразные приспособления для многократных погружений, разработанные И. Б. Чарковским), дают весьма зримые результаты Дети начинают сидеть и ходить совершенно самостоятельно раньше «положенного» на 2 — 3 месяца В этом мы убедились на собственном опыте Подвижность суставов спасает от вывихов Развитие наблюдательности и интеллекта ускоряются, подкрепляемые безошибочной координацией движений Однако для того, чтобы пройти весь путь и раскрыть весь потенциал, сил родительских вполне может не хватить Тут очень важна поддержка единомышленников, таких, как те, что приходят в Центр родительской культуры «Святослав», один из немногих пока в нашей стране Единомышленников можно найти и через журнал «Путь к себе» Редакция «Сверхновой», естественно, всегда поделится имеющейся у нее информацией И, надеемся, найдется заинтересованный издатель для книги И Б Чарковского «Русский метод»

ИНДУСТРИЯ МЛАДЕНЦЕВ

(по материалам американской прессы)

Публикуется по материалам, помещенным в журнале «Вы и Мы» 1994, № 10

«Новые репродуктивные технологии» — холодные, безличные, механические слова, неуместные для самого естественного из всех природных процессов — деторождения мужчина и женщина занимаются сексом, она беременеет, и девять месяцев спустя у них родится ребенок.

В действительности процесс этот очень сложен попав во влагалище женщины, сперматозоиды — мужские половые клетки — начинают длинный, полный опасностей путь в чужой для них среде, и то, что в конце концов один из них достигает женской яйцеклетки и сливается с ней, является чудом.

Существует много причин бесплодия — расстройства овуляционного цикла у женщины, анемия сперматозоидов или недостаточное их количество в сперме у мужчин Еще одна из причин — приближение климакса.

После 35 лет способность к зачатию у женщины начинает резко падать В США многие женщины в молодости все силы отдают профессиональной карьере, отложив рождение детей на более зрелый возраст Но оказывается, что зачать ребенка после тридцати пяти, а тем более сорока лет, не всегда удается.

Тут и приходят на помощь новые репродуктивные технологии. И для бездетных супружеских пар открываются неожиданные возможности. Чудо рождения ребенка с помощью медицины становится доступным все большему числу бездетных семей.

ОТРЫВКИ ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА

Канадской королевской комиссии, посвященного новым репродуктивным технологиям, которые освещают некоторые этические проблемы, связанные с генной инженерией.

Гуманное общество ценит человеко роди самого человеко и выше всего ценит его уникальность. Наши моральные принципы говорят: ценность всех людей и каждого в отдельности — одинакова. Генетические улучшения (enhancement) могут привести к созданию общество, в котором будут люди, считающиеся неполноценными, поскольку их генетика не подверглось улучшению.

Применение генной инженерии ведет к превращению человека в товар — личность становится вещью, ее можно менять в соответствии с чьим-то понятием совершенства. Это неуважение к жизни и достоинству человека, нетерпимость к многообразию форм человеческой личности чреваты самыми отрицательными последствиями — дискриминацией некоторых категорий людей и развитием в них чувство неполноценности.

Любое использование генной инженерии вызывает тревогу: люди невольно начинают вынашивать дискриминационные теории — какие генетические улучшения могут быть разрешены, кто получит к ним доступ и т. п. С генной терапией таких проблем нет — вмешательство генной терапии имеет место в тех случаях, когда пациент страдает тяжелыми генетическими нарушениями, подлежащими медицинскому вмешательству.

Но изменение генотипа человека — это, в сущности, селекция, к которой прибегают, исходя отнюдь не из медицинских показаний. Значит, необходима иметь жесткие критерии для вмешательство генной инженерии. Что это будет — лотерея? Или, что ближе к истине, доступ к улучшению генотипа получат лишь те, кто может за это платить?

Естественно желание продлить свой век, развить свои таланты, пополнить биоэнергию (vigor), естественно желание дать все это и своим детям. Но к этому надо стремиться, улучшая социальные и экономические факторы, которыми обусловлено наша повседневная жизнь. Комиссия считает неприемлемой ориентированную на пол селекцию с помощью генной инженерии, которая подрывает принцип равенства. По ее мнению, недопустимо конструировать пол ребенка в угоду желанию первым родить мальчика, строить семьи с преобладанием сыновей, увековечить культурную

деградацию женщин. Существует, к счастью, достаточно оснований утверждать, что в Канаде оплодотворение, ориентированное но половую селекцию, вряд ли будет использоваться в этих целях. Желание иметь сына, которое, по-видимому, было присуще канадской семье в прошлом, почти повсеместно исчезло. Хотя некоторые родители высказывают робкое желание, чтобы первым ребенком родился мальчик, меньше 2 % канадцев серьезно рассматривают возможность использования ориентированного на пол искусственного оплодотворения для исполнения своей прихоти. Мы сочувственно относимся к желанию иметь в семье хотя бы одного ребенка каждого пола — в семьях, где есть дочери и сыновья, отношения, как правило, складываются гармонично. Но мы убедительно показали, что, решая вопрос о допустимости ориентировочной на пол селекции, необходимо принимать в расчет и другие факторы. Если мать с отцом смогут выбирать пол ребенка, не будет ли это способствовать укоренению того заблуждения, что пол ребенка — дело очень важное, не будут ли дети чувствовать неполноценность из-за принадлежности к определенному полу. Эти соображения приводят нас к выводу, что искусственное оплодотворение, ориентированное на селекцию по признаку пола, не найдет распространения в Канаде.

Летопись канадской медицинской генетики убедительно свидетельствует о том, что различные методы внутриутробного диагностирования до того, как они начинают внедряться в практику, проходят самое строгое тестирование на безопасность и эффективность.

И тем не менее, на наших публичных слушаниях, в обращениях в комиссию мы постоянно сталкиваема с проявлениями недоверия и подозрительности по отношению к деятельности генетиков со стороны граждан.

Людей беспокоит то, что частный сектор в погоне за прибылью будет разрабатывать для борьбы с бесплодием новые современные технологии в ущерб альтернативным методам лечения и что промышленность будет финансировать создание новых препаратов, вместо того чтобы заботиться о предупреждении бесплодия. Общественное мнение обеспокоено тем, что медицинские исследования, проводимые на человеке, осуществляются без достаточно разработанных

этических норм, и что корпорации могут обойти гуманитарные принципы, которыми обязаны руководствоваться канадские ученые, проводя исследования и испытывая получаемую продукцию в странах, где нет строгих правил, защищающих здоровье и достоинство человека…

В Канаде существует всего четыре коммерческих банка замороженной спермы, четыре коммерческие клиники, где проводится оплодотворение in vitro, две клиники, где можно выбрать пол будущего ребенка, нет ни одного коммерческого агентства, занимающегося подбором промежуточной матери.

Тем не менее, нет никаких гарантий, что эта ситуация в ближайшем будущем не изменится; даже небольшое количество поставленных на коммерческую основу заведений способно толкнуть развитие новых репродуктивных технологий в нежелательном направлении и спровоцировать их быстрое распространение. Но у нас имеется возможность действовать, бороться, и мы не должны упустить ее.

В 1978 году в Великобритании появился на свет первый в мире зачатый в пробирке младенец — Луиза Браун. Оплодотворение произошло с помощью новой репродуктивной технологии, называемой «оплодотворение in vitro», так как эмбрион зарождается в стеклянной лабораторной посуде в клинике и затем имплантируется в организм матери.

С тех пор только в США, Канаде и Пуэрто-Рико появилось на свет более двадцати трех тысяч младенцев, зачатых in vitro или с помощью других методов искусственного оплодотворения.

Вот как работает один из таких центров в канадском городе Калгари.

Обратившейся в клинику женщине врач или медсестра объясняют, что представляет собой весь процесс оплодотворения in vitro и какому риску женщина подвергается. Затем и муж и жена проходят медицинское обследование, так как необходимо выяснить, не страдают ли они определенными заболеваниями.

После этого женщину начинают готовить к удалению яйцеклеток. За две недели до операции женщине впрыскивают в нос препарат «суперфакт» (superfact), воздействующий на гипофиз, и он перестает выделять гормоны, заведующие овуляцией. Кроме того, за шесть дней до первого посещения

центра ее семейный доктор ежедневно делает ей инъекцию препарата «перганол», богатого гормонами. Обычно в женских яичниках в течение одного меноцикла созревает одна яйцеклетка. Но под действием перганола созревают сразу несколько — от десяти до двенадцати яйцеклеток.

На седьмой день и последующие 4–5 дней женщина посещает центр, где ей делают дополнительные инъекции перганола и берут анализы крови, которые показывают, происходит ли в яичниках созревание половых клеток. Кроме этого, с помощью ультразвука измеряются величина фолликулов, в которых содержатся яйцеклетки.

Когда фолликулы достигают двух с половиной квадратных сантиметров, врачи извлекают из них иглой, направляемой ультразвуком, микроскопических размеров яйцеклетки, которые помещают в специальный раствор в чашку Петри. Туда же добавляется сперма. Затем удаляют неоплодотворенные яйцеклетки. А из оплодотворенных максимум три яйцеклетки не позже чем через 48 часов возвращают в матку. Оставшиеся эмбрионы сохраняют в жидком водороде.

После имплантации женщина час лежит на откидном кресле, чтобы не потревожить внедренных в матку эмбрионов. Если через две недели месячные не начались, женщина идет к своему врачу и обследуется на беременность. Если месячные пришли, женщина повторно обращается в центр.

Оплодотворение in vitro — очень дорогая операция, ее оплачивают страховые компании — в одних местах полностью, в других — частично. В Клинике бесплодия в Оттаве (Канада) стоимость первой операции — 4500 долларов, оплачивается она через государственную систему страхования здоровья. Стоимость лекарств 1800 долларов, эти расходы в 90 % случаев берут на себя страховые агентства, и только 10 % семей платят за лекарства сами.

Неиспользованные эмбрионы обычно замораживают и сохраняют на всякий случай. Если операция оказалась неудачной, их можно разморозить для повторной операции. Стоимость хранения эмбрионов в оттавском центре — 500 долларов первый год, и 100 долларов — все последующие. Эти расходы оплачиваются самими пациентами.

В США стоимость таких операций выше, чем в Канаде, причем пациенты зачастую платят за них — полностью или частично — сами.

В какой степени эти операции успешны? Вот что говорит статистика, представленная крупнейшим Центром репродуктивной медицины Северной Калифорнии, имеющим пять

частных клиник В результате 91 операции оплодотворения in vitro за год, 23 женщины родили 37 младенцев, среди которых были двойни и тройни. На первый взгляд это довольно незначительных успех, однако приведенные цифры точно соответствуют вероятностному прогнозу естественной человеческой селекции.

Кроме того, более чем десятилетний опыт медицинских учреждений, работающих в этой области, показал, что среди детей, зачатых in vitro, число родившихся с каким-либо дефектом не выше, чем среди детей, зачатых естественным путем. При естественном зачатии число детей с врожденными дефектами колеблется от 1 % до 3 %, при оплодотворении in vitro количество таких детей составляет 0,8 % — 2,1 %. И еще интересно отметить: из 17800 детей, зачатых искусственным путем в США, Канаде и Пуэрто-Рико с 1981 года, — 22,4 % двойни и тройни, тогда как естественные роды дают всего 2 %.

Репродуктивные клиники Канады и США предлагают сейчас различные варианты оплодотворения in vitro.

В «пробирочном» зачатии могут участвовать:

а) яйцеклетки матери и сперма мужа или партнера,

б) яйцеклетки матери и сперма анонимного донора,

в) яйцеклетки анонимного донора и сперма мужа или партнера,

г) яйцеклетки и сперма анонимных доноров.

Недавно появилось сообщение о новой технологии оплодотворения in vitro — более дешевой и легкой для женщины. Вместо дорогостоящего перганола, производимого из человеческой мочи, который женщине приходится принимать две-три недели перед удалением яйцеклетки, начали применять синтезированный препарат «кломифен» (clomiphene), таблетка которого стоит 35 долларов, и применяют его всего пять дней. Перганол воздействует на яичники так, что в них одновременно созревают до двадцати яйцеклеток; кломифен стимулирует рост только трех или четырех яйцеклеток, которые можно извлекать амбулаторно, а не в операционной, что экономит еще около тысячи долларов. Хотя кломифеновых яйцеклеток гораздо меньше, но в них, как сообщают, нет никаких дефектов, и они так же хорошо оплодотворяются. С кломифеном на сегодняшний день только одна проблема — не очень много шансов (5 — 15 %) забеременеть с первой попытки. Врачи рекомендуют некоторым женщинам после имплантации эмбриона гормонотерапию, чтобы стенки матки стали более восприимчивы.

По мере того, как растет общественное признание искусственных методов оплодотворения, и к детям, зачатым in

vitro, перестают относиться с недоверием, стало все больше появляться банков спермы, которые становятся процветающим бизнесом. Сейчас в США существует около 150 таких банков. Воспользовавшись услугами скорой почтовой доставки (одни сутки) и кредитной карточкой, женщина может теперь безо всяких хлопот купить готовую к употреблению сперму, упакованную в сухой лед.

Один банк постоянно помещает рекламные объявления в газетах Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, приглашая доноров на условиях 100 долларов за сеанс: «Требуется головастая сперма, тупиц просят не беспокоиться».

В недалеком прошлом врачи крепко держали в руках контроль над искусственным оплодотворением, рекомендуя его только тем супружеским парам, которые способны, по их понятиям, быть хорошими родителями. Одинокие женщины и лесбиянки не смели и мечтать о возможности забеременеть неполовым путем. Но в последние два десятилетия положение стало заметно меняться.

Сначала женщины, подвергавшиеся остракизму, стали добывать сперму через друзей или через друзей своих друзей, и сами дома делать искусственное оплодотворение с помощью банального кухонного прибора — шприца, которым отсасывают сок со дна сковородки и поливают индейку. Отсюда детей, зачатых таким способом, называют «индюшата».

С течением времени банки стали продавать сперму замужним и незамужним женщинам независимо от их сексуальной ориентации или способности к деторождению. С появлением СПИДа банки спермы начинают играть еще более важную роль. Получая сперму из банка, женщина уверена, что донор прошел не одну проверку на СПИД.

Появление и быстрое распространение банков спермы порождает самые странные и неожиданные ситуации. Например, приговоренные к смерти узники калифорнийской тюрьмы Сан Квентин стали обращаться к администрации с просьбой, чтобы им разрешили оставить женам и возлюбленным замороженную сперму. Или процесс, когда жена с детьми судилась с любовницей мужа, покончившего с собой и упомянувшего в завещании 15 пробирок замороженной спермы, за обладание этими пробирками.

Сегодня, однако, эта область медицины характеризуется, по словам одного юриста, ужасающим отсутствием каких-либо правил. Донорам многих банков разрешено сдавать сперму неограниченное число раз, так что мужчина за несколько лет

может стать отцом сотни детей, что создает реальную угрозу инцеста. Один калифорнийский врач так часто сдавал сперму, когда учился на медика в Вашингтоне, что не советовал своим детям искать невест и женихов в этом городе: они могут оказаться единокровными братьями и сестрами.

Еще одна проблема, вызывающая озабоченность: какой информацией должны располагать банки о своих донорах. В одних банках предпочтение отдается физическим характеристикам, в других упор делается на способности и профессиональные успехи. Но гораздо важнее обязать донора пройти общее медицинское обследование, провериться на инфицирование болезнями, передаваемыми половым путем, и составить генетическую историю семьи. Эти обследования помогут свести к минимуму опасности, которыми чревато внеполовое зачатие для женщины и особенно для ребенка.

Спрос на яйцеклетки уже стал превышать предложение. В отличие от получения спермы — процесс, который требует для большинства мужчин всего-навсего пластмассовую чашку и номер журнала «Пентхаус» или «Плейбой», получение яйцеклетки — операция небезразличная для здоровья женщины.

Еще одна проблема связана с эмоциональной сферой. Одна студентка так ее сформулировала: «Я не могу даже представить себе, чтобы ребенок с моим генетическим кодом затерялся где-то в мире».

Врачи, юристы, да и вообще многие люди серьезно озабочены проблемой пересадки яйцеклеток. Один критически настроенный ум высказался таким образом: «Доноры, без сомнения, торгуют своей репродуктивной способностью. А раз вы можете продать свою яйцеклетку, вы с тем же успехом можете продать и свое дитя». Этот аргумент встретил отпор со стороны женщины-юриста, специальность которой — законы, касающиеся бесплодия, усыновления и удочерения. Она считает, что брать яйцеклетки безвозмездно — эксплуатация. «Материальная компенсация — это справедливо, — говорит она. — Это возмещение донору потраченного времени и усилий».

Женщин-доноров привлекает перспектива хорошего заработка. В рекламных отделах газет можно встретить такие объявления: «Помогите бездетным супругам осуществить свою мечту. Плата за услугу — 2000 долларов». Однако приглашение стать донором, обращенное к студенткам, имеет свою отрицательную сторону — желание заработать или просто нужда может одержать верх над благоразумием: не имея своих детей, молодые девушки еще не могут оценить всю серьезность последствий подобный операций.

Новые репродуктивные технологии развиваются так быстро, что то и дело возникают самые удивительные и подчас пугающие ситуации. Рассмотрим несколько уже имевших место или ожидаемых в ближайшем будущем.

Теперь ребенок может иметь в репродуктивном процессе пять родителей: доноров яйцеклеток и спермы, родителей-клиентов, которые будут растить и воспитывать ребенка, и промежуточную мать (surrogate mother), в матку которой пересажены яйцеклетки и которая девять месяцев носит под сердцем плод. Женщина может согласиться на роль промежуточной матери либо ради денег, либо по доброте душевной, либо по той и другой причине вместе. Не так давно одна не очень молодая женщина родила собственного внука — это был акт любви по отношению к дочери, которая сама не могла родить.

В лаборатории шотландских исследователей родился мышонок, выращенный из яйцеклетки утробного плода абортированной мыши. Если подобное будет перенесено на человека, то может появиться на свет ребенок, чья генетическая мать вообще никогда не существовала. В отличие от предыдущего случая, когда у женщины, родившей внука, была жива дочь, в данном гипотетическом случае бабушка родит внука, просто перешагнув через поколение.

Не так давно женщина-негритянка родила белого младенца. Ей были пересажены яйцеклетки белой женщины: негритянка и ее белый муж хотели, чтобы у их ребенка было лучшее будущее.

В римской клинике англичанке 59 лет имплантировали яйцеклетки от донора и она благополучно родила двойню. Вскоре после этого, в июне 1994 года, в той же клинике после подобной же операции родила шестидесятидвухлетняя женщина.

Сейчас идут горячие дискуссии о том, насколько разумно и этично рожать детей в постклимактерическом возрасте. Французское правительство решило принять закон, запрещающий искусственное оплодотворение пожилых женщин. И сразу же стали раздаваться голоса, критикующие решение правительства как скороспелое. Министр здравоохранения, защищающий этот законопроект, заявил, что поздняя беременность, созданная искусственно, не только аморальна, но и опасна для жизни ребенка и матери. Он призвал женщин не поддаваться эгоизму и не пытаться беременеть после наступления менопаузы.

Против законопроекта выступила известная писательница Элизабет Бадинер: «Никто никогда не запрещал иметь детей двадцатилетней девушке, наркоманке и даже инфицированной ВИЧ, — сказала она. — Так почему женщина в 60 лет, которая способна быть прекрасной матерью, не может иметь права родить

ребенка?». Газета «Ле Монд» пишет, что беременность пожилых — второстепенная проблема по сравнению с призывами овладеть умением проектировать «идеальных детей», используя генную инженерию.

Не только правительства, но и некоторые женские группы занимают жесткую позицию по отношению к новым репродуктивным технологиям. Самая крупная женская группа Канады «Национальный комитет действия по проблемам статуса женщин» призывает:

— Установить мораторий на открытие новых центров искусственного оплодотворения, пока существующие не будут подвергнуты тщательной проверке.

— Выступать против института промежуточных матерей, делающих из этого бизнес.

— Выступать против создания человеческих эмбрионов для исследовательских целей и требовать запрета разработки технологий, обеспечивающих производство эмбрионов, а также финансирования этих исследований.

— Установить мораторий на предимплантационное диагностирование человеческого эмбриона, призванное выявлять в оплодотворенной яйцеклетке генетические дефекты перед тем, как он будет пересажен в матку.

— Требовать точной формулировки критериев добровольного генетического анализа, который должен проводиться только в случаях крайней необходимости.

«Мы должны все более решительно отстаивать эти требования, — сказала бывший президент Национального комитета действия Джуди Ребик. — Речь идет о наших правах распоряжаться собственным телом. Мы сейчас говорим не о праве выбора нескольких женщин, а о коллективных правах всех».

И тем не менее, исключительно важно сохранить за женщиной право самой принимать решения, касающиеся воспроизведения потомства. В июне 1994 года вышла в свет книга Джона Робертсона «Дети выбора: свобода воли и новые репродуктивные технологии». Позицию автора можно выразить в нескольких словах: человек сам принимает решение иметь или не иметь детей — это его фундаментальное право, независимо от того, способен он к деторождению или нет. И он сам должен выбирать способы зачатия и аборта: оплодотворение in vitro, таблетки, вызывающие мини-аборт и т. д., без всякого давления и вмешательства государства, пока оно не научилось при решении этих вопросов ставить во главу угла интересы человека. Это государству редко удается, утверждает автор. Он говорит, что непоколебимая верность принципу свободы выбора в вопросах

воспроизводства требует уважения к совместным решениям сексуальных партнеров Именно они и никто другой решают, замораживать и хранить эмбрионы или уничтожить; обращаться ли к услугам промежуточной матери (пусть даже вынашивающая плод женщина в будущем изменит решение и не отдаст рожденного ею ребенка); и даже, скорее всего, им принадлежит право решать вопрос генетического улучшения эмбриона.

В этом обзоре материалов, освещающих новые рубежи, на которые вышли сегодня репродуктивные технологии, и те серьезные проблемы, которые они ставят перед обществом, мы коснулись лишь нескольких важных вопросов и только наметили темы дальнейших дискуссий. Мы еще не раз вернемся к ним на страницах «Вы и Мы». А пока ждем от вас писем с откликами и мнениями.

Колетт Шульман

ЖУРНАЛ «ВЫ И МЫ»

Журнал «Вы и Мы» — это своего рода эксперимент и опыт общения американок и женщин из стран бывшего Советского Союза, в рамках программы «Диалог Женщин СНГ/США» Национального Совета по женским Исследованиям США. В одиннадцати выпусках журнала «Вы и Мы» в течение последних четырех лет отразились как история женского движения США, проблемы и права женщин в Америке, так и становление независимого женского движения в СССР, России, на Украины и других странах СНГ.

Мы будем очень рады Вашим письмам с откликами и комментариями по любым вопросам, важным для диалога и взаимопонимания между женщинами и мужчинами наших стран. Мы с удовольствием н них ответим. Вы можете нам писать в США по адресу *The Women's Dialogue US/CIS, National Council for Research on Women, 530 Broadway, New York, NY 10012, USA.*

Пока еще подписки на наш журнал нет. В СНГ журнал распространяется бесплатно по почтовой рассылке на основе существующей базы данных, включающей около трех тысяч читателей. В настоящий момент мы обновляем сеть рассылки журнала.

Если Вы хотите или стать постоянной/ым читательницей/лем нашего журнала, пожалуйста, заполните анкету на обороте и отправьте ее по адресу

Россия, 117218, Москва, ул. Красикова, дом 27, ИСЭПН РАН,

Московский Центр гендерных исследований (с пометкой. журнал «Вы и Мы»).

Следующий, 12-й номер журнала «Вы и Мы» будет распространяться нами, предположительно, в марте 1995 года, и, по мере наших возможностей, мы постараемся учесть каждое из Ваших пожеланий в этой заявке.

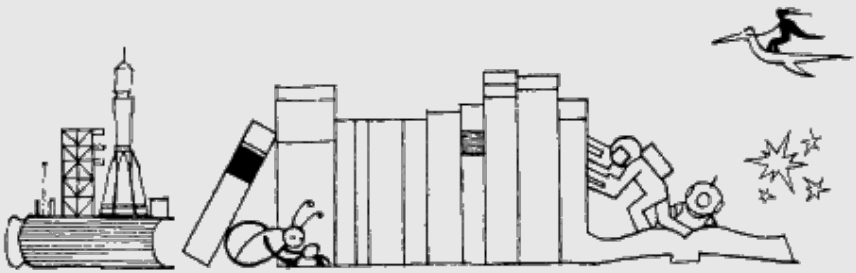
С благодарностью за Ваш читательский интерес.

Коллет Шульман, со-редактор журнала «Вы и Мы» (США)

Елена Конкина, социолог Московского центра гендерных исследований

7 декабря 1994 года

БИБЛИОГРАФИЯ



Татьяна Добрусина

ЭНДРЮ НОРТОН

В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Список русских переводов (кроме публикаций в периодике) старейшей леди американской фантастики будет, надеемся, полезен тем, кто интересуется ее творчеством. Если же его сравнить с библиографией произведений и серий в книге: Нортон Э. Приключения «Королевы Солнца». — М.: Новатор, 1991., то можно выяснить, что из ее романов, повестей и сборников еще не переведено на русский язык. Интересна эта библиография может быть и тем, что по ней в общих чертах прослеживаются тенденции издания зарубежной фантастики на русском языке.

Очень одинокая публикация в 1969 году «Саргассов в космосе». Где? Конечно, в «Мире», и с предисловием Стругацких. И тишина на двадцать лет. Первая рябь на поверхности в 1989, постепенно усиливающаяся в 1990. Набирающая мощность волна 1991 года и сокрушительный вал 1992… Множество скверных и посредственных переводов.

К 1994 году продолжали, практически, издаваться только «Избранные фантастические произведения» «Зеленоградской книгой», но зато вышел уже 24-й том. Добротные переводы.

Интересно будет понаблюдать за дальнейшим развитием событий.

Составитель.

1. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 1: Королева Солнца. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1992. - 606 с. — (Переменные звезды). - (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Саргассы в космосе; Зачумленный корабль; Планета колдовства; Проштемпелевано звездами.

2. Нортон Э. Избранные фантастические произведения: Т. 2: Звездная стража. — Зеленоград- Зеленогр. кн., 1992. -519 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Последняя планета; Кошачьим взглядом; Звездный охотник; Звездная стража.

3. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 2: Звездная стража. — Зеленоград- Зеленогр. кн., 1994. -519 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 15 000 (доп. тираж) экз.

Содерж.: Романы: Последняя планета; Кошачьим взглядом; Звездный охотник; Звездная стража.

4. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 3: Серая магия. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1992. - 413 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Серая магия; Колдовской мир; Паутина Колдовского мира.

5. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 4- Колдовской мир. — Зеленоград- Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. — 510 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Трое против Колдовского мира; Волшебник Колдовского мира; Волшебница Колдовского мира.

6. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 5- Гаран вечный. — Зеленоград- Зеленогр. кн., 1993. -414 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Кристалл с грифоном; Год единорога; Гаран вечный.

7. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 6: Янус /Пер. Л. Моргун, К. Прилипко. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1992. - 415 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Суд на Янусе; Победа на Янусе; Тайна

затерянной расы.

8. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 6: Янус /Пер. ЛМоргун, К. Прилипко. — 2-е изд., доп., испр. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1994. - 416 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Суд на Янусе; Победа на Янусе; Тайна затерянной расы.

9. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 7: Темный трубач. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд., 1993. - 414 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Ледяная корона; Темный трубач; Ивон, рыцарь рога.

10. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения. Т. 8. Кн. 1: Война во времени /Пер. З. Хашимов, Д. Арсеньев. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. - 350 с. (Англо-амер. фантастика XX в.). 75 000 экз.

Содерж.: Романы: Торговцы во времени; Покоренный корабль.

11. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 8. Кн. 2.: Война во времени /Пер. Л. Гриднева, Д. Арсеньев. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. - 350 с. (Англо-амер. фантастика XX в.). 75 000 экз.

Содерж.: Романы: Патруль не сдается-1; Ключ из глубины времен.

12. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 9. Кн. 1: Лунная магия /Пер. К. Прилипко. — М.: Зеленогр. кн.; Сигма-Пресс, 1994. - 414 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Лунная магия: Кн. 1. Луна трех колец; Изгнанники звезд.

13. Нортон Э. Избранные фантастические произведения: Т. 9. Кн. 2: Лунная магия /Пер. Л. Гриднев. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. - 382 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Лунная магия: Кн. 2. Полет на Йик-тор; Отважиться пойти на охоту.

14. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 10: Ночь масок. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. - 350 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Ночь масок; Звездное колесо; Опасные сны.

15. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 11: Нет ночи без звезд. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. - 350 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Зеркало Мерлина; Нет ночи без звезд.

16. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 12: Камень Предтеч /Пер. АЛрокофьева, З. Хашимов. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. -415 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Камень Предтеч; Звезды, не нанесенные на карты.

17. Нортон Э. Избранные фантастические произведения: Т. 13: Королева Солнца-II /Пер. Д. Арсеньев, КПрилипко. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1993. - 446 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Э. Нортон, П. М. Гриффин. Подчеркнуто звездами: Пятый роман из серии «Королева Солнца»; ЭЛортон. Корона из сплетенных рогов; Опасные сны.

18. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 14: Тройка мечей /Пер. К. Прилипко. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Сигма-Пресс, 1994. - 348 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Пояс из Леопарда; Тройка Мечей.

19. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 15: Грифон торжествует. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Сигма-Пресс, 1994. - 384 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Грифон торжествует; Проклятие Зарстора.

20. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 16: Повелитель зверей /Пер. В. Щербакова, К. Прилипко. — Зеленоград: Зеленогр. кн., 1994. - 382 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Повелитель зверей; Повелитель грома.

21. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 17: Кошачьи врата. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Сигма-Пресс, 1994. - 446 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Преданья Колдовского Мира; Кошачьи врата.

22. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 18: Здесь обитают чудовища /Пер. Я. и Д. Савельевы. — Зеленоград: Зеленоград, кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1994. -350 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 25 000 экз.

Содерж.: Романы: Глазом чудовища; Здесь обитают чудовища.

23. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 19: Семь чудес к воскресению /Пер. Д. Арсеньев, Т. Коробкова, М. Шамрай. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Сигма-Пресс, 1994. - 416 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Повести: Э. Нортон, Д. Мэдли. Мир Звездных Ко'отов; Э. Нортон. Семь чудес к воскресенью; Э. Нортон,

Ф. Миллер. Волшебный дом.

24. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 20: Предтеча. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1994. - 383 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 25 000 экз.

Содерж.: Романы: Предтеча; Предтеча: приключение второе.

25. **Нортон Э.** Избранные фантастические произведения: Т. 22: Дом теней /Пер. Д. Арсеньев. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1994. - 352 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 25 000 экз.

Содерж.: Романы: Э. Нортон, Г. Э. Хоггарт. Чихнешь в воскресенье; Э. Нортон, Н. Э. Миллер. Дом теней.

26. **Нортон** Э. Избранные фантастические произведения: Т. 24: Железные бабочки /Пер. Д. Арсеньев, ВГЦербакова. — Зеленоград: Зеленогр. кн.; Ангарск: Амбер, Лтд, 1994. -448 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 25 000 экз.

Содерж.: Романы- Железные бабочки; Удача Рэйлстоунов.

27. **Нортон** Э. Ведьмы из Эсткарпа: Сб. — М.: ТОО «Фея», 1992. - 381 с. — (Клуб любителей фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Ведьмы из Эсткарпа; Повести: Драконья чаша; Кузнец видений; Янтарь из Квейса; Сказание: Лягушки Гиблого дола.

28. **Нортон** Э. Ведьмы из Эсткарпа: Сб. — Челябинск: ТОО «Фея»; НВП «Пластикинформ», 1992. - 426 с. — (Мастера мировой фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Роман: Ведьмы из Эсткарпа; Повести: Драконья чаша; Кузнец видений; Янтарь из Квейса; Сказание- Лягушки Гиблого дола.

29. **Нортон** Э. Взглядом кошки; Колдовская планета /Сост. Е. Девис. — М.: ТПО «Кириллица», 1992. - 272 с. — (Современная фантастика). 100 000 экз.

30. **Нортон** Э. Галактический патруль /Пер. В. М. Мартов. — М.: Вся Москва, 1991. - 204 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Звездная стража; Последняя планета.

31. **Нортон** Э. Год Единорога- Романы и повести. — Н. Новгород: Флокс, 1992. - 416 с. — (Фантастика. Приключения. Детектив). - (Библиотека зарубежной фантастики). 200 000 экз.

Содерж.: Романы: Хрустальный грифон; Год Единорога; Повести: Дракон в серебряной чешуе; Жабы Гримме-дейла; Янтарь Хейла; Рассказ- Кровь сокола.

32. **Нортон** Э. Да здравствует лорд Кор! — М. — Триада-Топи-кал; ПО «Детская книга», 1993. - 112 с. — (Land Fantasy). 60 000 экз.

33. **Нортон** Э. Дзанта из унии воров: Романы. — СПб.: АО «Эгос», 1992. - 336 с. — (Клуб любителей фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Дзанта из унии воров; Здесь обитают чудовища.

34. **Нортон** Э. Долгая ночь ожидания- Романы, повести, рассказы /Пер. А. Дейч, Н. Хохлова, Н. Резанова. — Н. Нов-город: Флокс, 1993. - 480 с. — (Фантастика. Приключения. Детектив). - (Библиотека зарубежной фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Операция «Поиск во времени»; Гэран вечный; Кошачьим взглядом; Повесть: Да здравствует лорд Кор!; Рассказы: Мышеловка; Тайна «Императрицы Марса»; Долгая ночь ожидания; Дары Асти.

35. **Нортон** Э. Зачумленный корабль: Сборник: Т. 1. — Новосибирск: Изд-во «Александр Ярушкин», 1991. - 320 с. 100 000 экз.

Содерж.: Повести: Саргассы в космосе; Зачумленный корабль.

36. **Нортон** Э. Зачумленный корабль: Романы. — Ташкент: Импульс-Союз, 1991. - 335 с. 60 000 экз.

Содерж.: Зачумленный корабль; Планета колдовства; Проштемпелевано звездами; Чумная планета.

37. **Нортон** Э. Звездные врата; Суд на Янусе; Победа на Янусе: Романы. — М.: Изд-во ДО «Глаголь», 1992. - 432 с. — (Библиотека фантастики «Атлас»). 100 000 экз.

38. **Нортон** Э. Зеркало Мерлина: Сб. — Новосибирск: Тимур, 1992. - 478 с. — (Шедевры фантастики; 1). 25 000 экз.

Содерж.: Зеркало Мерлина; Духи времени; Гаран вечный.

39. Нортон Э. Колдовской мир: Роман /Пер. М. Гуткина. — Л.: Об-ние «Комплекс» ЛО СП «Автокомп», 1990. - 168 с. — Прил к журн. «Новая фантастика». 50 000 экз.

40. **Нортон** Э. Колдовской мир: Романы /Пер. С. Степанов, АПахомова. — СПб.: Северо-Запад, 1992. - 411 с. — (Fantasy). 200 000 экз.

Содерж.: Кн. 1: Колдовской Мир; Кн. 2: Паутина Колдовского мира.

41. **Нортон** Э. Королева Солнца: Романы. — М.: Комета: МП «Центрполиграф», 1992. - 478 с. — (Осирис; 3). 100 000 экз.

Содерж.: Саргассы в космосе; Зачумленный корабль; Планета колдовства; Проштемпелевано звездами.

42. **Нортон** Э. Кошачьим взглядом; Звездная стража; Зеркало Мерлина: Романы. — М.: МП «Энтальпия», 1992. -415 с. — (Серия «Мифы Вселенной»; Вып. 2). 50 000 экз.

43. **Нортон** Э. Кристалл с грифоном; Волшебница колдовского мира; Да здравствует лорд Кор! — М.: МГИРП «Находка», 1992. — 362 с. — (Фантастика-Находка; Т. 2). 50 000 экз.

44. **Нортон** Э. Луна Трех Колец- Романы. — Екатеринбург:

МП «Виктори», 1992. - 448 с. 200 000 экз.

Содерж.: Луна Трех Колец; Железная клетка; Время Юртов.

45. **Нортон** Э. Мастер зверей- Романы. — Н. Новгород: НПП «Параллель»: «Фрегат»; Тула- Филин, 1994. - 543 с. — (Мир фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Мастер зверей; Бог грома; Бархатные тени.

46. **Нортон** Э. Научно-фантастические романы. — М. — Фирма «АДА», 1992. - 444 с. — (В мире звезд; 1). 100 000 экз.

Содерж.: Операция «Поиск во времени»; Темный трубач; Кошачьим взглядом.

47. **Нортон** Э. Опасные сны: Романы. — Новосибирск: Фирма «Тимур», 1992. - 433 с. — (Шедевры фантастики; Вып. 3). 25 000 экз.

Содерж.: Опасные сны; Предтечи; Бремя Юртов.

48. **Нортон** Э. Операция «Поиск во времени»; Вторжение к далеким предкам; Луна Трех Колец: Романы /Пер., сост. В. Мартов. — М.: Ретекс, Ltd., 1993. - 464 с. — (Любителям фантастики. Клуб «Золотое перо». Вып. 8). 100 000 экз.

49. **Нортон** Э. Паутина колдовского мира: Роман /Пер. М. Гуткина. — Л.: Объединение «Комплекс» ЛО СП «Автокомп», 1991. - 133 с. — Приложение к журналу «Новая фантастика». 50 000 экз.

50. **Нортон Э.** Поиск **во** времени /Пер. Т. Романова. — М.: РИПОЛ, Джокер, 1993. - 367 с. — (Joker book). 100 000 экз.

Содерж.: Операция «Поиск во времени»; Поиск на перекрестке времен; Да здравствует лорд Кор!

51. Нортон Э. Приключения «Королевы Солнца»: Сб. /Пер. А. Малин; Сост. А. Дорофеева, А. Баранова. — М.: Новатор, 1991. - 398 с. — (Библиотека зарубежной фантастики. Первая серия: В 12 т.; Т. 1). — Послесловие и библиография Э. Нортон — С. 387 — 395. 160 000 экз.

Содерж.: Саргассы космоса; Зачумленный корабль; Планета Зомби; На штемпеле — звезды…

52. **Нортон Э.** Саргассы- в космосе: Роман /Пер. С. Бережков, С. Витин; Авт. предисл. А. и Б. Стругацкие. — М.: Мир, 1969. - 230 с. — (Зарубежная фантастика). Тираж не указан.

53. **Нортон** Э. Саргассы в космосе: Роман /Пер. С. Бережков, С. Витин. — М.: Изд-во МАИ, 1989. - 224 с. 100 000 экз.

54. **Нортон** Э. Саргассы в космосе; Зачумленный корабль; Планета колдовства; Проштемпелевано звездами: Романы /Авт. послесл. В. Гаков. — Ангарск: Амбер, Лтд; М.: ТОО «Лантерна», 1992. - 480 с. — (Англо-амер. фантастика XX века). 50 000 экз.

55. **Нортон** Э. Саргассы в Космосе: Романы /Сост. А. Максимов. — Ярославль: Нюанс, 1993. - 768 с. — (Мир звезд). 50

000 экз.

Содерж.: Романы: Саргассы в Космосе; Зачумленный корабль; Планета колдовства; Проштемпелевано звездами; Чумная планета; Повести: Всадник с Вордена; Звездный охотник.

56. **Нортон** Э. Серая магия; Колдовской мир; Паутина колдовского мира- Романы. — Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. -378 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

57. **Нортон Э.** Скитальцы космоса: Сб. /Пер. А. Снежко. — Таллин: Б-ка «Лооминг», 1992. - 399 с. — (Б-ка зарубеж. криминал, и приключ. романа; Вып. 5. Зарубежный ост-росюжет. детектив). 100 000 экз.

Содерж.: Саргассы в космосе; Зачумленный корабль; Планета колдовства; Чумная планета.

58. **Нортон** Э. Сокровище таинственной расы: Роман /Пер. П. Дымов. — Л.: Худож. лит., 1991. - 124 с. 100 000 экз.

59. **Нортон** Э. Суперкарго с «Королевы Солнца»: Романы / Пер. С. Бережков, С. Победин, Ю. Соколов; Сост. А. Белевцева. — М.: Фея, 1991. - 350 с. — (Мастера мировой фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Саргассы в космосе; Галактический почтовый.

60. **Нортон** Э. Сын звездного человека: Роман /Пер. В. Фридман. — М.: ДО «Глаголь», 1991. - 252 с. — (Карманная библиотека). 50 000 экз.

61. Нортон Э. Сын звездного человека; Поиск на перекрестке времени: Романы. — М.: Слог; Иваново: Фирма «Стрелец», 1992. - 318 с. 75 000 экз.

62. **Нортон Э.** Трое против Колдовского Мира: Романы /Пер. А. Пахомов и др. — СПб.: Северо-Запад, 1992. - 607 с. — Продолж. кн. «Колдовской мир». 100 000 экз.

Содерж.: Трое против Колдовского Мира; Заклинатель Колдовского Мира; Волшебница Колдовского Мира.

63. **Нортон Э.** Угрюмый дудочник: Роман /Пер Д. Арсеньев. — Пермь: МП «Кн. мир», 1991. - 250 с. — (Boys club). 100 000 экз.

Эндрю Нортон в сборниках

1. Нортон Э. Бездарный маг: Повесть //Общественное порицание: Сб. /Пер. Е. Дрозд. — Симферополь: Таврия, 1990.

2. **Нортон** Э. Всадник с Вордена: Повесть //Убить бога: Сб. прозы США /Сост. А. Сазонов. — СПб.: «Васильевский остров» _ фил. об-ния «Всесоюз. молодеж. кн. центр», АО «МСТ», 1992. — С. 100 — 227.

3. **Нортон Э.** … Все кошки серы: Рассказ //Харон обратно не перевозит: Сб. /Сост. А. Каширин. — М.: Мол. гвардия, 1994.

4. **Нортон** Э. Да здравствует лорд Кор! //Калейдоскоп. Альманах № 2. — Самара: СамВен, 1993. — С. 2 — 27.

5. **Нортон Э.** Звездная стража. Роман //Нортон Э. Звездная стража; Андерсон П. Крестоносцы неба. — Киев: Респ. об-ние «Джерело», 1991. — С. 5 — 174.

6. **Нортон** Э. Звездная стража: Роман //Звездный легион. — СПб.: Б-ка «Звезды», 1992. — С. 3 — 151.

7. **Нортон** Э. Звездная стража: Роман //Нортон Э. Звездная стража; Желязны Р. Свет и тьма; Хайнлайн Р. Двойная звезда: Романы, рассказы /Пер. Л. Ткачук и др. — Ставрополь: Кавк. край, 1992. — С. 3 — 162.

8. **Нортон** Э. Звездная стража: Роман //Грех чародейства. — Тверь: АО «Книжный клуб»: ТОО «Посредник», 1993. -С. 93 — 254.

9. **Нортон** Э. Звездный охотник: Роман //Живой металл. — Н. Новгород: Нижегородский филиал СП «ИКПА», 1991.

10. **Нортон Э.** Звездный охотник //Гамильтон Э. Звездные короли; Нортон Э. Звездный охотник: Роман, повесть /Пер. В. Полуэктов. — Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во. Сахалин, отд-ние: Лит. — изд. об-ние «Лик», 1992. -С. 120 — 212.

11. **Нортон Э.** Колдовской мир: Роман //Рорк: Сб. романов / Пер. Д. Арсеньев. — Пермь: Алейтейа, 1993. — С. 285 — 462.

12. **Нортон Э.** Луна Трех Колец: Повесть //Космические оборотни. — М.: Агра: Инрезерв, 1992.

13. **Нортон Э.** Мышеловка: Рассказ //Харон обратно не перевозит: Сб. /Сост. А. Каширин. — М.: Мол. гвардия, 1990.

14. **Нортон Э.** Наемники Галактики: Повесть //Планета приключений-1 /Сост. А. Саяпин. — Таллинн, Мелор, 1993. -С. 202 — 334.

15. **Нортон Э.** Наследие Сорновой топи: Повесть // Общественное порицание: Сб. /Пер. Е. Дрозд. — Симферополь: Таврия, 1990.

16. **Нортон Э.** Опасные грезы //Брэкетт Л. Женщина с Альтаира; Венерианская колдунья; Нортон Э. Опасные грезы; Ле Гуин. Город иллюзий. — Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1993. — С. 100–268.

17. **Нортон Э.** После судного дня: Повесть //Планета приключений-1 /Сост. А. Саяпин. — Таллинн, Мелор, 1993. -С. 335 — 489.

18. **Нортон** Э. Последний бастион: Повесть //Последний бастион: Сб. /Сост. А. Лютиков. — СПб.: АО «ЭГОС», 1992. -С. 125 — 262.

19. **Нортон Э.** Предтечи //Королева ведьм Лохленна. — М.: Т-

во «Клышников, Комаров и Ко», 1993. — С. 399 — 541.

20. **Нортон** Э. Рейнджеры космоса: Повесть //Планета приключений-1 /Сост. А. Саяпин. — Таллинн, Мелор, 1993. -С. 3 — 135.

21. **Нортон Э.** Саргассы в космосе: Роман //Нортон Э. Саргассы в космосе; Гаррисон Г. Неукротимая планета. — Новосибирск: Гермес, 1991.

22. **Нортон** Э. Саргассы в космосе: Роман //Нортон Э. Саргассы в космосе; Пол Ф., Корнблат С. Операция «Венера» / Пер. С. Бережков, С. Витин и др. — М.: «Все для вас», 1992. — С. 3 — 164.

23. **Нортон Э.** Саргассы в космосе: Роман //Приключения в космосе. — М.: РИА «Юго-Запад», 1992. — С. 65 — 151.

24. **Нортон** Э. Сокровище таинственной расы //Убить бога: Сб. прозы США /Сост. А. Сазонов. — СПб.: «Васильевский остров» — фил. об-ния «Всесоюз. молодеж. кн. центр», АО «МСТ», 1992. — С. 228 — 331.

25. **Нортон** Э. Сокровище таинственной расы //Убить бога: Сб. прозы США /Сост. А. Сазонов. — СПб.: «Васильевский остров» — фил. об-ния «Всесоюз. молодеж. кн. центр», АО «МСТ», 1992. — С. 228 — 331.

26. **Нортон** Э. Суд на Янусе: Повесть //Работорговцы космоса. — М.: Руссико, 1992. — С. 425 — 559.

27. **Нортон** Э. Хрустальный грифон: Повесть //Королева ведьм: Сб. /Пер. СЛевин, АЛопов и др. — Пущино: Культура; М.: АО «Титул», 1992. — С. 242 — 370.

28. **Нортон Э.** Янтарь Кейта: Повесть //Королева ведьм: Сб. / Пер. СЛевин, А. Попов и др. — Пущино: Культура; М.: АО «Титул», 1992. — С. 371 — 407.

29. **Нортон** Э, Мэдли Д. Кошки из космоса: Повесть //На суше и на море. 1991 — 1992. — М.: Мысль, 1992. — С. 357 — 395.

ИНВАРИАНТ

Алексис де Токвиль (1805–1859)

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Продолжаем публикацию глав пророческой книги А. де Токвиля. Предыдущие главы: Предисловие к журнальной публикации. — Предисловие автора к Двенадцатому французскому изданию. — Введение, Глава I. Внешние очертания Северной Америки (№ 4, 1994). Глава II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. Причины некоторых особенностей англоамериканских законов и обычаев (№ 5, 1994). гл. III. Общественный строй англоамериканцев. Глава IV. О принципе народовластия в Америке (№ 6, 1994). Глава V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом (№ 1–2, 1995).

Печатается по изд.: Алексис де Токвиль.

Демократия в Америке. М., «Прогресс», 1992.

Перевел Валерий Олейник

Глава VI

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ

УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА

Англоамерикацы сохранили все отличительные черты судебной власти, которые присущи ей и в других странах. — Однако они придали ей большой политический вес. — Как это произошло. — В чем судебная система аиглоамерикацев отличается от судебных систем в других странах. — Почему американские судьи имеют право признавать законы неконституционными. — Каким образом американские судьи используют это право. — Меры предосторожности, принимаемые законодателями для предупреждения злоупотреблений этим правом.

Я счел необходимым посвятить отдельную главу рассмотрению системы судебной власти в Соединенных Штатах. Ее политическое значение настолько велико, что, на мой взгляд, говорить о ней мимоходом означало бы умалить ее роль в глазах читателей.

Федерации, помимо Америки, были и в других местах; республики существовали во многих странах, а не только на берегах Нового Света; система представительных органов принята в нескольких государствах Европы; однако я не знаю, чтобы когда-то в какой-либо стране мира система судебной власти была бы создана на тех же принципах, что и американская.

Иностранцу сложнее всего понять в Соединенных Штатах именно организацию правосудия. Можно сказать, что нет такого политического события, по поводу которого он не слышал бы ссылок на авторитет судьи, из чего иностранец, естественно, заключает, что в Соединенных Штатах судья представляет собой одну из важнейших политических сил общества. Когда же затем

он начинает изучать устройство судов, то поначалу не обнаруживает ничего, кроме чисто судебных атрибутов и норм, Ему кажется, что судьи вмешиваются в государственные дела не иначе как случайно, хотя такие случайности повторяются ежедневно.

Когда Парижский парламент, делая свои замечания, отказывает в регистрации того или иного указа или же когда он вызывает на свое судебное заседание провинившегося чиновника, в этом видят открытую политическую деятельность судебной власти. Ничего похожего в Соединенных Штатах не наблюдается.

Американцы сохранили все характерные черты, свойственные судебно» власти, и точно определили сферу ее деятельности.

Первое отличительное свойство судебной власти у всех народов заключается в том, что она служит арбитром в спорных случаях. Для того, чтобы суд начал разбирать какое-либо дело, необходимо наличие спорной ситуации. Чтобы появился судья, должен быть судебный процесс. До тех пор, пока закон не дает оснований считать ситуацию спорной, судебная власть не имеет возможности вмешиваться в нее. Подобная ситуация может уже возникнуть, однако судебная власть как бы не замечает ее. Когда судья, ведя какое-либо дело, ставит под сомнение закон, имеющий отношение к данному делу, он тем самым расширяет сферу своей компетенции, но не выходит за ее пределы, поскольку, для того чтобы выразить свое мнение о деле, он вынужден в той или иной степени выразить свое суждение и о законе. Если же он дает оценку закону, не относящемуся к конкретному судебному процессу, то в этом случае он полностью выходит за рамки своей компетенции и вторгается в сферу деятельности законодательной власти.

Второе отличительное свойство судебной власти состоит в том, что она выносит свое решение по конкретным делам, но не по общим положениям. Когда при разрешении частного вопроса судья выступает против какого-либо общего принципа, будучи убежден, что, разбив в процессе разбирания дела каждый довод, вытекающий из этого принципа, он уничтожает сам принцип, то в данном случае судья остается в пределах естественной для него сферы деятельности. Если же судья непосредственно выступает против какого-либо общего положения и уничтожает его безо всякой связи с тем или иным конкретным делом, тогда он выходит из тех рамок, которые определены для судебной власти по общему согласию всех народов: он становится более важным, а может быть, даже и более полезным лицом, нежели просто судья, однако он одновременно перестает быть представителем судебной власти.

Третьей отличительной чертой судебной власти является то, что она может действовать лишь в том случае, когда к ней обратятся, или, говоря языком юриспруденции, когда в суде возбуждается дело. Данное свойство не столь характерно для судебной власти, как два предыдущих. Однако я полагаю, что, несмотря на исключения, эту черту можно считать весьма существенной. По своей природе судебная власть статична — для того чтобы она пришла в движение, ее необходимо подтолкнуть. Ей сообщают о преступлении — и она наказывает виновного, ее призывают к восстановлению справедливости — и она ее восстанавливает, ей предъявляют документ — и она разъясняет его содержание. Вместе с тем сама она не начинает ни преследование преступников, ни поиска фактов несправедливости, ни изучения этих фактов. Судебная власть нарушила бы некоторым образом свою природную пассивность, если бы сама проявляла инициативу и критически оценивала законы.

Американцы сохранили за судебной властью эти три отличительные черты, Судья в Соединенных Штатах может высказываться только тогда, когда возникает спорная ситуация; он занимается лишь конкретными случаями и начинает действовать, только если в суде возбуждается дело.

Следовательно, американский судья ничем не отличается от судей в других странах. Вместе с тем он облечен огромной политической властью.

Отчего это происходит? Он действует в тех же пределах и использует те же средства, что и другие судьи; почему же он обладает властью, которой лишены они?

Причина этого заключается в единственном факте: американцы признали за своими судьями право обосновывать свои решения, исходя в первую очередь из конституции, а потом уже из законов, — другими словами, они дозволили судьям руководствоваться лишь теми законами, которые, на их взгляд, не противоречат конституции.

Насколько мне известно, подобного права добивались судьи других стран, однако они его так и не получили. В Америке же оно признается всеми властями, там вы не встретите ни одной партии, ни одного гражданина, который бы стал оспаривать данное положение.

Объяснение этому можно найти в основных принципах, на которых построены все американские конституции.

Во Франции конституция незыблема или по крайней мере считается таковой. Никакая власть не в состоянии что-либо изменить в ней — такова общепринятая теория[4].

В Англии за парламентом признается право вносить изменения в конституцию. Следовательно, в Англии конституция может подвергаться изменениям до бесконечности, или, точнее, ее не существует вовсе. Парламент, будучи законодательным органом, является одновременно и учредительным собранием[5].

В Америке политические теории отличаются большей простотой и рациональностью.

Конституция в Америке не считается незыблемой, как во Франции; она не может быть пересмотрена выборной властью, как в Англии. Она является самостоятельным творением, отражающим волю всего народа; она обязательна для законодателей так же, как и для простых граждан. Вместе с тем она может быть изменена по воле всего народа соответствии с установленными правилами и в заранее определенных случаях.

Следовательно, в Америке конституция может видоизменяться, однако до тех пор, пока она существует, она является источником всякой власти, в ней заключается единственная господствующая в обществе сила.

Легко понять, каким образом вышеупомянутые различия отражаются на положении и правах судебных учреждений в трех названных мною странах.

Так, если бы во Франции суды могли не повиноваться законам на том основании, что они находят их противоречащими конституции, то в этом случае учредительная власть действительно оказалась бы в их руках, так как они одни располагали бы правом толковать конституцию, положения которой не могут быть никем изменены. Следовательно, они заняли бы место всего народа и стали бы господствовать в обществе в той мере, которую бы допустила присущая любой судебной власти слабость.

Я понимаю, что, лишая судей права объявлять законы неконституционными, мы тем самым косвенно даем законодательным органам возможность изменять конституцию, потому что их больше не сдерживают никакие правовые барьеры. Однако все же лучше дать право изменять конституцию, отражающую волю народа, тем, кто пусть далеко не полностью, но все же представляет этот народ, нежели тем, кто представляет лишь самих себя.

Было бы еще более неразумным давать английским судьям право выступать против воли законодательных органов, потому что парламент, принимающий законы, создает и конституцию, и, следовательно, закон, исходящий от трех властей, ни в коем случае нельзя назвать неконституционным.

Ни то, ни другое из вышеприведенных рассуждений

неприменимо к Америке.

В Соединенных Штатах конституция господствует над законодателями точно так же, как и над простыми гражданами. Таким образом, конституция есть основной закон государства, который не может быть изменен никаким другим законом. Поэтому совершенно правильно, что суды в первую очередь подчиняются конституции, отдавая ей предпочтение перед другими законами. Это вполне соответствует самой сути судебной власти, поскольку естественным правом каждого судьи является отбор среди нормативных актов тех, с которыми он наиболее тесно взаимосвязан.

И во Франции конституция является основным законом государства, и судьи имеют такое же право принимать ее за основу при вынесении своих приговоров. Вместе с тем, осуществляя это право, они не могут не посягать на другое право, более священное, нежели их собственное, — а именно на право общества, от имени которого они действуют. В этом случае доводы рядового человека должны отступать перед доводами Государства.

В Америке, где народ всегда может, изменив свою конституцию, привести судей к повиновению, подобной угрозы нечего опасаться. В этом отношении политика и логика сходятся, а народ и судьи пользуются каждый своими правами.

Когда в суде Соединенных Штатов ссылаются на закон, который судья находит не соответствующим конституции, он может отказаться его применять. Это право есть только у американских судей, и оно дает им большое политическое влияние.

В действительности существует довольно мало законов, которые по своей природе могли бы длительное время ускользать от критического взгляда судьи, потому что лишь очень немногие из этих законов не затрагивают личных интересов, тем более что стороны в судебном процессе располагают правом ссылаться на любой закон.

Между тем, как только судья отказывается применить какой-либо закон в ходе судебного разбирательства, тут же моральное воздействие данного закона сужается. И тем людям, права которых этот закон ущемляет, приходит в голову мысль, что наконец появилась возможность избавиться от обязанности повиноваться ему. В этой ситуации заметно возрастает количество судебных процессов, и закон теряет свою силу. Тогда происходит одно из двух: либо народ вносит изменения в свою конституцию, либо законодательная власть отменяет данный закон.

Таким образом, американцы предоставили своим судам огромную политическую власть. Вместе с тем судьи имеют право выступать против какого-либо закона только путем использования судебного механизма. Этим в значительной степени уменьшается опасность, которую таит в себе подобная власть.

Если бы судья имел право ставить под сомнение закон теоретически или же в общем плане или если бы он мог просто по своей инициативе надзирать за действиями законодателей, он стал бы, таким образом, играть одну из ведущих ролей на политической сцене. Сделавшись сторонником или же противником той или иной партии, он стал бы вовлекать в политическую борьбу все те страсти, которые обычно раздирают страну. Однако когда судья высказывает недоверие закону в рамках некоего таинственного судопроизводства, да еще и в применении всего лишь к частному случаю, то он отчасти скрывает от общественного мнения все значение своей акции. Его приговором затрагиваются лишь те или иные частные интересы, тогда как сам закон при этом страдает как бы случайно.

Кроме того, закон, раскритикованный подобным образом, продолжает существовать: его моральное воздействие уменьшается, однако на практике он вовсе не теряет своей силы. *Если* же закон все же прекращает свое существование, то это происходит постепенно, шаг за шагом, в результате непрерывно наносимых ему ударов со стороны судебных органов.

Кроме того, совсем нетрудно понять, что если закон подвергается критике в ходе судебного разбирательства частного случая и если судебный процесс против закона тесно связан с процессом против человека, то не так-то легко — и в этом можно быть уверенным — сделать законодательство объектом нападок. При такой системе законодательство не является открытой мишенью и для повседневных нападок со стороны различных партий. На ошибку законодателя указывается в том случае, когда в этом есть реальная необходимость, поскольку в судебном процессе всегда исходят из достоверности фактов, поддающихся необходимой проверке.

Вполне возможно, что подобная процедура американских судов, прекрасно отвечающая требованиям поддержания порядка, также способствует в полной мере обеспечению свободы.

Если бы судье полагалось выступать против законодателей только в ходе открытой, лобовой атаки, то временами он не отваживался бы на это или же, напротив, под влиянием своей партийной принадлежности нападал бы на них повседневно. В этом случае получалось бы так, что законы, принятые слабой

властью, подвергались бы непрерывным нападкам, а законам, вводимым сильной властью, безропотно бы подчинялись. Иными словами, те законы, которые было бы полезнее всего соблюдать, часто могли бы служить объектом нападения, и, наоборот, повиновались бы тем законам, именем которых можно было бы легко угнетать.

Однако американский судья был выведен на политическую арену помимо его воли. Он препарирует закон лишь потому, что ему необходимо вынести решение по конкретному судебному делу, а не принять такого решения он не имеет права. Политический же вопрос, который судья должен решать, взаимосвязан с интересами сторон, и он не властен обойти его, не нарушив тем самым справедливости. Выполняя свои непосредственные функции, вмененные ему в обязанность в соответствии с должностью, судья выполняет и свой гражданский долг. Совершенно естественно, таким образом, что судебный надзор за законами, осуществляемый судами, не может охватить все законы без исключения, так как есть и такие законы, которые никогда не смогут дать повод для критики именно в такой четко определенной форме, как судебный процесс. А если же подобное и случится, то вполне допустимо, что не найдется никого, кто захотел бы передать дело в суд.

Американцы часто сталкивались с этим недостатком, но тем не менее оставили средства воздействия на закон в незавершенном виде из опасения придать им излишнюю силу, которая в любом случае может представлять собой значительную опасность.

Вместе с тем, даже оставаясь в определенных границах, право американских судов объявлять тот или иной закон не соответствующим конституции служит все же одной из самых мощных преград, которые когда-либо возводились против тирании политических органов.

ПРОЧИЕ ПРАВА,

ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИМ СУДЬЯМ

В Соединенных Штатах все граждане имеют право возбуждать дело против должностных лиц в обычных судах. — Как они пользуются этим правом. Статья 75-я французской конституции VIII года. — Американцам и англичанам непонятен даже смысл этой статьи.

Я не знаю, нужно ли говорить о том, что у такого свободного народа, как американцы, все граждане обладают правом возбуждать дело против того или иного должностного лица в обычном суде и что все судьи имеют право выносить обвинительный приговор в отношении государственных служащих, — настолько это естественно.

Предоставление судам права наказывать представителей исполнительной власти в случаях нарушения ими закона отнюдь не является особой прерогативой судебных органов. Напротив, лишение их данного права означало бы нарушение самой природы правосудия.

Я не замечал, чтобы в Соединенных Штатах установление ответственности всех должностных лиц перед судом приводило бы к ослаблению правительственной власти.

Напротив, мне показалось, что, сделав это, американцы подняли уважение народа к тем, кто им управляет, поскольку представители власти всячески стараются ничем не навлечь на себя критику.

Я также не замечал, чтобы в Соединенных Штатах велось много политических процессов, и я без труда могу это себе объяснить. Любой судебный процесс, независимо от его характера, всегда сложное и дорогостоящее дело. Легко выдвигать обвинения против должностного лица в газетах, однако для передачи дела в суд нужны серьезные основания. Поэтому, для того чтобы начать судебное преследование какого-либо чиновника, необходимы прежде всего веские причины для жалобы, тогда как чиновники, опасающиеся такого судебного преследования, сделают все, чтобы не дать таких оснований.

Это не зависит от существующей в Америке республиканской формы правления; такое же может ежедневно происходить и в Англии.

Оба эти народа вовсе не думали, что смогут обеспечить свою свободу и независимость, позволив предавать суду самых высокопоставленных представителей власти. Они считали, что свобода будет гарантирована скорее в том случае, если все граждане будут хорошо осведомлены о мелких судебных процессах, которые ведется ежедневно, чем изредка узнавать о крупных, которые почти не проводятся, а если и проводятся, то слишком поздно.

В средние века, когда поймать преступников было чрезвычайно сложно, судьи, к которым некоторые из них все же иногда попадали, часто старались подвергнуть этих несчастных самым ужасающим наказаниям, что, однако, не приводило к

сколько-нибудь заметному сокращению преступлений. Со временем человечество признало тот факт, что, делая правосудие более неотвратимым и одновременно более мягким, его превращают в реально действующую силу.

Американцы и англичане полагают, что к произволу и тирании следует относиться как к воровству, то есть, иными словами, облегчать их преследование в судебном порядке и смягчать наказание.

На VIII году существования Французской республики была составлена конституция, статья 75-я которой гласила: «Представители правительства, за исключением министров, могут подвергаться преследованию за свои действия, относящиеся к их служебным обязанностям, лишь в результате постановления Государственного совета; в этом случае дело подлежит возбуждению в обычных судах».

Конституция VIII года уже канула в Лету, однако данная статья сохранилась; на нее и по сей день постоянно ссылаются, чтобы отвергать справедливые требования граждан.

Я нередко пробовал объяснить американцам и англичанам смысл 75-й статьи, но это всегда оказывалось для меня весьма трудным делом.

Им прежде всего представлялось, что Государственный совет Франции — это какой-то высший суд, созданный в самом центре королевства, а его функции предварительного заслушивания жалобщиков казались им проявлением тирании.

Но когда я пытался объяснить им, что Государственный совет отнюдь не является судебной инстанцией в буквальном смысле слова, а относится к административным органам, члены которого находятся в полном подчинении короля, так что король, самодержавно приказав совершить беззаконие одному из своих служителей, называемому префектом, своей верховной властью может приказать другому служителю, называемому государственным советником, воспрепятствовать наказанию первого. Когда я указывал им на человека, пострадавшего в результате королевского распоряжения и вынужденного обращаться к тому же королю за разрешением призвать на помощь правосудие, они отказывались поверить в существование подобных чудовищных нелепостей и обвиняли меня во лжи и невежестве.

В старину при монархическом строе нередко случалось так, что парламент издавал постановление об аресте государственного чиновника, который совершил то или иное правонарушение. Иногда в это дело вмешивался сам король и приказывал прекратить начатый процесс. В этом случае

деспотизм проявлялся открыто и повиновение оказывалось результатом подчинения силе.

Мы же, как оказалось, отошли далеко назад от того, чего добились наши отцы: мы допускаем, чтобы под видом правосудия и от имени закона возникали такие ситуации, с которыми наши предки мирились только под давлением неприкрытого насилия.

Глава VII

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Что автор понимает под политической юстицией. — Что такое политическая юстиция во Франции, в Англии, в Соединенных Штатах. — В Америке политический суд рассматривает лишь дела государственных должностных лиц. — Отстранение от должности как одна из мер наказания, наиболее часто применяемая политическим судом. — Политическое судопроизводство как обычное средство воздействия на должностных лиц со стороны правительства. — Политическая юстиция, существующая в Соединенных Штатах, — сильнейшее орудие в руках большинства, несмотря на свою мягкость, а возможно, и благодаря ей.

Под политической юстицией я понимаю имеющую временный характер судебную функцию органов политической власти.

Правительствам, обладающим неограниченной властью, не нужно придавать судебным мерам какие-либо чрезвычайные формы: монарху, именем которого вершится правосудие и который является полновластным хозяином судебной системы, как, впрочем, и всего остального, нет надобности искать оправдания своим действиям, так как данная ему власть сама по себе есть его гарант. Единственное опасение, которое может у него возникнуть, заключается в том, что в действительности не будет соблюдаться даже видимость правосудия и что вместо того, чтобы утвердить его власть, ее обесславят.

Но во многих свободных странах, где большинство совершенно не имеет возможности оказывать давление на суды так, как это сделал бы абсолютный монарх, иногда случалось, что

судебная власть на время вверялась органам, непосредственно представляющим общество. Считалось, что лучше объединить на короткое время разные власти, нежели нарушить основополагающий принцип правительственного единства. Англия, Франция и Соединенные Штаты закрепили законодательным путем введение политического судопроизводства, было бы любопытно проанализировать, к каким результатам пришли эти три вышеупомянутые великие державы.

Палата лордов в Англии и палата пэров во Франции образуют высшие уголовные суды[6] своих стран. Они не рассматривают всех без исключения дел политического характера, но имеют право это делать.

Наряду с палатой пэров и палатой лордов в этих странах есть органы политической власти, обладающие правом предъявлять обвинение. Единственное различие, которое существует в этом отношении между двумя странами, заключается в следующем: в Англии члены палаты общин могут обвинять в палате лордов всех, кого им только заблагорассудится, тогда как во Франции члены палаты депутатов могут привлекать к ответственности лишь королевских министров.

В остальном же и палата лордов, и палата пэров могут использовать любые нормы уголовного законодательства для наказания правонарушителей.

В Соединенных Штатах, как и в Европе, одна из палат законодательного корпуса облечена правом возбуждать дело, а другая — правом выносить приговор. Палата представителей указывает виновного, а сенат определяет ему наказание.

Однако никто, кроме *членов палаты представителей,* не имеет права обращаться в сенат с целью возбуждения дела, а обвинения палаты представителей могут быть направлены только против *государственных должностных лиц.* Таким образом, компетенция сената несколько уже, чем компетенция палаты пэров во Франции, однако палата представителей пользуется правом обвинения более широкого круга лиц, чем наши депутаты.

Вместе с тем самое существенное различие между Америкой и Европой состоит в следующем: в Европе политические суды могут применять любые нормы уголовного законодательства. В Америке же политический суд, после того как он принял решение сместить с официальной должности обвиняемого и объявил его недостойным занимать в будущем любые политически значимые посты, исчерпывает свои полномочия и дело передается в суды общей юрисдикции.

Предположим, что президент Соединенных Штатов совершил

преступление, квалифицируемое как государственная измена.

Палата представителей выступает в роли обвинителя, сенаторы принимают решение отстранить его от должности, а затем он предстает перед судом присяжных, который обладает исключительным правом лишить его свободы или даже жизни.

Это обстоятельство окончательно и в деталях проясняет интересующий нас вопрос.

Установленная законом система политической юстиции в Европе имела целью привлечение к ответственности особо важных преступников, независимо от их происхождения, социального статуса или уровня их власти в государстве. Чтобы достичь этого, верховному органу политической власти в определенные моменты предоставляются все прерогативы судов.

Законодатель, таким образом, превратился в судью: он получил возможность устанавливать факт преступления, квалифицировать его и определять для правонарушителя меру наказания. Давая законодателю права судьи, закон возложил на него и все судейские обязанности и предписал ему соблюдать все формальности, которые обычно присущи правосудию.

Когда французский или английский политический суд привлекает к ответственности государственного чиновника и выносит ему обвинительный приговор, самим этим фактом он лишает его должности и может объявить его недостойным занимать подобные должности в будущем. Однако такие политические меры наказания, как смещение с должности и запрет занимать ее впоследствии, являются следствием приговора, но не содержатся в самом приговоре как таковом.

В Европе, таким образом, судебно-политическое решение является скорее актом правосудия, нежели административной мерой.

В Соединенных Штатах дело обстоит совершенно иначе, в чем легко убедиться: судебно-политическое решение представляет собой прежде всего административную меру, а не акт правосудия.

Бесспорно, что решение сената по своей форме имеет все свойства судебного постановления. Для того чтобы принять его, сенаторы должны действовать в соответствии с присущими судебной практике торжественностью и формальностями. Это решение имеет признаки судебного и по характеру своей мотивировки: как правило, в процессе принятия решения сенаторы должны исходить из факта нарушения норм общего права. Однако суть самого решения является чисто административной.

Если бы американские законодатели действительно

стремились облечь орган политической власти широкими судебными полномочиями, они бы не ограничили сферу его деятельности привлечением к ответственности лишь государственных должностных лиц, потому что самые опасные враги государства могут вообще не занимать никакой государственной должности. И это в первую очередь относится к тем республикам, где поддержка той или иной партии является главным источником могущества и где наибольшей властью часто располагают те, кто официально не занимает никаких важных постов.

Кроме того, если бы американские законодатели собирались предоставить самому обществу право предупреждать крупные преступления так, как это происходит в результате деятельности судов, то есть внушая людям страх перед наказанием, то они бы разрешили политическим судам использовать все меры, предусмотренные уголовным законодательством. Однако законодатели дали этим судам лишь некое весьма несовершенное оружие, которое не способно воздействовать на наиболее опасных преступников. Да и что значит лишение права занимать государственные должности для того, кто стремиться ниспровергнуть сами законы?

Следовательно, главной задачей политической юстиции в Соединенных Штатах является лишение власти тех, кто не правильно использует ее, а также гарантия того, что и впоследствии данный гражданин не будет облечен подобной властью. Из этого явствует, что решение политического суда есть не что иное, как административный акт, выраженный в торжественной форме судебного постановления.

Таким образом, американцы создали какую-то смешанную систему: они придали процедуре отстранения от должности сугубо судебно-политический характер и вместе с тем отняли у политической юстиции возможность применять наиболее суровые меры наказания.

Исходя из этого, мы можем видеть, насколько все становится взаимосвязанным: находится объяснение тому, почему по американским конституциям все гражданские должностные лица подлежат юрисдикции сената и почему это не относится к военным, хотя их преступлений следует опасаться еще больше. В гражданской сфере у американцев практически все государственные должностные лица несменяемы: одни занимают свои должности пожизненно, другие получают полномочия от избирателей, и, следовательно, их нельзя ликвидировать. Поэтому, для того чтобы лишить власти этих государственных служащих, их всех необходимо предать суду. Между тем военные

подчиняются главе государства, который в свою очередь является гражданским должностным лицом. Следовательно, всякий удар, направленный против него, распространяется и на всех военных[7].

Если теперь мы начнем сравнивать результаты, к которым приводят или могут привести действия как европейской, так и американской системы, то обнаружим, что и здесь есть весьма существенные различия.

Во Франции и в Англии политические суды рассматриваются в качестве чрезвычайного средства, которое общество должно использовать для своего спасения лишь в периоды величайшей опасности.

Нельзя отрицать тот факт, что политический суд, по крайней мере такой, каким его видят в Европе, нарушает консервативный принцип разделения власти и является постоянной угрозой свободе и жизни людей.

В Соединенных же Штатах политический суд лишь косвенно затрагивает принцип разделения власти и вовсе не угрожает жизни граждан; в отличие от Европы, не нависая дамокловым мечом буквально над всеми головами, он карает только тех, кто, вступая в ту или иную государственную должность, заранее готов к его суровым мерам.

Политический суд в Соединенных Штатах одновременно и менее грозен, и менее действен.

Кроме того, законодатели Соединенных Штатов рассматривали его не в качестве чрезвычайного средства спасения общества в случае великих бедствий, а как обычное средство управления страной.

С этой точки зрения политический суд, видимо, оказывает более существенное воздействие на общественное устройство Америки, чем на общественное устройство Европы. В самом деле, не следует заблуждаться относительно кажущейся мягкости американского законодательства в том. что касается судебно-политических решений. Прежде всего следует отметить, что в Соединенных Штатах суд, который выносит судебно-политическое решение, состоит из тех же элементов и подвержен тем же влияниям, что и орган политической власти, имеющий право обвинения, и это неизбежно приводит к разгулу мстительных межпартийных страстей. Таким образом, хотя политические судьи в Соединенных Штатах не могут назначать столь суровые наказания, к каким прибегают политические судьи в Европе, в Америке существует значительно меньше шансов быть оправданным ими. Осуждение менее грозное, однако скорее всего неизбежное.

Европейцы, учреждая политические суды, имели своей главной целью *наказать* виновных; американцы стремились *отнять* у них *власть.* В Соединенных Штатах судебно-политическое решение является, некоторым образом, превентивной мерой. Следовательно, здесь судья не должен быть накрепко связан точной дефиницией состава преступления.

Нет ничего страшнее расплывчатости определений так называемых политических преступлений, которые даются в американских законах. «Преступления, за которыми может последовать осуждение президента, — говорится в Конституции Соединенных Штатов, разд. IV, ст. 1, — суть государственная измена, взяточничество или другие важные преступления и проступки». Большинство конституций американских штатов еще более расплывчаты и неясны.

«Государственные должностные лица, — говорится в конституции штата Массачусетс, — могут быть привлечены к ответственности за преступное поведение, которым они отличались, а также за плохое управление»[8]. «Всякий чиновник, который поставил Государство в опасность плохим управлением, взяточничеством или другими проступками, говорится в конституции штата Виргиния, — может предстать в качестве обвиняемого перед палатой представителей». Есть конституции, которые вообще не указывают никаких видов преступлений с тем, чтобы оказывать давление на государственных должностных лиц, поскольку круг действий, за которые они могли бы нести ответственность, совершенно не ограничен[9].

Однако осмелюсь заметить, что именно мягкость американских законов в этой области придает им особенно грозный характер.

Мы уже видели, что в Европе отстранение государственного чиновника от должности и политический запрет занимать подобную должность в будущем есть всего лишь одно из последствий определенного ему наказания, тогда как в Америке это и есть само наказание. Из этого вытекает следующее: в Европе политические суды облечены страшными правами, которыми они не всегда знают, как пользоваться; случается, что они вовсе не определяют наказания из опасения наказать слишком сурово. В Америке же никто не останавливается перед наказанием именно потому, что не вызывает ужаса у человечества: приговорить политического противника к смерти с целью лишить его власти есть ужасающее убийство в глазах всех людей; однако объявить своего противника недостойным распоряжаться властью и лишить его этой власти, оставив ему свободу и жизнь, может показаться честным результатом борьбы.

Между тем данное решение, принимаемое столь просто, не становится от этого меньшим несчастьем для тех, на кого оно распространяется. Крупные преступники, бесспорно, не обратят никакого внимания на эти напрасные проявления строгости закона, тогда как обыкновенные люди будут видеть в нем акцию, имеющую целью уничтожить их положение в обществе, запятнать их честь и приговорить их к постыдной бездеятельности, которая для них страшнее самой смерти.

Таким образом, воздействие, оказываемое решением политических судов на жизнь общества, в силу того что оно кажется менее пагубным, делается от этого еще более значительным. Механизм принятия судебно-политического решения не касается непосредственно тех, кем управляют; однако он полностью передает тех, кто управляет, во власть большинства; право принимать судебно-политические решения отнюдь не дает законодательному органу той огромной власти, которой он может пользоваться только в кризисных ситуациях; оно дает законодателям умеренную и упорядоченную власть, осуществляемую ежедневно. Если сила меньше, то, с одной стороны, ею удобнее пользоваться, а с другой — ею легче злоупотреблять.

Поэтому, лишая политические суды права устанавливать чисто судебные наказания, американцы, как мне кажется, скорее предотвратили ужасающие последствия тирании законодательных органов, нежели тиранию как таковую. И если взвесить все «за» и «против», то еще неизвестно, не окажется ли политический суд в том виде, как его понимают в Соединенных Штатах, самым грозным оружием, которое когда-либо было предоставлено в распоряжение большинства.

Думаю, будет легко определить момент, когда американские республики начнут приходить в упадок; для этого достаточно будет знать, увеличилось или нет количество политических процессов в судах[10].

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

Помещаем факсимильно страничку из январского номера F&SF за 1995 год, чтобы наши читатели ощутили пульс американского фэндома и активнее подключились к общей сети.

BOOKS-MAGAZINES

S-F FANTASY MAGAZINES, BOOKS. Catalog $1.00. Collections purchased (large or small). Robert Madle, 4406 Bestor Dr., Rockville, MD 20853.

PULPS, HARDBOUNDS, PAPERBACKS, 50 page catalog for $2, buy, sell, trade. Graham Holroyd, 19 Borrowdale Dr., Rochester, NY 14626. 716-225-4879.

200,000 SF and Mystery paperbacks, hardcovers, magazines in stock. Free catalogs. PANDORA'S BOOKS, Box F-54, Neche, ND 58265.

SEND 50¢ FOR CATALOG of Scientifantasy books & Pulps. Canford, Drawer 216, Freeville, NY 13068.

SF/HORROR/MYSTERY paperbacks. New & Used. Free catalog! T.D. Bell, 526 Leahy Lane, Ballston Spa, NY 12020

FREE CATALOGS of Science Fiction/Fantasy pulps, digests, paperbacks, hardcovers. Collections purchased (large or small). Ray Bowman, Box 167F, Carmel, IN 46032.

THE SHADOW AT YOUR BACK
is a demon, an actor in the theater of horror. Look for it as knives flash through the novel STREET. Author Jack Cady and Publisher St. Martin's. Now at your bookseller.

FREE CATALOGS. Lovecraft, King, Star Trek, F&SF. Old Stone Wall Books. 8 Hampton Lane, Andover, MA 01810

DICTIONARY FOR GENE WOLFE'S NEW SUN. $39.95 to Sirius Fiction, POB 460430, SF, CA 94146.

SF/FANTASY/HORROR BOOKS. Mostly Firsts. Catalog $1.00. Refundable. Abecedarian, 3368 Governor #F220, San Diego, CA 92122.

TAPES/CASSETTES

OLD TIME RADIO PROGRAMS on quality tapes. Great classic science fiction! Also comedy, mysteries, westerns, music. Free catalogue. Carl Y. Froelich, 2 Heritage Farm, New Freedom, Pennslyvania 17349.

MISCELLANEOUS

FOUR HOURS FREE-long distance calls, Residential/Commercial. L.S.A.S.E.-Communications, POB 32217, Palm Beach Gardens, FL, 33420-2217.

FROM THE MESOZOIC THRU THE GREAT BEYOND Space and Dinosaur Fantasy Fine Art Prints, T-Shirts and more. Send SASE to CALIBAN PRODUCTIONS, 75 Canal Road, Easton, PA 18042 for current selection.

SELLING PERSONAL COLLECTION rare SF and StarTrek memorabilia, books, autographs, early publications. For list $1.00 and #10 SASE to JayDee, P.O. Box 171324, Arlington, TX 76003.

NAME A STAR in the Universe after someone special. Receive certificate, charts, other information. For information call 1-703-631-3495 or write: Celestial Registry, Box 773, Washington, DC 20044. Include stamped envelope.

FREE CATALOG. Good music with no commercial potential. UNCOMMON MUSIC, Box 816-F, Yonkers, NY 10703-0816. Fax: 201-947-3573.

Reach 180,000 responsive readers at these low, low rates: $15.00 minimum for 10 words, plus $1.50 for each additional word. Frequency discount: 10% for six consecutive insertions, 15% for twelve. Send copy and remittance to: F&SF Market Place, 143 Creamhill Road, West Cornwall, CT 06796.

FB2 created by

mefysto

notes

Примечания

1

Не тронь меня — (лат)

2

Кто это? На помощь! (иск. исп.)

3

Откуда эти? — (иск. исп.)

4

Подобная незыблемость конституции во Франции является неизбежным следствием наших законов.

И если вначале говорить о самом важном из законов, а именно о том законе, который регулирует порядок наследования трона, то какой политический принцип может быть более незыблемым, чем тот, который основан на природном законе наследования от отца к сыну? В 1814 году Людовик XVIII добился признания вечного права на престол для своего семейства. Те, кто определял результаты революции 1830 года, последовали его же примеру: они лишь подтвердили неизменность данного закона наследования престола в пользу другой династии. И в этом они подражали канцлеру Моцу, который в период формирования нового парламента не преминул заботливо объявить в том же самом ордонансе, что новые депутаты будут столь же неотзываемыми, как и их предшественники.

Законы 1830 года, равно как и законы, принятые в 1814 году, не предоставляют никакой возможности изменять конституцию. Следовательно, вполне ясно, что обычные законодательные средства недостаточны для достижения подобной цели.

На чем основана сила королевской власти? На конституции. А власть пэров? На конституции. А власть депутатов? На конституции. Тогда каким образом могут король, пэры и депутаты, объединив свои усилия, изменить что-либо в том основном законе, который и является единственным источником их права на власть? Без конституции они — ничто. А раз так, то на что они смогут опереться, если захотят изменить эту конституцию? Есть только два варианта: либо их усилия, направленные против хартии, оказываются бесполезными и она продолжает существовать, вопреки их воле, предоставляя им возможность по-прежнему править от ее имени; либо им все же удается изменить хартию, и тогда закон, давший им юридическое существование, уходит в небытие, превращая их самих в ничто. Уничтожив хартию, они уничтожили самих себя.

В законах, принятых в 1830 году, это просматривается даже с большей отчетливостью, чем в законах 1814 года. В 1814 году королевская власть еще рассматривалась как нечто, внеположное конституции и возвышающееся над нею, в то время как в 1830 году она, по ее собственному признанию, создается конституционным путем и без конституции ровным счетом ничего не значит.

Таким образом, часть нашей конституции является

неизменяемой потому, что она связана с судьбой царствующего семейства, да и в целом конституция также неизменна, поскольку не имеется никаких легальных способов ее изменить.

Все это совершенно неприменимо к Англии. Поскольку здесь нет письменно зафиксированной конституции, кто может заявить, что Англия изменяет свой основной закон?

5

Самые почтенные из писавших об английской конституции авторы словно соревнуются друг с другом, подчеркивая это всемогущество парламента.

Делолм пишет (гл. X, с. 77): «Основополагающим английские юристы считают принцип, согласно которому парламент наделен возможностью совершить все, что угодно, кроме возможности превратить женщину в мужчину, а мужчину — в женщину».

Блэкстон поясняет еще категоричнее, хотя и не столь выразительно, как Делолм, эту же мысль в следующих словах: «Власть и юрисдикция парламента, по мнению сэра Эдварда Коука (4 Ист., 36), столь обширны и абсолютны как над отдельными личностями, так и по конкретным вопросам, что они не могут определяться какими бы то ни было ограничениями… Об этом органе власти, — добавляет он, — можно с полным основанием утверждать: Si antiquitatem spectes, est vetustissima; si dignitatem, est honoratissima; si jurisdictionem, est capacissima. [С точки зрения времени — очень древняя; с точки зрения престижа — очень почетная; с точки зрения юрисдикции — очень действенная *(лат).*] Он пользуется суверенными и бесконтрольными полномочиями создавать, утверждать, расширять, ограничивать, отменять аннулировать, восстанавливать и толковать любой закон во всех законодательных сферах, будь то церковное, светское, гражданское, военное, морское или уголовное право. Именно парламент наделяется конституцией объединенного королевства той деспотической и абсолютной властью, которая при любой форме правления должна находиться в чьих-то руках. Все социальные беды и невзгоды, все мероприятия и средства борьбы с этими невзгодами, когда они выходят за рамки закона, передаются на рассмотрение этому чрезвычайному трибуналу. Он может регулировать или даже видоизменять закон о престолонаследии, как это было сделано во времена царствования Генриха VIII и Вильгельма III. Он способен изменить уже принятую страной религию, как это неоднократно случалось в период правления Генриха VIII и его детей. Он может *изменить или создать новую конституцию королевства* и даже законы, регулирующие жизнь самого парламента, как это было сделано принятием акта об объединении Англии с Шотландией, а также различных постановлений относительно трех- и семилетних сроков избрания членов парламента. Одним словом, он может сделать все, что только в человеческих силах, и поэтому

кое-кто не постыдился назвать эту власть, пожалуй чересчур смело, *всевластием* парламента.

Кроме того, палата лордов в Англии является последней апелляционной инстанцией в некоторых гражданских делах.

Это вовсе не означает, что офицера можно лишить его звания, но это значит, что его можно отстранить от командного поста.

8

Гл. I, раздел II, § 8.

9

См. конституции штатов Иллинойс, Мэн, Коннектикут и Джорджия.

10

Конституции разных американских штатов лучше всего согласуются между собой в области политического устройства.

Конституции всех штатов, в которых это установлено законом, наделяют именно палату представителей исключительным правом выдвигать обвинения, кроме конституции Северной Каролины, согласно которой это право отдано большому жюри присяжных, решающему вопрос о подсудности того или иного дела (ст. 23).

Конституции почти всех штатов наделяют сенат или замещающую его ассамблею исключительным правом выносить решения по особо важным политическим вопросам.

Единственными мерами наказания, которые могут быть определены политическим судом, является отстранение от государственной должности или запрещение заниматься в будущем государственной деятельностью. Только конституция штата Виргиния позволяет политическому суду определять любые виды наказания.

Политическими преступлениями, которые могут подлежать судебному разбирательству по федеральной конституции (разд. IV, ст. 1), по конституции Индианы (ст. 3, с. 23, 24), Нью-Йорка (ст. 5) и Делавэра (ст. 5) являются государственная измена, коррупция и другие опасные преступления или проступки.

По конституции Массачусетса (гл. I, разд. II), Северной Каролины (ст.23) и Виргинии (с. 252) таковыми считаются нарушение норм поведения и плохое руководство.

По конституции Нью-Гэмпшира (с. 105) — коррупция, махинации и плохое руководство.

По конституции Вермонта (гл. II, ст. 24) — плохое руководство.

В Южной Каролине (ст. 5), Кентукки (ст. 5), Теннесси (ст. 4), Огайо (ст. 1, 23, 24), Луизиане (ст. 5), Миссисипи (ст. 5), Алабаме (ст. 6), Пенсильвании (ст. 4) — должностные проступки и нарушения. В конституции штатов Иллинойс, Джорджия, Мэн и Коннектикут характер преступлений не уточнен.